

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ЯКУТИИ: ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ВЫПУСК 4

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЯКУТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ЯКУТИИ: ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник научных статей

Якутск 2020

УДК 009:001.891-057.4(571.56)
ББК 6/8-82(2Рос.Яку)

*Утверждено к печати
Ученым советом Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН*

Рецензенты:

к.и.н. Н.Н. Радченко,
к.и.н. А.А. Сулейманов

Редакционная коллегия:

д. социол. н. Е.Г. Маклашова (ответственный редактор),
к.и.н. Н.К. Данилова, к.ф.н. Ф.Н. Дьячковский, к.и.н. Я.М. Санникова

Составитель: к.и.н. А.И. Архипова

Гуманитарные науки в Якутии: исследования молодых ученых. Вып. 4: сборник научных статей [Электронный ресурс] / редкол. Маклашова Е.Г., Данилова Н.К., Дьячковский Ф.Н., Санникова Я.М. – Якутск: Изд-во ИГИиПМНС СО РАН, 2020. – 144 с.

В сборнике представлены научные статьи, вызвавшие интерес на Республиканской научно-практической конференции «Гуманитарные исследования молодых ученых: локальные и мировые тренды» (Якутск, 16 апреля 2020 г.).

Включенные в сборник материалы, сгруппированы в несколько тематических блоков и отражают научные интересы молодых исследователей в области гуманитарных и общественных наук.

Сборник предназначен для научных сотрудников, профессиональных историков, филологов, этнографов, преподавателей вузов, соискателей, аспирантов и студентов.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

АКИМОВА А.С. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КЫЫМ» 1941-1945 ГГ.)	8
БОРИСОВА Ю.М. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В «РУССКО-ЯКУТСКОМ СЛОВАРЕ» С.Н. ДОНСКОГО-I	12
ТЕЙКИН М.С. СТАТУС ЭТНОНИМА В ОНОМАСТИКЕ.....	15
СКРЯБИНА А.А. УСТАРЕВШАЯ БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ.....	20
ЕФРЕМОВА Н.А., ТАТАЕВА А.Н. ФОНЕТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ТУНДРЕННОГО И ЛЕСНОГО ДИАЛЕКТОВ ЮКАГИРСКОГО ЯЗЫКА	24

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

КИРЬЯНОВ Н.С. ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ У ВЕРХОЯНСКИХ И ОЙМЯКОНСКИХ ЯКУТОВ XVII-XVIII ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ)	29
ЯГЛОВСКИЙ А.С. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ НА ПРИМЕРЕ МУРЬИНСКОГО КЕЛЬТА ..	33
ПРОКОПЬЕВА А.Н. К ОСТЯНЬЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ КУЛУН-АТАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ	36
СЛЕПЦОВА А.А. ИЗОБРАЖЕНИЕ ЫСЫАХА В ИЗДЕЛИЯХ ИЗ МАМОНТОВОЙ КОСТИ.....	41
ГАВРИЛЬЕВ Д.З. ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЯКУТСКОГО ГОНЧАРСТВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР	45
ВАРАВИНА Г.Н. КАЛЕНДАРЬ ЭВЕНОВ ЯКУТИИ: ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И ОБРЯДЫ.....	51
БАНДЕРОВА (СЛЕПЦОВА) В.Я., АЛЕКСЕЕВА С.А. ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭВЕНОВ КОБЯЙСКОГО РАЙОНА ЯКУТИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД	62
ЯКОВЛЕВ А.И. ТЮСЮЛГЭ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ: ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ..	73
ВАСИЛЬЕВ А.Д. «ОБЪЕЗЖАТЬ ВВЕРЕННУЮ ОБЛАСТЬ В ДВА ГОДА ОДИН РАЗ...»: КОНТРОЛЬНО-РЕВИЗИОННЫЕ ФУНКЦИИ ЯКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО НАЧАЛЬНИКА (ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX В.).....	80

АРХИПОВА А.И. ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ БУЛАТОВ: К БИОГРАФИИ ЧИНОВНИКА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.....	84
САВВИНОВ П.О. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВОДОСНАБЖЕНИЯ ЯКУТСКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1915 – 1916 ГГ.).....	88
НИКОЛАЕВ Д.А. ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЛЕНСКОГО РЕЧНОГО ПАРОХОДСТВА.....	94
АПРОСИМОВ Д.А. МЕСТА ПАМЯТИ Г. ЯКУТСКА КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ	99

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

ВАСИЛЬЕВА О.В. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОБЩЕСТВА	106
АСТАХОВА И.С. РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ЭВЕНКЙСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ЯКУТИИ (НА ПРИМЕРЕ САДЫНСКОГО ЭВЕНКЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕГА).....	112

СТУДЕНЧЕСКАЯ ТРИБУНА

АКЕН АЙНУР ЕРБОЛКЫЗЫ ИСТОРИЯ ПАЛЕОЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА	120
МИХАЙЛОВА А.И., БУРЦЕВ С.А. К ПРОБЛЕМЕ ДАТИРОВКИ ПЕТРОГЛИФОВ НА ОСНОВЕ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА ПИСАНИЦЫ КЮНКЮ И МАТЕРИАЛОВ ПАМЯТНИКА КЮНКЮ II В ЮЖНОЙ ЯКУТИИ.	123
МИХАЙЛОВА С.М. ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЯКУТОВ О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОЛЕЗНЕЙ: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА	127
МИХАЙЛОВА С.А. ЖЕНСКИЕ БОЖЕСТВА В ПАНТЕОНЕ КУЛЬТА АЙЫЫ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	130
БАИШЕВА А.Ю. СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ ЯКУТСКИХ И ЭВЕНСКИХ СЕМЕЙ ВЕРХОЯНСКОГО РАЙОНА РС (Я)	134
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	142

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленный сборник статей является серийным изданием и публикуется Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (далее - ИГИиПМНС СО РАН) по итогам традиционной научно-практической конференции молодых ученых-гуманитариев Республики Саха (Якутия).

В 2020 г. молодежная конференция «Гуманитарные исследования молодых ученых: локальные и мировые тренды» была приурочена двум историческим событиям: 75-летию Победы в Великой Отечественной войне и 85-летию ИГИиПМНС СО РАН. Всего в программу конференции было включено 39 докладов, из них пять в соавторстве. Участие в конференции приняли как уже состоявшиеся молодые ученые, так и начинающие научное творчество молодые сотрудники, аспиранты, а также работники музеев, преподаватели, учителя, магистранты и студенты, из городов Якутск, Магадан, Нур-Султан, проявляющие научный интерес к предмету своей основной деятельности.

Ставшая традиционной целью молодежной конференции – апробация результатов научных исследований, рассматривающих широкий спектр вопросов социально-гуманитарных наук, была дополнена поиском путей научно-исследовательского взаимодействия и сотрудничества между начинающими и уже состоявшимися молодыми учеными. В частности, в сфере общественных наук создана коллаборация между СВФУ им. М.К. Аммосова и ИГИиПМНС СО РАН по направлению история – социология – политология между преподавателями, магистрантами и научными сотрудниками, воплотившаяся в разработку совместных проектов как научных, так и связанных с организацией научных мероприятий.

На основе 25 докладов были подготовлены научные статьи, публикуемые в презентуемом сборнике. Материалы традиционно представлены по трем разделам: филологические, исторические и общественные науки. Тематика исследований достаточно спектральна и обусловлена научными интересами авторов. Стоит подчеркнуть, что в сборнике представлены научные результаты как по актуальным проблематикам российского уровня, так и узко предметным исследованиям. Особенностью сборника этого года является включение материалов начинающих исследователей – студентов и магистрантов, с целью активного вовлечения их в научно-исследовательскую работу и формирования исследовательских компетенций, что обусловило выделение блока «Студенческая трибуна».

В разделе «Филологические науки» рассматриваются: классификация устаревших слов якутского языка с точки зрения степени их устарелости и лексико-семантического содержания; фонетические различия тундренного и лесного диалектов юкагирского языка; вопросы терминологической синонимии; особенности способов передачи военных терминов в период войны.

Исторический раздел представлен научными исследованиями, темпорально охватывающими широкий период истории становления и развития Якутии; открывается материалами по археологии и этнографии, расширяющими знания о хозяйственно-культурной, социальной и этнической жизни коренных народов Якутии

на разных этапах исторического развития. Уделяется внимание вопросам управления во второй четверти XIX в. и начале XX вв., становления Ленского речного пароходства, сохранения и передачи исторической памяти о Великой Отечественной войне.

В разделе «Общественные науки» рассматриваются актуальные вопросы современной межэтнической и религиозной ситуации в Республике Саха (Якутия), в частности, роли социального капитала в формировании картины межэтнических отношений в регионе, влияния исторических событий на религиозные процессы уникальных локальных сообществ.

Сборник научных статей издается в электронном виде с целью расширения потенциального круга читателей, популяризации результатов научных исследований молодых ученых и студентов, предназначен широкому кругу исследователей, преподавателям, педагогам, аспирантам и студентам, государственным и общественным деятелям.

Статьи публикуются в авторской редакции.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 811.512.15

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ВОЕННЫХ ТЕРМИНОВ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «КЫЫМ» 1941-1945 ГГ.)

Акимова А.С., к.ф.н.

Аннотация. В статье освещаются особенности передачи военных терминов в якутском языке в период Великой Отечественной войны на материалах газеты «Кыым» изданной в 1941-1945 гг. В результате анализа текстов газеты «Кыым», автор отмечает то, что в указанный период вся письменная литература была ориентирована на термины, заимствованные из русского языка. Терминологический фонд якутского языка пополнялся на указанном историческом этапе времени в основном, за счет публикаций на страницах фронтовых газет, а также переводческой деятельности. Газета должна была помочь командованию довести поставленную задачу до каждого бойца. Поэтому в годы войны наряду с заимствованиями, в целях лучшего понимания читателем прочитанного материала, авторы статей применяли исконно якутские термины – эквиваленты. Также в статьях газеты встречается фонетизированная передача заимствованных слов-терминов. Под фонетической ассимиляцией понимается замена иноязычных звуков звуками принимающего языка.

Ключевые слова: якутский язык, эквивалент, заимствования, газета, Кыым, Великая Отечественная война, фонетизированное написание, военный термин.

MILITARY TERMS PECULIARITIES IN THE YAKUT LANGUAGE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (BASED ON THE MATERIALS OF THE NEWSPAPER «KYUM» 1941-1945)

Abstract. The article highlights the military terms peculiarities in the Yakut language during the Great Patriotic War based on the material of the newspaper “Kyum” published in 1941-1945. As a result of the analysis of the texts from the newspaper “Kyum”, the author of this article reveals that during this period, all written literature was focused on terms borrowed from the Russian language. The terminological Fund of the Yakut language was replenished at this historical stage of time, mainly due to publications on the pages of front-line Newspapers, as well as translation activities. The newspaper was supposed to help the command to bring the task to each soldier. Therefore, during the war, along with borrowings, in order to better understand the reader read the material, the authors of articles used native Yakut terms - equivalents. Also in the newspaper articles there is a phonetized transfer of borrowed words-terms. Phonetic assimilation refers to the replacement of foreign-language sounds with the sounds of the receiving language.

Keywords: Yakut language, term, equivalent, borrowings, newspaper, Kyum, periodical press, Great Patriotic War, phonetized spelling, military term.

Периодические издания являются одним из главнейших исторических источников, которые предоставляют достаточно большой объем информации о жизни якутян в годы Великой Отечественной войны (далее ВОВ). Газеты и журналы фиксируя на своих страницах события, являются носителями важной и интересной информации, свидетельством о прошлом и сохраняют, таким образом, память о давно минувшем.

Первая официальная газета на якутском языке называлась «Манчаары». Ее первый номер вышел 28 декабря 1921 г. Через два года комиссия из трех человек – нар-

кома внутренних дел С. Аржакова, наркома образования И. Винокурова и члена правления «Холбоса» М. Попова – решила сделать газету периодической и дать ей новое название – «Кыым». Во все времена «Кыым» являлся народной газетой. В годы ликвидации безграмотности не хватало книг и учителей, и номера этого легендарного издания заменяли их для населения, которое тянулось к свету знаний.

В годы ВОВ газету «Кыым» посылали на фронт воинам-якутянам, и такая связь с малой родиной укрепляла их в своей решимости крушить врага. И сегодня «Кыым» остается верен традициям, заложенным его основателями являясь самой популярной газетой в Якутии, которая издается на якутском языке.

В годы ВОВ значение общественно-политической литературы нарастает. Об этом, Н.Е. Петров пишет: «Огромную силу воздействия на массы приобрели ораторский, газетный, общественно-публицистический, торжественный, деловой, канцелярский стили с их специфическими средствами выражения модальности» [5, с. 53]. День за днем выходили номера со сводками от Советского Информбюро о ходе боев, о работе в тылу, отражая суровые реалии военного времени. В те годы резко возрастает идеологическая функция печати. Усиливается воспитательное содержание газет, влияющее на сознание, убеждения и общественные действия людей. Газеты отражали повседневную жизнь якутян, которые, несмотря на невзгоды, продолжали трудиться, учиться, проводить культурный досуг.

Первое сообщение о начале войны вышел в понедельник, 23 июня 1941 г. в экстренном выпуске газеты «Кыым» №146 (4959). Там было опубликовано выступление по радио заместителя председателя Совета Народных комиссаров Союза ССР и народного комиссара иностранных дел тов. В.М. Молотова от 22 июня 1941 г. В выступлении говорилось: «Советской Союз гражданныра уонна гражданкалар! Советской правительство уонна кини баһылыга таб. Сталин миэхэбэ маннык этиини онгорбор соруудахтаатылар: Бүгүн, 4 чаас сарсыарда, Советской Союзка ханнык даҕаны сылтаҕа суох, сэриилэһиини биллэриитэ суох, германской сэриилэр биһиги дойдубутугар саба түстүлэр, биһиги границаларбытын элбэх сирдэринэн атакалаатылар уонна бэйэлэрин самолеттарынан биһиги куораттарбытын – Житомиры, Киевы, Севастополы, Каунаһы уонна сорох атын куораттары бомбалааһынҥа тигиһиннэрдилэр, маныаха 200-тэн тахса киһи өллө уонна бааһырда» [8, с. 1]. Из выше приведенного примера сразу же ощущается языковая политика того времени. Она проводилась в духе реализации общеизвестных лозунгов «сближения и слияния наций» и образования новой исторической общности – «советский народ». В те годы вся письменная литература была ориентирована на термины, заимствованные из русского языка. Также, следует отметить еще одно важное событие тех лет, которая тоже внесла свой вклад на развитие языковой обстановки того периода – это переход якутской письменности на кириллицу. Новый алфавит был введен в 1940 г. После перехода на новый алфавит началась работа по вопросам якутской терминологии и орфографии. Переход на русский алфавит дал возможность упорядочить заимствованные термины в плане орфографирования путем сохранения русского написания их основы.

В этот период в связи с бурным развитием промышленности и техники, широкое распространение по всей стране получает военная терминология. Создание и усовершенствование военной техники, перестройка промышленности на военный лад способствовали появлению военных терминов, ставших новыми не только для якутского языка, но и для самого русского языка, через который происходило заимствование их в языки народов СССР. Как пишет, Б. Хасанов «Подобные неологизмы в области военной терминологии заимствовались через русский язык из французского (*авангард, амбразура, блиндаж, десант, траншея и др.*), немецкого (*адъютант, бру-*

ствер, фланг, фельдмаршал и др.), английского (*рейд, лазер и др.*) языков» [9, с. 67].

В условиях войны велико было значение печатного слова, и особенно – фронтовых газет. Газета должна была помочь командованию довести поставленную задачу до каждого бойца. Поэтому в годы войны наряду с заимствованиями, в целях лучшего понимания читателем прочитанного материала, авторы статей применяли исконно якутские термины, т.е. эквиваленты как: *өстөөх* ‘враг’; *саа* ‘ружье’; *сэрии* ‘война’; *кыайыы* ‘победа’; *хоодуот быһыы* ‘отвага’; *ытыалаһыы* ‘стрельба’; *ытааччы* ‘стрелок’; *үлтүрүтэ тэптэрии* ‘взрыв’; *талабырдьыт* ‘налетчик, захватчик’; *өлүк* ‘труп’; *эйэ* ‘мир’; *дьүүллэһии* ‘обсуждение’; *бааһырбыт* ‘раненный’; *үлтүрүтүү* ‘сокрушить, разгромить’; *кыргыһыы* ‘сражение’; *саба түһүү* ‘нападение’; *ынгырыы* ‘призыв’; *хорсун* ‘смелый’ и др.

На страницах газет тех лет невооруженным глазом можно увидеть широкое использование безэквивалентных терминов. Это объясняется тем, что в 1940 году правительственная комиссия разработала и опубликовала «Орфографический справочник якутского языка». В предисловии «справочника» указаны исходные основы правил орфографии. Главным приоритетом стало единство написаний, которое позволяло сохранять русское написание заимствованных терминов [1, с. 9]. Например: *армия, мина, фашист, летчик, боевой, фронт, полк, батарея, большевик, самолет, танк, авиация, атака, разведчик, пехота, героизм, снаряд, диверсия, батальон, оружие, флот, нацист, пропагандист, фотография, бюро, пулемет, автомат, винтовка, трибунал, артиллерия, десант, радиоточка, боеприпас, кавалерия* и т.д. Как пишет, Маринова Е.В. «Иноязычное заимствованное слово относится к безэквивалентной лексике, если оно представляет собой единственное наименование денотата и не имеет в принимающем языке эквивалента. Семантика и фонетическая форма этого слова неизвестны носителям языка и являются для них новыми» [4, с. 49].

Также на пожелтевших страницах «Кыым» встречается фонетизированная передача заимствованных слов-терминов. Под фонетической ассимиляцией понимается замена иноязычных звуков звуками принимающего языка [2, с. 22]. Как пишут исследователи: «В отношении заимствованных слов, давно укоренившихся в якутском звучании, единство написаний закрепляло для письма тот вариант произношения, который оказывался ближе к русскому оригиналу и имел широкое распространение. Например, говорится *мандьыыт, мальдьыыт, бандьыыт, бадьдьыыт, мандьыык*, а пишется *бандьыыт* ‘бандит’» [6, с. 38]. Для наглядности приведем примеры из газеты представленные в фонетизированном написании типа, *куорат* ‘город’, *кириэппэс* ‘крепость’, *лаабыр* ‘лагерь’, *субуотка* ‘сводка’, *байыаннай* ‘военный’, *муоста* ‘мост’, *үспүйүөн* ‘шпион’, *харабыл* ‘корабль’, *борохуот* ‘параход’, *табаарыс* ‘товаришь’, *сибидиэннэ* ‘сведения’, *усулубуйа* ‘условия’, *чаас* ‘часть’, *ботуруон* ‘патрон’, *хоруон* ‘гроб’, *тыыл’тыл* и т.д.

Исследуя язык первых якутских газет, профессор П.А. Слепцов отмечает значительную роль русско-якутского перевода в просвещении масс якутского народа и формировании литературных норм якутского языка, и приходит к выводу о том, что «на страницах [первых] газет зарождались ростки весьма оригинального стиля газетной публицистики на основе обработки разговорного языка, обобщенных форм эмоционально-экспрессивной фольклорной и ораторской речи и книжно-письменных способов выражения с различными инновациями под прямым воздействием русских текстов» [7, с. 353]. Это говорит о том, что с самого начала своей работы, газеты вносили значительный вклад в развитии терминологической работы в якутском языке.

С первых дней создания газеты «Кыым» в её редакции работали известные люди республики: М.К. Аммосов, П.А. Ойунский, И.Н. Барахов, И.Н. Винокуров, М.И. Попов,

М.И. Кузьмин-Хара, С.Р. Кулачиков-Эллэй, Д.В. Кустуров и многие другие. Как пишут исследователи истории газеты «Кыым», переводческая деятельность в газете активизировалась в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на то, что почти все члены редколлегии были призваны на войну (М.И. Кузьмин-Хара, И.И. Коркин, Ф.И. Гоголев, М.И. Таюрский, Е.Н. Ноговицын, А.Е. Башкиров, М.П. Харлампов, С.Л. Гаврильев, П.В. Заболоцкий, С.Р. Кулачиков-Эллэй), силами новых сотрудников регулярно переводились фронтовые сводки, речи руководителей страны, военная публицистика, патриотические статьи. Тираж газеты в то время доходил до 50 тысяч экземпляров. После окончания войны в газете «Кыым» печатались даже переводы на якутский язык материалов, освещающих Нюрнбергский процесс. Переводил их по две полосы для каждого номера газеты писатель-фронтвик М.И. Кузьмин-Хара, работавший в те годы заведующим отделом сельского хозяйства в редакции газеты «Кыым» [3, с. 647].

Таким образом, период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. явился поворотным в деле формирования якутской терминологии. Терминологический фонд якутского языка пополнялся на указанном историческом этапе времени, в основном, за счет публикаций на страницах газет, а также активной переводческой деятельности. В историческом процессе развития военной лексики якутского языка особое место занимает период Великой Отечественной войны, который сильно обогатил якутский язык большим количеством новообразований.

Примечания:

1. Акимова А.С. Заимствования из русского языка в якутский язык (1940-1960-е гг. XX в.) // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 12(66). Часть 1. – С. 9-11. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.66.171>
2. Акимова А.С. Способы образования якутской общественно-политической терминологической лексики (на материале словарей и периодической печати): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2013. – 26 с.
3. Васильева А.А. Основные этапы истории перевода общественно-политической литературы на якутский язык // Мир науки, культуры, образования. – № 6 (73). 2018. – С. 646-648.
4. Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 292 с.
5. Петров Н.Е. Синтаксические средства выражения модальности в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 1999. – 284 с.
6. Петров Н.Е., Слепцов П.А., Барашков П.П. Очерк развития якутского литературного языка в советскую эпоху. – Якутск, Якуткнигоиздат. – 1971. – 143 с.
7. Слепцов П.А. О языке первых якутских газет. Сахалыы бастакы хаһыаттар, сурунаал. Саха дойдута (1907-1908), Саха олоҕо (1908-1909), Саха сангата (1912-1913). – У истоков якутской печати – газеты «Якутский край», «Якутская жизнь». Журнал «Голос якута». – Якутск, 2017. – 365 с.
8. ССРС Совнаркомун председателин солбуйааччы уонна Атын Дойдулардаагы Дьыалалар Народнай Комиссара табаарыс В.М. Молотов бэс ыйын 22 күнүгэр радионан этиитэ // Кыым. – Дьокуускай. 1941, Бэс ыйын 23 күнэ, – №146 (4959), бэлэдиэнник.
9. Хасанов Б. Языки народов Казахстана и их взаимодействие. – Алма-Ата: Наука, 1976. – 215 с.

УДК 81 347.78.034

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ В «РУССКО-ЯКУТСКОМ СЛОВАРЕ» С.Н. ДОНСКОГО I

Борисова Ю. М., к.ф.н.

Аннотация. С начала 20-х и до второй половины 30-х гг. XX века была проведена огромная работа по разработке принципов создания терминов якутского языка и главное было создано большое количество терминов из различных областей знаний, прежде всего общественно-политических и по всем предметам в объеме средней школы. В этом отношении интерес представляют ранние словари, которые изобилуют синонимическими рядами. Среди них богатой и разнообразной синонимизацией отличается «Русско-якутский словарь» С.Н. Донского I.

Характерной особенностью слов дореволюционного якутского языка считается нечеткость их семантических границ и недифференцированность значений. Вариантные языковые формы представляют собой неизбежный и необходимый продукт языкового развития. Вариативность присуща терминосистемам пусть даже в большем объеме, чем общелитературному языку.

Ключевые слова: якутский язык, терминология, лексикография, словарь, синонимы, С.Н. Донской I, терминография, перевод, вариативность, денотат.

TERMINOLOGICAL SYNONYMY IN THE RUSSIAN-YAKUT DICTIONARY BY S. N. DONSKOY I

Abstract. From the beginning of the 20s to the second half of the 30s of the XX century, a lot of work was done to develop the principles of creating terms of the Yakut language, and most importantly, a large number of terms were created in the field of various knowledge, primarily socio-political and in all subjects in the volume of secondary school. In this regard, early dictionaries are of interest, which abound in synonymous series. Among them, the "Russian-Yakut Dictionary" by S.N. Donskoy I.

A characteristic feature of the words of the pre-revolutionary Yakut language is considered to be the vagueness of their semantic boundaries and the undifferentiated meaning. Variant linguistic forms are an inevitable and necessary product of linguistic development. Variation is inherent in terminological systems, even to a greater extent than in the general literary language.

Keywords: Yakut language, terminology, dictionary, synonyms, S. N. Donskoy I, terminography, translation, variability, denotation.

Признание терминологической вариативности объективным состоянием системы специальных знаков стало достижением последних десятилетий развития терминоведческой науки. Отношение к синонимам в терминологии несколько иное, чем в литературном языке. В сфере терминологии принято считать, что термины-синонимы выражают идентичные понятия, и что варианты языковые формы представляют собой неизбежный и необходимый продукт языкового развития [4, с. 92].

В развитии терминоведения выделяют два этапа: а) начальный, описательный, который был связан с констатацией так называемых недостатков терминологии (многозначности, синонимии, вариантности терминов); б) функциональный, характеризующийся непосредственным проникновением в сущность термина, специфику его употребления в специальном тексте, отказом от приписывания термину желательных свойств и признанием того, что «реальные термины могут обладать многозначностью и иметь синонимы, как любые лексемы естественного языка» [2,

с. 86].

Широкое применение языковой синонимии особенно свойственно начальному этапу формирования терминов. Применительно к языку якутской науки это становится еще более очевидным. Создающаяся вновь по многим отраслям терминологическая лексика пока не может обходиться без активного привлечения лексического синонимов. В этом отношении интерес представляют ранние словари, которые изобилуют синонимическими рядами. Среди них богатой и разнообразной синонимизацией отличается «Русско-якутский словарь» С.Н. Донского I. С.Н. Донской-I входил в плеяду выдающихся государственных и общественных деятелей Якутии. Благодаря его титаническим усилиям, целеустремленности и энергии, якутский народ в сложнейший период своего исторического пути обрел государственность в форме автономии, фундамент национального возрождения в XX веке. За короткое время, отведенное им судьбой, Донской внес огромный вклад в политическое, экономическое, социальное, культурное и духовное развитие республики.

Оригинальных абсолютных синонимов, в отличие от лексических и эмоционально-экспрессивных, в языке саха не так много. Параллельное обозначение одного и того же понятия не характерно для нашего языка. Но в то же время массовые заимствования из русского языка способствуют возникновению дублетных образований, в Словаре С.Н. Донского I, рассматриваются следующие примеры:

1) оригинальное слово-термин и заимствование с фонетизированным написанием типа *автор* 'ааптар, суруйааччы', *анкета* 'ыйытык, анкыата', *апельсия* 'эппэлээсийэ, ааһыныы', *блок* 'бэксэ, сүүрдэр, булуок', *борона* 'боронньу, тараах', *блоха* 'ыстангалас, былахы', *брюква* 'өрөкүллэ, бүрүүкүбэ', *букварь* 'буукубаар, сурук-бичик', *вал* 'бал, чалбаан', *веник* 'миэнньик, сиппиир', *голос* 'саҥа, куолас', *граница* 'быыс, кыраныысса', *дрожжи* 'доруоһа, аһытыы', *карман* 'хармаан, сизэп', *известка* 'испиэскэ, опуха' и т.д.

2) иногда наряду с фонетизированным написанием приводится эквивалентное, с точки зрения словаристов, терминологическое словосочетание, состоящее из слов входного слова, типа *адрес* 'аадырыс, олорор сири, миэстэни ыйыы', *акция* 'кыттыгас үп, ааксыһа', *буксир* 'буксуур, аал сэтиитэ', *брошюра* 'боросуура, кыра кинигэ', *инвалид* 'инбэлиит, үлэттэн тахсыбыт', *казначей* 'харчы тутуааччы, хааһыначыай', *калитка* 'кэлииккэ, кыбыы аан', *кандалы* 'хандалыы, тимир адаҕа', *кит* 'тиит балык, киит' [1, с. 2-52].

В массовом зарождении так называемых абсолютных синонимов свою негативную роль сыграли колебания в нормах орфографирования заимствованных слов-терминов.

К синонимам по денотату, совпадающим в своем основном значении, относятся:

– слова-термины, состоящие из синонимических корней, типа *голова* 'бас, төбө', *изображение* 'мөссүөн, дьүһүн', *жара* 'куйаас, сыралбан', *жердь* 'сиэрдийэ, ураҕас', *жизнь* 'олох, тыын', *горло* 'күөмэй, хабарба', *дверь* 'аан, халбан', *излишек* 'ордук, чорбох', *верхушка* 'орой, үрүт', *досуг* 'иллэн, соло', *зоб* 'соҕуо, куолах', *зарубка* 'олук, кэрдис', *заря* 'им, сарданга', *затя* 'төрүөт, тэрийии', *внушительность* 'чабаан, астык', *бубенчик* 'хобо, чуораан', *бусы* 'симэх, оуруо';

– слова, обозначающие видовые и родовые понятия, типа *бугор* 'томтор, төхтүр', *год* 'сыл, дьыл', *зев* 'бэлэс, тамах', *земля* 'сир, буор', *звук* 'тыас, дорбоон', *караул* 'харабыл, манабыл', *впадина* 'оҥхой, аппа', *вьюк* 'көтөл, ындыы', *выгода* 'туһа, барыс', *град* 'тобурах, толон', *издевательство* 'хаадьы, сыбалдьытыы', *водоворот* 'бурулбан, ытылбан', *взнос* 'төлөбүр, киллэрийи', *влияние* 'уххаан, сабыдыал', *внимание* 'ахсарыы, сэргээһин', *грудина* 'түөс, бөтүөн', *арест* 'тутуур, хаайыы', *брызги* 'бырданга, тыктарыы', *быстрина* 'күрүлгэн, бурулбан';

– синонимы, состоящие одновременно из нейтральных слов-терминов и слов из различных пластов лексики (разговорные, диалектные, эмоционально-экспрессивные слова и другие коллоквиализмы), типа *бедро* 'өттүк, уллук, буут', *бок* 'ойоҕос, өттүк', *бурав* 'чураапчык, бүргэс', *бурундук* 'муруку, моҕотой, дьырики, күргүдэй', *дрозд* 'чоччугунуор, чаччыгыныар', *дубина* 'сүллүгэс, баалкы', *жаворонок* 'күөрэгэй, туйаарар', *жажда* 'утах, тамаҕырыы', *горноста́й* 'бэлиэлээх, кырынаас', *бабочка* 'лыах, үрүмэччи', *висок* 'чабырҕай, чэчэгэй', *заика* 'кэлэҕэй, тардыас', *дождь* 'самыыр, ардах'.

Вторую группу синонимов по денотату представляют основы, образованные с помощью различных терминообразующих аффиксов, типа *аннуляция* 'хаалларыы, көтүрүү', *аренда* 'куортамнаһыы, түүлэһии', *борьба* 'кырсыы, тустуу, охсуһуу', *взмах* 'далааһын, дайбааһын', *возмущение* 'абарыы, кыһыйыы, сатарыы', *воплъ* 'хаһыы, ыһыы, кыланыы', *гниение* 'сытыйыы, эмэхсийии', *догадка* 'таайыы, сэрэһии', *затруднение* 'мунаарыы, мунуу', *заварка* 'кутуу, көөнньөрүү', *затруднение* 'ыарырҕатыы, эрэйдэһии', *зевота* 'дьааһыйыы, сынгааҕырдыы', *икота* 'бөтүү, кэҕэрдий', *воспаление* 'сүһүрүү, сэтэри', *истощение* 'ырыы, бараныы, көтөхтөрүү', *закал* 'уһарыы, хатарыы', *закваска* 'көөнньөрүү, аһытыы', *запрещение* 'буойуу, бобуу', *издатель* 'таһаарааччы, бэчээттээччи', *вокруг* 'эргиччи, төгүрүччү', *аналогия* 'атылыыта, майгыннаһыыта'.

Следует особо отметить то, что среди синонимов по денотату значительное место занимают целые синонимические ряды типа *буря* 'буурҕа, силлиэ, күүстээх тыал', *взыскание* 'иэстэбил, ирдэбил, сэмэ', *возмездие* 'хардарыы, иэстэбил, ситиһии, сэт-сэмэ туолуута', *возрождение* 'үүнүү, кэскил, барҕарыы', *воин* 'сэриһит, кыргыс, буойун', *восклицание* 'улахан саҥа, саҥа аллайыы, кыланыы', *гололедица* 'килэн, халларан, тоҕот', *грязь* 'кир, дьэбэрэ, бырыы, бадараан', *двор* 'тиэргэн, олбуор, тусаһа, ыал', *дефект* 'омсо, энкил, дьизэк', *загон* 'күрүө, бүтэй, хааччах', *здоровье* 'сүр, доруобуйа, өлүөр', *внешность* 'таһа, бодо, тас көрүн', *добыча* 'булт, булуу, талыы', *изворотливость* 'эргиллии-бургуллуу, сытал, ньымса', *долина* 'алаас, толоон, хонун'. В подобные синонимические ряды входят кроме нейтральных слов заимствования, диалектизмы, архаизмы и слова из других разрядов лексики.

Одним из широкоприменимых приемов является синонимизация слова-термина и адекватного ему по значению терминологического словосочетания типа *абориген* 'дойдулаах, олох киһи', *аромат* 'үчүгэй сыт, дыргыл', *вакансия* 'иллэн миэстэ, дуоһунас', *валенки* 'хаатынка, түү этэрбэс', *введение* 'кириии, аан тыл', *возвышение* 'үрдүк сир, томтор', *гуш* 'хомуут кулгааҕа, кулгаах быата', *избыток* 'дэлэгэй, ордук чорбо', *изложение* 'кэпсээн, ууран биэри', *ключ* 'дьуукта, сир тымырын уута', *княженика* 'биэ эмийэ, киис тингилэҕэ'. Двухкомпонентные терминологические словосочетания представляют собой термины, у которых одна часть является общей с другими терминами, а другая служит его отличительной характеристикой в ряду смежных понятий.

Синонимические пары терминов могут сосуществовать до тех пор, пока общественное развитие и языковая ситуация не внесут свои коррективы. В этом процессе терминологизации решающая роль принадлежит языковому узусу. Как отмечает Е.И. Оконешников, теория всеобщего узуса предполагает возможность выбора того варианта, который соответствовал бы определенной социально-речевой ситуации и был бы действительно эффективен в этой ситуации [3, с. 92].

В.А. Татаринов пишет, что в переводческом аспекте для синонимического варьирования (омосемии, дублетности) важно установить, что терминологические синонимы, являясь синонимичными терминами в "натуральном" виде, не требуют при переводе подбора такого же количества номинативных единиц [5, с. 222].

Таким образом, представления о терминологических синонимах предполагают

несколько вариантов выбора обозначения: а) может быть допущено параллельное существование дублетов при условии, если один из них способен образовывать производные формы, а второй нет; некоторые дублеты распространены столь широко, что их функционирование вполне оправданно; б) один из абсолютных синонимов, не обладающий достаточной степенью внедренности, подлежит устранению; в) если в рамках одной терминосистемы, оказываются частичные синонимы со сходными, но неодинаковыми значениями, следствием чего может стать профессиональное непонимание, устранение таких единиц должно быть обязательным.

Примечания:

1. Донской С.Н. Русско-якутский словарь. – Якутск, 1931. – 174 с.
2. Лейчик В.М. Дифференциация терминов-синонимов, вариантов и эквивалентов как способ разграничения научных и технических понятий // Психологические проблемы грамматики: сб. ст. / отв. ред. Е.Ф. Тарасов. – М., 1979. – С. 86-100.
3. Оконешников Е.И. Лингвистические аспекты терминологии языка саха (на материале общей и отраслевой лексикографии) / Е. И. Оконешников. – Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. филиал, 2004. – 196 с.
4. Сложеникина Ю.В. Терминологическая вариативность: Семантика, форма, функция. – М.: Издательство ЛКИ, 2018. – 288 с.
5. Татаринов В.А. Методология научного перевода: К основаниям теории концертации. – М.: Московский Лицей, 2007. – 384 с.

УДК 81'373.2

СТАТУС ЭТНОНИМА В ОНОМАСТИКЕ

Тейкин М. С.

Аннотация. В статье рассматривается статус этнонима – имени, обозначающего: народ; субэтнос, этнографическую группу, племя; совокупность народов, суперэтнос – в ономастике. Этнонимы играют ключевую роль в определении и дифференциации обозначаемых ими лиц – от небольших географических групп, принадлежащих одному этносу, с целью отличить такие группы друг от друга, до крупных народов и больших надэтнических общностей, чье имя-этноним известно в общемировом масштабе. В отличие от иных онимов, являющихся неотъемлемой частью ономастики, в отношении этнонимов существуют различные взгляды о принадлежности их к онимам или номенам; часть учёных считает этнонимы апеллятивами, часть – именами собственными, часть – имеющими особый статус в языке. Автор на основе проведённого анализа делает вывод, что правильнее всего относить этнонимы к лексическим единицам с особым статусом – находящимся между именами собственными и нарицательными.

Ключевые слова: этноним, ономастика, этнонимика, имя собственное, апеллятив

STATUS OF ETHNONYM IN ONOMASTICS

Abstract. Ethnonym is a name depicting: people; sub-ethnos, ethnographical group, tribe; community of peoples, super-ethnos. Ethnonyms play key part in definition and differentiation of persons which they name – from small geographical groups belonging to the same ethnos with the aim to differ such groups one from another, right up to large peoples and big upper-ethnic communities with the worldwide known name-ethnonym. There are different views on the ethnonyms concerning the question of their belonging to onyms or

nomens – unlike other onyms, which obviously constitute the integral part of onomastics. Some scientists consider the ethnonyms being appellatives, the other ones see the ethnonyms as proper names, and rest group of scientists view the ethnonyms as having a special status in the language. The author on the basis of the analysis concludes that the most correct is to classify the ethnonym as a lexical unit with the special status having its location between proper and common names.

Keywords: ethnonym, onomastics, ethnonyms, proper name, common name

Ономастика — это наука о собственных именах изучающая антропонимы, топонимы и другие онимы [9, с. 7].

Этнонимика является частью ономастики, но при этом этнонимы в отличие от других онимов имеют характерную особенность: они находятся на стыке имён собственных и нарицательных; в настоящее время у исследователей нет единой точки зрения на деление этнонимов по данному лексико-грамматическому разряду, о чём речь пойдёт ниже. Этнонимика (от греч. *ἔθνος* ‘племя, народ’ и *ὄνομα* ‘имя, название’) – раздел ономастики, изучающий происхождение, распространение, функционирование и структуру этнонимов [5, с. 598]. Этнонимика исследует историю этнонимов, их употребление, распространение и современное состояние.

«Словарь русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской содержит следующее понятие *этнонима*: это номен для обозначения любого этноса (этнической группы, племени, народа, национальности и т. п.) [7, с. 167]. *Номен*, согласно определению того же словаря, – слово или словосочетание, имеющее прямую связь с предметом или с видом, представляющим собой неопределённое множество идентичных единиц, являющихся объектом какой-либо отрасли науки, техники, производства, искусства и т. п. При этом номены отличаются от терминов, от общеупотребительной («бытовой») лексики и от имён собственных. Имена-номены помечаются словарём в качестве нарицательных; отмечается, что они сопутствуют онимам. Приводятся следующие примеры номенов: у антропонимов – номенклатура родства, этнонимы, номенклатура профессий, номенклатура чинов, званий, титулов, катойконимы и т. п.; у топонимов – номенклатура географии, геологии, этнонимы и т. п. [7, с. 90]. Во втором издании словаря Н.В. Подольская прямо пишет: этноним – имя нарицательное обозначения любого этноса (этнической группы, племени, народа, национальности и т. п.). При этом исследовательница отмечает, что термин *этноним* по своей структуре соответствует онимам других классов, однако он не обозначает имена собственные, хотя существует и противоположное мнение [8, с. 153].

Т.А. Сироткина называет этноним языковой составляющей категории этничности, складывающейся из совокупности черт и особенностей культуры того или иного народа, и отмечает, что ядро значения этноним – архисема ‘народ’ [10, с. 18–19]. Основная лексическая функция этнонимов – номинация [10, с. 116].

Английский лингвист А. Гардинер дал ёмкое определение имени собственного: «[Это] слово или группа слов, признанные указывающими или имеющими тенденцию указывать на объект или объекты, с которыми они связаны только посредством различительного звука, независимо от какого-либо смысла, который имел первоначально этот звук или который он приобрел в результате связи с названным объектом или объектами» [2, с. 43]. По прошествии времени – во втором издании – исследователь предложил уточнённое определение: «Имя собственное – это слово или группа слов, признающиеся имеющими идентификацию своей специфической целью, достигающие или стремящиеся достичь данной цели посредством только своего рода различительного звука, независимо от какого-либо смысла, который имел первоначально этот звук или который он приобрел в результате связи с идентифицируемыми посредством него объектом или объектами» [2, с. 73].

В отличие от большинства онимов, относимых наукою к именам собственным, этнонимы имеют неоднозначный статус; следует отметить, что они вписываются в определение А. Гардинера. В.А. Никонов считает этнонимы именами собственными [6, с. 5–6] и отвергает аргумент противников по поводу написания их со строчной буквы. Действительно, в других языках этнонимы пишутся с прописной буквы (например, в английском, из славянских – в сербском, польском). Более того, в русском до середины XIX в. и даже вплоть до начала XX в. этнонимы часто писались с прописной буквы. Я.К. Грот, считая этнонимы именами собственными, отмечал сложность вопроса их правописания. По его замечанию, названия народов пишутся многими всегда со строчной буквы, поскольку признаются нарицательными именами, означающими признак происхождения, подобно другим родовым именам, показывающим общность принадлежащего им признака (например, магометанин, матрос, ремесленник). Учёный предлагал писать этноним со строчной буквы, когда он обозначает отдельных лиц: *англичанин Диккенс, я встретил двух голландцев*. Предупреждая заранее возможное возражение на непоследовательность такого рода правописания (*Англичане, но англичанин Смит*), Я.К. Грот писал, что такое опасение напрасно, потому что предлагаемое различие понятно любому человеку. При этом на случай установления единообразного написания учёный предпочитал писать этнонимы с заглавной буквы во всех случаях [4, с. 125–126].

В пользу написания этнонимов с заглавной буквы можно назвать одну утилитарную причину: такая орфография существенно упрощает их розыск в тексте, заменяя чтение беглым просмотром в поисках нужного места. Для обычного читателя это, возможно, не представляет существенного преимущества, тогда как исследователю, работающему с огромным количеством текстов, важнейшим образом облегчает жизнь, экономя время. По этой причине ономастологу удобнее работать с современными английскими текстами и с русскими, удерживающими заглавное написание этнонимов. Однако написание этнонимов со строчной буквы утвердилось в русском языке ещё в XIX в., хотя спорадически – в некоторых изданиях – написание с прописной буквы встречается ещё в первой половине XX в. Однако общепринятое и привычное сегодня написание господствует как минимум сто пятьдесят лет; при таких обстоятельствах не имеется существенных причин к изменению написания, утверждённого не только официальным правилом, но и многовековой практикой.

Тем не менее орфография, а именно написание этнонимов со строчной буквы, не свидетельствует о полном отнесении их к именам нарицательным.

Отмечается колебание относительно включения этнонимов в состав онимов, что существенным образом влияет на объём ономастического материала [13, с. 8].

А.В. Суперанская видит в этнонимах имена нарицательные, не соглашаясь с В.А. Никоновым. Исследовательница сближает этнонимы с обозначениями лиц по социальному положению, производственной деятельности, принадлежности к различным объединениям (приводятся примеры: *москвичи, рыболовы, гегельянцы, утописты, дворяне* и т. п.), являющимися коннотирующими и с неопределённым денотатом. По её мнению, все эти термины могут обозначать не только дворян, гегельянцев и др., но могут относиться к недворянам и к не истинным гегельянцам; такое употребление данных слов возможно благодаря их отчётливым коннотациям. «Если добавить, что этнонимы, как правило, коннотируют, то совершенно очевидно, что они не могут быть отнесены к собственным именам» [12, с. 206]. Такая позиция представляется всё же чрезмерно резкой. Например, фамилия *Иванов* может обозначать не истинного Иванова, а быть всего лишь псевдонимом или же обобщённым обозначением русского, однако от этого антропоним *Иванов* не перестаёт быть именем собственным; денотат данного онима неопределённый.

Лексические единицы *рыболовы, дворяне* и проч. правомерно признаются нарицательными именами, поскольку в их основе лежит апеллятив; они не являются предметом изучения ономастики. То же касается термина *гегельянцы*: образованный от антропонима (фамилии философа), он имеет архисему 'последователь какого-либо учения', сближаясь с такими терминами, как *утописты, коммунисты, демократы* и т. п., в основе которых лежат нарицательные имена.

Катойконимы, называющие жителей местности, стоят ближе к этнонимам, обозначающим народ (этническую группу, племя и т. п.). Это – имена группы людей, имеющей маркирующий признак (место проживания), в чём-то походящий на имя человека, позволяющий идентифицировать его среди других лиц.

А.А. Белецкий полагал, что лексика любого языка не делится чётко на два класса несобственных (нарицательных) и собственных имён, и видел необходимым установить переходные, промежуточные лексические слои. Исследователь относил к таким слоям «врождённые», неизменные и постоянные наименования человеческих коллективов – катойконимы и этнонимы, обозначая их общим термином *койконимы*. А.А. Белецкий с осторожностью относился к проведению границы между ономастикой и апеллятивной лексикой; по его мнению, «мы должны прийти к выводу о том, что эти границы не могут считаться определёнными раз и навсегда и совершенно непререкаемыми» [1, с. 19].

В случае с этнонимами сложно дать чёткий ответ и определённо отнести их к собственным или же нарицательным именам.

Особое внимание следует обратить на замечание А. И. Грищенко: «Значительные трудности при попытках традиционной словарной семантизации этнонимов и противоречивость существующих толкований ещё не свидетельствуют однозначно о проприальности данного класса слов, хотя и ставят под сомнение их принадлежность к „номенам“, самые распространённые из которых (названия животных, растений и т. п.) могут быть истолкованы достаточно корректно» [3, с. 439]. Исследователь верно подмечает: номены, использующиеся для обозначения множества идентичных единиц, существуют объективно. Чёткое выделение и разграничение понятий *этнос, этническая группа, народность, народ, нация* представляет большую сложность, носит противоречивый характер.

Касательно этнонимов правильно будет согласиться с А.С. Щербак, осторожно относящейся к жёсткому противопоставлению собственных и нарицательных имён, поскольку это не позволяет понять и проследить процессы взаимодействия лексикона и ономастикона. Исследовательница отмечает: «Диапазон проблематики имён собственных гораздо шире, он не должен сводиться к ограниченности в процессе регулярного слово- и формообразования имён собственных, поскольку в номинации онимов отмечается большая свобода фонетических и морфологических вариаций и инноваций, что предполагает возможность языка концептуализировать один и тот же объект разным образом» [14, с. 19].

Т.А. Сироткина отмечает проблему языкового статуса этнонима: «Этнонимия как разряд лексики имеет двойственный характер. С одной стороны, этнонимы являются нарицательными обозначениями, с другой – традиционно рассматриваются внутри онимической системы в качестве периферийных её единиц. Двойственный характер имеют этнонимы и с точки зрения теории референции. Они, с одной стороны, являются „идентифицирующими“ именами (к которым обычно относят имена собственные), с другой – „характеризующими“ (которыми традиционно являются апеллятивы). Логичнее всего, на наш взгляд, определение этнонимов как промежуточного звена между именами собственными и именами нарицательными» [11, с. 53–54]. В этом выводе следует согласиться с Т.А. Сироткиной и рассматривать этнонимы на-

ходящимися на периферии ономастики – как связующее звено между именами собственными и нарицательными.

В заключение следует отметить, что А. В. Суперанская, видя в этнонимах имена нарицательные, всё же подчёркивает, что членение ономастического пространства всегда искусственно и может меняться в зависимости от задач исследователя [12, с. 213].

Этнонимы – часть ономастики, находящаяся на её периферии – на стыке между именами собственными и нарицательными. Именно такой подход наиболее удобен при их изучении и объяснении функционирования данных лексических единиц в языке.

Примечания:

1. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). – К.: Изд-во Киевского университета, 1972. – 210 с.
2. Gardiner A. The Theory of Proper Names. A Controversial Essay. 2nd ed., 2nd impression. – London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1957. viii, 78 p.
3. Грищенко А.И. Лексическое значение этнонима — семантическое уравнение с двумя неизвестными // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. I: Сб. научных статей / Сост. В. Н. Денисенко, О. И. Валентинова и др. – М.: РУДН, 2011. – С. 437–443.
4. Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1873. – 162 с.
5. Нерознак В.П. Этнонимика // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е (репр.) изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 598–599.
6. Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы. – М.: Наука, 1970. – С. 5–33.
7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1978. – 199 с.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
9. Русская ономастика и ономастика России. Словарь / Под ред. О.Н. Трубочёва. – М.: Школа-Пресс, 1994. – 288 с.
10. Сироткина Т.А. Категория этничности в русском языке (на материале этнонимии Пермского края): Монография. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. – 216 с.
11. Сироткина Т.А. Актуальные проблемы современной этнонимии // Вестник Пермского университета. – 2011. – Вып. 4 (16). – С. 53–59.
12. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / Отв. ред. А.А. Реформатский. – М.: Наука, 1973. – 366 с.
13. Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А.П. Непокупный. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.
14. Щербак А.С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте: монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина; ООО «Центр-пресс», 2008. – 197 с.

УДК 81'373.44

УСТАРЕВШАЯ БЫТОВАЯ ЛЕКСИКА В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

Скрябина А. А.

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать и систематизировать устаревшую бытовую лексику в якутском языке с точки зрения степени их устарелости, лексико-семантического значения. Устаревшая бытовая лексика условно разделена на 6 тематических групп, где наиболее развиты наименования домашней утвари, названия орудий ручного труда. По степени устарелости бытовая лексика в якутском языке делится на слова, неизвестные или непонятные большинству носителей языка, слова, исчезнувшие из языка, слова, встречающиеся только в составе производных слов и устойчивых речевых формулах. В зависимости от того, устарело ли полностью значение слова или устаревшим оказалось только его смысловое значение, архаизмы делятся на лексические и семантические. Архаическая бытовая лексика отражается в художественных произведениях для создания речевого колорита данного времени, для стилизации речи. В статье приводятся примеры устаревшей бытовой лексики из исторического романа В.С. Яковлева-Далан «Тыгын Дархан».

Ключевые слова: устаревшая лексика, архаизмы, историзмы, якутский язык, бытовая лексика.

OUTDATED HOUSEHOLD VOCABULARY IN THE YAKUT LANGUAGE

Abstract. The author made an analysis and sitematised the outdated vocabulary in the Yakut language in terms of the degree of their antiquity, cause and lexico-semantic significance in this article. Outdated household vocabulary is conditionally divided into 6 thematic groups. The names of household utensils, the names of hand tools are more in this group. Household vocabulary in the Yakut language is divided into words unknown or incomprehensible to most speakers of the language, words disappeared from the language, words found only as part of derived words and stable speech formulas. Archaisms are divided into lexical and semantic. This depends on whether the meaning of the word is completely obsolete or whether only the meaning of the word is obsolete. Archaic household vocabulary is reflected in artistic works to create speech colorite of a given time, to stylize speech. The author gives examples of outdated household vocabulary from the historical novel "Tygyn Darkhan" by V. S. Yakovlev-Dalan.

Keywords: outdated vocabulary, archaisms, historicism, Yakut language, household vocabulary.

Одним из актуальных и центральных вопросов в лингвистической науке является вопрос о языковой изменчивости. Язык под влиянием различных изменений, происходящих в социально-политической, экономической и культурной жизни народа меняется, пополняется новыми словами и избавляется от неактуальных понятий, обновляется и обогащается. Как отмечает Д.Э. Розенталь, «язык как система находится в постоянном движении, развитии, и в первую очередь реагирует на все изменения в обществе пополняясь новыми словами. В то же время наименования предметов, явлений, не получивших более применения в жизни народа, выходят из употребления» [10, с. 75]. Исследование их показывает состояние языка в прошлом, отражает фрагменты социального опыта, является частью наследия народной культуры. К устаревшей лексике относятся архаизмы и историзмы т.е. слова, которые уже не употребительны или малоупотребительны в повседневной жизни, значения которых не понятны, не ясны без контекста или выходят из употребления в связи с

уходом из жизни их означающих реалий. По определению в «Лингвистическом словаре» О.С. Ахмановой: «Архаизмы – 1. Слово или выражение, вышедшее из повседневного употребления и потому воспринимающееся как устарелое. 2. Троп, состоящий в употреблении старого (старинного) слова или выражения в целях исторической стилизации, придания речи возвышенной стилистической окраски, достижения комического эффекта и т.п.» [2, с. 56]. «Историзм – слово, вышедшее из живого словоупотребления вследствие того, что обозначаемый им предмет уже неизвестен говорящим как реальная часть их повседневного опыта» [2, с. 185].

Цель настоящей работы – проанализировать и систематизировать устаревшую бытовую лексику якутского языка. Материалом исследования послужила устаревшая бытовая лексика, извлеченная из толковых [3, 8, 9], диалектологических [6, 7] словарей якутского языка, художественной литературы [4].

В якутском языке вопрос об архаизации, о причинах и механизмах устаревания слов, на сегодняшний день является недостаточно изученным. Вопрос об языковой изменчивости, представляющей постоянное качество языка по мнению советского лингвиста В.А. Звегинцева, «является вопросом о сущности языка» [7, с. 131]. На процесс архаизации слов в якутском языке могут влиять как экстралингвистические факторы, так и внутренние языковые факторы. Политические и экономические изменения в жизни страны, воздействие социальных и культурных преобразований общества, бытовые и другие изменения, приводящие к неактуальности тех или иных явлений, являются наиболее важными экстралингвистическими факторами, которые определяют процессы архаизации, действительности.

Устаревшие слова в якутском языке рассмотрены в работах П.С. Афанасьева и Г.Г. Филиппова. П.С. Афанасьев определяет архаизмы термином *сүппүт тыллар* (исчезнувшие слова), историзмы - термином *былыргыны бэлиэтиир тыллар* (букв. слова, обозначающие древность) и включает их в пассивную лексику, где, кроме архаизмов, входят неологизмы. [1, с. 25]. По мнению Г.Г. Филиппова, «употребление архаизмов осуществляет следующие функции: стремление описывать жизнь такой, какая она есть, реализм, а также архаизмы способствуют созданию определенного стиля» [12, с. 160].

Значительный пласт устаревших слов занимает бытовая лексика, которая составляет важную часть словарного состава якутского языка. Исследование устаревшей бытовой лексики позволяет познакомиться с материальной культурой народа, с его традициями и обычаями, историческим прошлым. Устаревшая бытовая лексика народа саха дает полное представление об их жизни, хозяйственной деятельности, их окружающем мире.

В составе устаревшей бытовой лексики можно выделить следующие лексико-семантические группы:

Наименования старинной одежды и обуви: **куһаак** 'широкий матерчатый пояс, кушак'; **лаппааччы** 'короткая шуба, куртка'; **моойторук** ' меховой ошейник (*шарф*)'; **нээлби** 'накидка, предохраняющая от дождя, снега'; **өннүгэс** 'доха'; **тураҕас этэрдэс** 'ровдужные или замшевые короткие торбаса'; **сутука олооччу (тулламай, эмчиирэ)** 'плетёная обувь из коры тальника, лапти из лыка'; **тангалай** 'старинная верхняя нарядная одежда якутской женщины, сшитая, в основном, из мехов с узором в виде зигзага' и др.

Наименования украшений: **куйурба** 'медное украшение – подвеска о трех разветвлениях; общее название для особого рода подвесок – как женских украшений, так и шаманского костюма'; **саабыска** 'старинное шейное украшение из цельного серебра'; **бүгүйэх** 'серебряные женские украшения'; **бүөр** 'различные металлические украшения – подвески (обычно о подвесках шаманского костюма)' и др.

Наименования орудий труда: *сабыат* 'инструмент, орудие', *салбах батас* 'коса старинная'; *быыра* 'метательное оружие (боевое и охотничье) – короткое копье (дротик) или большой нож'; *изт* 'железный нож изогнутой (почти в кольцо) формы, служащий для выдалбливания деревянной посуды (ступы, чаши, бокала, ложки и т. п.)'; *талкы* 'деревянный инструмент с зубьями для смягчения кожи, якутская кожемялка'; *үгүү* 'копье, пика' и др.

Наименования домашней утвари: *матаба* 'небольшая сумка, котомка, изготовленная из кожи животных или рыб'; *саабас* 'домашняя утварь и наиболее крупные ценные вещи (напр., дорогая одежда, хранимая впрок); имущество' *лэппэй* 'невысокая берестяная посуда небольшого объема'; *халбыга* 'маленькая ложка'; *содуок* 'деревянный ящик, в котором хранят чайную посуду'; *хааһах* 'большой кожаный мешок, сума для хранения продуктов или всяких мелочей'; *кураачынньык* 'умывальник, рукомойник' и др.

Наименования жилищ и хозяйственных построек: *туруорбах дьиз* 'юрта в форме усеченной пирамиды из вертикально сложенных времен'; *сомуоһуна* 'строение типа сарая, находящееся в задней части двора, куда кладётся сено, завозня'; *отор дьиз* 'ом (юрта) для временного проживания осенью'; *нуучча дьизтэ* 'четырёхугольный дом изгоризонтально сложенных бревен (в отличие от якутской юрты, стены которой ставятся из вертикально сложенных бревен с наклоном; букв. дом русского)' и др.

Пища и напитки: *баттыма* 'рыба, заквашенная в яме'; *үөрэ* похлебка из квашеной рыбы, толченого лиственничного луба и икры; *холобо* 'лепешка'; *үөл* 'мясная пища'; *тунах* 'молочная пища, обилие молочных продуктов в пору отёла; якутский летний праздник с обилием молочной пищи, кумыса'; *барча* 'якутская национальная еда: вареную мелкую рыбу валят или коптят, затем растирают в порошок для последующего хранения'; *хаппыай хааһы* 'каша, сваренная из муки с добавлением соли и с небольшим количеством молока, приправленная сливками, сметаной или каяком (сливочным маслом, сбитым с тёплым молоком и застывшим)'; *тума* 'молочная смесь, приправа в пищу' и др.

По степени устарелости бытовую лексику в якутском языке можно разделить на следующие группы:

1. Слова, неизвестные или непонятные большинству носителей языка, например: *матаба* 'небольшая сумка, котомка, изготовленная из кожи животных или рыб'; *өнньүгэс* 'доха' и др.

2. Слова, исчезнувшие из языка, например: *наамыска* 'повязка для предохранения лба, щек и подбородка от холода'; *халабааска* 'деревянная чашка для хранения нюхательного табака' и др.

3. Слова, встречающиеся только в составе производных слов и устойчивых речевых формулах, например: *тунах* в первом значении 'молочные продукты' практически не используется, а используется в устойчивой речевой формуле *үрүҥ тунах ыһыах* (букв. белый кумысный праздник).

Устаревшие бытовые слова в зависимости от того, устарело ли полностью значение слова или устаревшим оказалось только его смысловое значение, можно разделить на лексические и семантические. Собственно лексическими архаизмами называются слова, устаревшие во всех своих значениях. К собственно-лексическим архаизмам якутского языка следует отнести слова, которые устарели целиком как по внешней структуре, так и во всех своих значениях и полностью перешли в пассивный запас языка, например: *халабааска* 'деревянная чашка для хранения нюхательного табака', *сабыат* 'инструмент, оружие', *холобо* 'лепешка' и др. Семантические архаизмы – это слова, существующие и в современном якутском языке, но имеющие устаревшие значения. Например, лексема *кулгаах* является обычным словом якутского языка,

но также представляет собой устаревшее значение. В современном якутском языке данное слово используется в следующих значениях: Киһи-сүөһү, кыыллар истэр уорганнара. Ухо, уши. 2. *көсп.* Тутарга, ыйыырга о.д.а. аналлаах туттар сэп-сэбиргэл, иһит-хомуос, ойоҕос өттүгэр баар чааһа (тудааҕа). Уши (котла, ушата и т.п.). 3. Кыһынны ичигэс бэргэһэ икки ойоҕоһунан түһэн кулгааҕы, сынгааҕы сабар өттө. Уши (шапки-ушанки) [3, т. 4, с. 452]. Архаичное значение данного слова - былыргы чокуурунан эстэр айаҕынан иитиллэр саа таһыттан ытыах иннинэ буорах кутар кыра көндөй тимир туруупката (саа иһигэр кутуллубут иитии буораҕы кытта холбоһор). Полка (у старинных кремниевых оружій) [3, т. 4, с. 452].

Устаревшая бытовая лексика используется и для создания речевого колорита данного времени, для стилизации речи в произведениях якутских писателей. В своем историческом романе «Тыгын Дархан» В.С. Яковлев-Далан использует значительное количество архаизмов и историзмов для того, чтобы максимально приблизить читателя к эпохе, о которой идет речь в повествовании, для наиболее полного описания событий, явлений, предметов. Например, автор использует следующие устаревшие слова: **сандалы** (в старину у якутов: восьмиугольный низкий стол из бересты или деревянных досок на коротких ножках, такой же низкий стол из бересты и досок четырехугольной формы): *Улуустар мааны ыалдьыттарыгар кылгас атахтаах туос сандалытыгар хотойоллорунан ас кизэнэ талыыта тардыллыбыта* [4, с. 28]; **диэл** (входная дверь дома, юрты; дверь у девичьего спального чуланчика (хаппахчы); берестяная покрывка, висящая над входом в урасу (летнюю берестяную юрту) и закрывающая его): *Ураһа диэлин тэлэйэн, киирэн кэлбитэ* [4, с. 11]; **үнгүү** (копье, пика): *Сүүһүгэр туһахталаах хаан тураҕас аты мииммит, үнгүүтүн өрө тутан иһэр тумус киһи атын дьоһуолаах оҕоҕоһунан туһахтатын оттоһугар таба тайаннаран ытан түһэрдэргит, соргулаах кэнтиккитигэр туора охтордоргут, өрөгөй-талаан үрдүөх эбит.* [4, с. 359]; **болот** (у древних якутов: обоюдоострый выгнутый меч с короткой рукояткой), **куйах** (старинный воинский доспех в виде рубашки из металлических колец, кольчуга): *Туох да хоппот гына буур тайах тириитинэн хос-хос силимнээн оҕоһуллубут ханас илиигэ кэтиллэр, тоһуйар төгүрүк куйаҕы кэтэн, уҥа илиитигэр сытыы болоту тутан, үөскүлэн таһаалаах, дьэбир Мадьыгы Төрөнөй чахчы олонхо бухатырын көрүгэ көрүгүнэммитэ* [4, с. 343]; **сутуруо** (предмет одежды из меха или замши, покрывающий ноги от бедра до ступни, привязываемый ремешками к натазникам или к ремню), **сыалдьа** (короткие штаны, сшитые из выделанной кожи): *Мунньан Дарханы ол холботугар угалларыгар туох баар мааны тангаһын тангыннарбыттара: үүс тириитэ өллүргэлээх бэргэһэтин, түнэ сыалдьатын, сутуруотун кэтэппиттэрэ, хотойдоох саҕыннаахха суулаабыттара* [4, с. 131]; **батыйа** (Короткое охотничье копье, пальма: длина широкого и толстого ножа – около 30 см, древка – около 1,5 м.): *Ол дойдуга туттуо диэн уҥа өттүгэр тоҕус оноҕостоох саадахтаах кураахтаах саатын, батаһын, батыйатын кэккэлэччи уурбуттара* [4, с. 131].

Необходимо ответить, что некоторые бытовые слова, которые вошли в словари якутского языка как устаревшие, **хаһыаччык, сандалы, үнгүү** сегодня активно употребляются в речи, что доказывает, что несмотря на изменившуюся социально-политическую ситуацию в Якутии, актуализируются традиционная культура, традиционные ценности народа саха в сознании современных индивидов.

Таким образом, пласт устаревших бытовых слов можно разделить на лексико-семантические группы, связанные с наименованиями старинной одежды и обуви, украшений, орудий труда, утвари, жилищ и хозяйственных построек, пищи и напитков. По степени устарелости делятся на слова, неизвестные или непонятные большинству носителей языка, слова, исчезнувшие из языка, слова, встречающиеся

только в составе производных слов и устойчивых речевых формулах. Устаревшая бытовая лексика используется для создания речевого колорита данного времени, для стилизации речи в произведениях якутских писателей. Она дает представление о прошлом народа саха, его традициях и обычаях, материальной культуре. Предметы быта несут в себе дух времени и истории, представляют собой наследие народной культуры, подчеркивают его самобытность.

Примечания:

1. Афанасьев П.С. Современный якутский язык. Лексикология. – Якутск, Издательство ЯГУ, 1996. – 191 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов – М: Просвещение, 1966. – 607 с.
3. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука. Т. IV: (Буква К), 2007. – 672 с; Т.V: (Буква К: күөлэһис гын – кээчэрэ), 2008. – 616 с; Т. VI: (Буквы Л, М, Н), 2009. – 519 с; Т. VII: (Буквы Нь, О, Ө, П), 2010. – 519 с; Т. VIII: (Буква С – сөллөбөр), 2011. – 572 с; Т. IX: (Буква С – сөллөй – сээн, буква Ъ), 2012. – 630 с; Т. X: (Буква Т: т – төһүүлээ), 2013. – 575 с; Т. XI: (Буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ), 2014. – 528 с; Т. XII: (Буквы У, Ү), 2015. – 598 с; Т. XIII: (Буква Х), 2016. – 639 с; Т. XIV: (Буквы Ч-Ы), 2017. – 591 с; Т.XV: (Буква Э), 2018. – 585 с.
4. Далан. Тыгын Дархан: Исторической роман. – Дьокуускай: «Бичик» нац. кинигэҕыһата, 1993. – 512 с.
5. Диалектологический словарь якутского языка: Содержит свыше 8500 слов / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев; АН СССР, Якут. филиал Сиб. отд-ния, Ин-т яз., литературы и истории. – Москва: Наука, 1976. – 392 с.
6. Диалектологический словарь языка саха. – Новосибирск: Наука, 1995. – 291 с.
7. Звегинцев В.А. Теоретические аспекты причинности языковых изменений / В.А. Звегинцев // Новое в лингвистике. – 1963. – № 3. – с. С. 14.
8. Краткий толковый словарь якутского языка / под ред. П.С. Афанасьева. Якутск, «Сахаполиграфиздат», 1994. – 264 с.
9. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка / Э.К. Пекарский. 2-е изд-е. – Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. I. – 1278 стлб. Т. II. – 2010 стлб. Т. III. – 3858 стлб.
10. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. - М.: Айрис Пресс, 2005. – 448 с.
11. Толковый словарь якутского языка / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с. (Буква А); 2005. – 912 с. (Буква Б); 2006. – 844 с. (Буквы Г, Д, Дь, И).
12. Филиппов Г.Г. Ювелирное искусство слова. – Якутск: Бичик, 2008.

УДК 811.554

ФОНЕТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ТУНДРЕННОГО И ЛЕСНОГО ДИАЛЕКТОВ ЮКАГИРСКОГО ЯЗЫКА

Ефремова Н. А., к.ф.н.; Татаева А. Н.

Аннотация. В данной статье описаны фонетические различия тундренного и лесного диалектов юкагирского языка. Юкагирский язык является одним из вымирающих языков, относящийся к палеоазиатской группе. Язык юкагириков, живущих на территории Якутии, имеет два разных диалекта: в филологии их принято называть тундренным и лесным. Начиная с конца XIX в. юкагирские тексты записывались учеными на основе кириллической и латинизированной транскрипции. В 1930-е г. в ходе процесса латинизации юкагирский язык своей письменности не получил. Фонетика юкагирского языка малоизучена: письменность на юкагирском языке на основе кирилли-

цы была создана в 1980-е г. Г.Н. Куриловым. Правила орфографии были утверждены Советом министров Якутской АССР 28 апреля 1983 г., но и поныне в разных изданиях используются разные версии алфавита. В первом юкагирском букваре использовался алфавит, близкий к якутскому (есть буквы *h*, *h̄*). В некоторых изданиях используется также буква *Ww*. С 2019 года была введена буква *Ww*.

Ключевые слова. Юкагирский язык, фонетика, звуки, буквы, дифтонги, тундренный, лесной диалекты.

PHONETIC DIFFERENCES OF TUNDRA AND FOREST DIALECTS OF THE YUKAGIR LANGUAGE

Abstract. This article reveals the phonetic differences of the tundra and forest dialects of the Yukagir language. The Yukagir language is one of the endangered languages belonging to the Paleo-Asian group. The language of the Yukagirs living in the territory of Yakutia has two different dialects: in philology they are usually called tundra and forest. Since the end of the 19th century, Yukagir texts were written by scientists on the basis of Cyrillic and Latinized transcription. In the 1930s, during the process of Latinization, the Yukagir language did not receive its written language. The phonetics of the Yukagir language is poorly understood: the written language in the Yukagir language based on the Cyrillic alphabet was created in the 1980s by G.N. Kurilov. The spelling rules were approved by the Council of Ministers of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic on April 28, 1983, but to this day different versions of the alphabet are used in different publications. In the first Yukagir alphabet, an alphabet similar to the Yakut alphabet was used (there are letters *h*, *h̄*). Some editions also use the letter *Ww*. Since 2019, the letter *Ww* has been introduced.

Keywords: Yukagir language, phonetics, sounds, letters, diphthongs, tundra, forest dialects.

Юкагиры – один из древнейших народов Северо-Востока Азии. До прихода на север тунгусоязычных и тюркоязычных народов юкагирские племена обитали на обширной территории от р. Лены до Анадыря. Но уже к концу прошлого столетия, в результате участившихся эпидемий оспы, уносивших целые стойбища и племена, от многочисленных юкагиров остались лишь две небольшие группы – в низовьях и верховьях Колымы.

В настоящее время юкагиры проживают в Нижнеколымском и Верхнеколымском районах, самоназвание которых *вадул* и *одул*. Их языки в науке известны как тундренный (далее Т) и лесной (колымский) (далее Л) диалекты юкагирского языка [6].

Фонетика – это раздел науки о языке, изучающий звуки речи и звуковое строение языка (слоги, звукосочетания, закономерности соединения звуков в речевую цепочку). Первое полное описание звукового состава юкагирского языка было дано основоположником юкагирологии Владимиром Ильичом Иохельсоном в очерке грамматики юкагирского языка. В этой работе В. Иохельсон в языке лесных юкагиров выделил 10 кратких и долгих гласных (*a, э, и, o, y, aa, ээ, ии, oo, уу*), а также множество дифтонгов [1, с. 9]. В состав согласных В. Иохельсон включил 25 звуков (*п, б, м, мь, т, ть, д, н, нь, к, кь, г, н̄, ɸ, ш, w, й, х, хь, h, ч, дь, р, л, ль*). Фонетический состав языка тундренных юкагиров впервые был дан Ерухимом Абрамовичем Крейновичем в работе «Юкагирский язык» [3, с. 9-10]. Он выделил 11 кратких и долгих гласных (*и, э, а, o, у, ии, aa, oo, уу*), а также дифтонги (*иэ, уо*). В состав согласных он включил 20 фонем (*п, б, м, т, ть, д, дь, н, нь, х, г, н̄, к, ɸ, с, л, ль, р, й, w*). Юкагирский ученый Г.Н. Курилов в своей работе «Современный юкагирский язык», в фонетическую систему языка тундренных юкагиров включил 12 гласных (*a, и, o, y, э, ө, aa, ии, oo, уу, иэ, уо*) и 20 соглас-

ных фонем (*п, б, т, д, к, г, ч, дь, м, н, нь, нг, ш, л, ль, й, р, с, х, ь*). Гласные подразделяются на кратные (*а, и, о, ө, у, э*), долгие (*аа, ии, оо, уу*) и дифтонги (*иэ, уо*). [4, с. 34-35].

При обучении школьников юкагирскому языку (тундренному диалекту) к выше-названному перечню дифтонгов в учебной программе добавлен дифтонг *ыа*. Надо сказать, что дифтонг *ыа* присутствует только в одном слове: *экыа* `старшая сестра`. В. Иохельсон отмечает, что буква *ы* отсутствует в юкагирском языке, однако в тундренном наречии в слове *экыа* буква *ы* присутствует. Иохельсон отмечает, что данное слово заимствовано у тунгусов. [1, с. 3]. Также хочется отметить, что в юкагирско-русском словаре Г.Н. Курилова [4] указаны слова с фонемой [иа], например, *сиаруул* `град`, *миариичэ* `точильщик`. По нашему мнению, фонема [иа] самостоятельный дифтонг, который требует научного исследования.

Юкагирский язык относится к малоизученным языкам народов Севера, т.к. письменность берет начало только с 1980-х годов. Между диалектами юкагирского языка существуют различия, как в области фонетики, так и в области морфологии и лексики. Это объясняется тем, что юкагиры соприкасались с разными народами, верхнеколымские юкагиры, долгое время, общаясь с русским казачьим населением, обогатили свой словарный запас языка отдельными лексемами. Например, *тобоко* `собака`, *тэрикэ* `старуха`, *кашнай* `каждый`, *муорта* `морда`.

Существуют следующие различия в области фонетики:

по линии акания и окания: лачил (Т) – лочил (Л) `огонь`, чама (Т) – чомо (Л) `большой`, ванар (Т) – онор (Л) `язык`, ибал (Т) – ибол (Л) `едома`, `сопка`, вадул (Т) – одул (Л) `юкагир`, амуч (Т) – омоч (Л);

по линии секания и шекания: саал (Т) – шаал (Л) `дерево`, `палка`, сайдэ (Т) – шайдэ (Л) `поперек`, сэгуй (Т) – шогуй (Л) `вошел`, лолҕасум (Т) – лолгошум (Л) `вскипятил`, сисаҕач (Т) – шишагач (Л) `провалился`, `порвался`.

Таким образом, язык тундренных юкагиров является акающим и секающим, а язык лесных юкагиров – окающим и шекающим.

Далее приведем следующие примеры расхождения между диалектами:

согласный *w* в языке лесных юкагиров замещается звонким *b*: тивэ (Т) – тибо (Л) `дождь`, чавул (Т) – чобул (Л) `море`, пэльвиэл (Т) – польбиэл (Л) `кочка` и т.д. Согласный *w* в однокоренных словах лесных юкагиров может вообще отсутствовать: вадул (Т) – одул (Л) `юкагир`, вайи (Т) – айи (Л) `опять`, `еще` и др.

согласный *p* в языке лесных юкагиров во многих словах замещается согласным *дь* или *ж*: аруу (Т) – адьуу, ажуу (Л) `язык`, `слово`, хуруул (Т) – кудьуул, кужуул (Л) `небо` и т.д.

гласный *и* нередко заменяется *у*: эдьил (Т) – эдьул (Л) `жизнь`, нимэ (Т) – нумо (Л) `дом` и др.

Также можно встретить весьма существенные различия, например: йэрпэйэ (Т) – йэлуожэ, йэлюодьэ (Л) `солнце`, экыа (Т) – паабаа (Л) `старшая сестра`, эньиэ (Т) – эмэй (Л) `мама`, амаа (Т) – эсиэ (Л) `папа`, пуриэ (Т) – лэбэйдии (Л) `ягода`, йуодии (Т) – андьэ (Л) `глаза`, угурчэ (Т) – нойл (Л) `нога`, альҕа (Т) – анил (Л) `рыба`, илэ (Т) – аачэ (Л) `олень`, маархуонь (Т) – иркиэй (Л) `один`, кийуонь (Т) – атахлуй (Л) `два` и т.д.

Выдающийся исследователь материальной и духовной культуры юкагиров, основоположник юкагироведения В.И. Иохельсон в 1900 г. во введении к своему фундаментальному труду «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора» написал: «Изучение языка, на двух наречиях которого говорят теперь всего около 500 человек (200 человек на верхнеколымском наречии и 300 человек на тундренном), есть труд неблагодарный в практическом отношении, но смею думать, для этнологии результаты этого изучения имеют тем большее значение, что в них собрана зна-

чительная часть из того, что еще сохранилось о языке и фольклоре древнего племени крайнего северо-востока Азии, племени, дни которого сочтены. Через несколько десятков лет юкагирский язык может исчезнуть, а племя, как таковое, прекратит свое существование, отчасти вымерев, отчасти растворившись в других племенах, и имя этого народа не будет пустым звуком» [2, с. 15]. Однако, несмотря на все тяготы, лишения, болезни... жизнь юкагиров продолжается – началось обучение языка в школах, печатаются учебные пособия, дети начинают интересоваться и изучать свой родной юкагирский язык.

Тундренный и лесной диалекты юкагирского языка сформировали свой особый звуковой и словарный состав. Оба диалекта богаты уникальными языковыми данными.

Примечания:

1. Иохельсон В.И. Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора, собранных в якутской экспедиции. "Известия Академия наук", серия 5, вып. IX, № 2. – СПб., 1898. – 367 с.
2. Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. Ч. 1. – СПб, 1900. – 368 с.
3. Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку: Ленинград: Наука 1982. – 304 с.
4. Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык: Учебное пособие. – Якутск: ООО РИЦ Офсет, 2006. – 280 с.
5. Правила орфографии юкагирского языка. Сост. Г.Н. Курилов. – Якутск, 1987. – 32 с.
6. Прокопьева П.Е., Прокопьева А.Е. Русско-юкагирский разговорник [Мультимедиа] (язык лесных юкагиров). – Якутск: СВФУ им. М.К. Аммосова, 2014. – 84 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 903.222(571.56)

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ У ВЕРХОЯНСКИХ И ОЙМЯКОНСКИХ ЯКУТОВ XVII-XVIII ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ)

Кириянов Н. С., к.и.н.

Аннотация. В статье представлен опыт классификации наконечников стрел – охотничьих атрибутов верхоянских и оймяконских якутов XVII-XVIII вв., полученные в результате раскопок погребений на северо-востоке Якутии в ходе работ саха-французской археологической экспедиции в 2010-2015 гг. Облик и типология наконечников позволяют считать их типичными экземплярами, характерными в целом для якутской культуры позднего средневековья. Наряду с другими данными приведенная классификация позволяет утверждать о высокой степени родства и близости наиболее удаленных северо-восточных якутов с населением Центральной Якутии и считать их единым этническим образованием.

Ключевые слова: наконечники стрел, позднее средневековье, якуты, погребения, Верхоянск, Оймякон, классификация.

THE EXPERIENCE OF CLASSIFYING ARROWHEADS IN THE VERKHUYANSK AND OYMYAKON YAKUT'S OF THE 17TH-18TH CENTURIES (BASED ON BURIAL MATERIALS)

Abstract. The article presents the experience of classification of arrowheads - hunting attributes of the Verkhoyansk and Oymyakon Yakut's of the 17th-18th centuries, obtained as a result of excavations of burials in the north-east of Yakutia. The appearance and typology of the tips allow us to consider them to be typical specimens, characteristic in general for the Yakut culture of the late Middle Ages. Along with other data, the performed classification allows us to state a high degree of kinship and proximity of the most remote northeastern Yakut's with the population of Central Yakutia and consider them to be a single ethnic entity.

Keywords: arrowheads, later Middle Ages, Yakut's, burial's, Verkhoyansk, Oymyakon, classification.

В ходе работ саха-французской археологической экспедиции (MAFSO) в Верхоянском и Оймяконском районах Республики Саха (Якутия) в 2010-2015 гг. раскопано и изучено 46 погребений, в части которых (мужских) обнаружены различные саадачные комплексы, включающие в себя лук, колчан и стрелы с наконечниками. К настоящему времени классификация якутских наконечников стрел периода позднего средневековья разработана на основе материалов погребений Центральной Якутии и, частично, – Вилюя [1; 4; 7], а вот данные о луках и стрелах самых северных якутов появились сравнительно недавно. После обобщения полученных данных по погребальному обряду и материальной культуре верхоянских и оймяконских якутов XVII-XIX вв. [6] сегодня появилась возможность уточнить имеющиеся классификационные схемы наконечников стрел у якутов XVII-XVIII вв. и привлечь новые материалы.

Все обнаруженные в погребениях наконечники стрел по исходному материалу делятся на три категории: железные, костяные и деревянные. Все они принадлежат к разряду охотничьих наконечников. В основу нашей классификации положен типлист Ф.Ф. Васильева [1, с. 74-75], основанный на схеме Ю.С. Худякова [9, с. 75-112], с привлечением данных А.И. Гоголева [4, с. 185-197]. В основу положен принцип сечения пера и его форма. Наконечники крепились к древку путем насада на расщеп

древка и обматывались тонкими тальниковыми нитками. Древко выполнялось из лиственничной ветки, обработанной путем тщательного обстругивания или тесания (скорее всего, ножом). Средняя длина древков – от 62 до 70 см, диаметр сечения – 0,5-0,7 см.

В целом, количество железных наконечников всегда заметно преобладает в количественном комплексе стрел, состоящем, как правило, из семи, четыре из которых – часто именно железные. В якутском языке имеется несколько их названий, но ни одно из которых считается общепринятым – например, верхоянские якуты называли такие наконечники «басах» [1, с. 73].

Классификация железных наконечников еще далека от своего завершения, часть экземпляров единичны и не имеют подобных им аналогий. Обнаруженные наконечники входят в общий ареал распространения наконечников Сибири и им синхронны. Ф.Ф. Васильев отмечает, что «при детальном рассмотрении их различных типов проявляется заметное влияние приамурских и западносибирских традиций» [1, с. 83]. Сами наконечники могли употребляться и для охоты, и для войны – в известных нам источниках пока трудно выделить очевидные признаки именно военных (боевых) наконечников – к чисто охотничьим относят только вильчатые срезни. Якутские срезни по своим типологическим признакам близки селькупским и ненецким, долотовидные формы близки с приамурскими наконечниками. По данным исследователей, якутские наконечники стрел испытали заметное влияние тунгусо-маньчжурских и самодийских традиций.

Железные наконечники (15 экз.). Все экземпляры относятся к разряду двухлопастных черешковых с плоским пером и имеют прямые аналогии с материалами Центральной Якутии. В количественном отношении наибольшее число железных наконечников представлено группами II и VI – ромбовидной и долотовидной формами [6, с. 163-164]. Каких-либо оригинальных (уникальных) форм или типов наконечников не отмечено.

Группа II – ромбовидные:

Тип 1 (5 экз.). Наиболее распространенный тип наконечников, представленные плоскими безжелобчатыми копьевидными экземплярами симметрично-вытянутой формы (иногда – ассиметрично-вытянутой формы) [6, с. 164], получившие в XVII-XVIII вв. широкое распространение в Центральной Якутии [1, с. 78; 4, с. 102, табл. XXIII, XLVII]. Средняя длина стрелы составляет 60-70 см, одного наконечника – 7-9 см (5-7 см – лезвие, 2 см – сохранившаяся часть черешка). Наконечники крепились к древкам путем насаживания черешка с последующей плотной обмоткой узким кожаным ремешком в месте соединения. Такие наконечники предназначались для охоты на крупного зверя или человека. Представлены тремя экземплярами в погребении Эбюгэ II: длина 7,2 см, 8,3 см и 8,5 см, соответственно. Острием стрелы были направлены к южной стенке гроба. В погребении Алыы найден один ассиметричный наконечник ромбовидной формы с узким насадом (длина – 10 см, длина насада – 4 см). В Атыыр-Мэйтэ I находился один наконечник копьевидной формы (длина – 10 см).

Тип 2 (3 экз.). Данный тип отличен от первого только формой, которая имеет иволистный (вытянутый ромбовидный) контур, в функциональном отношении различий не имеет [1, с. 74]. Представлен тремя экземплярами: двумя из погребения Бахтах III – разноразмерными плоскими наконечниками (длина – 11,5 и 14,8 см, соответственно) с разницей, что у первого насад прямоугольный плоский, а у второго – прямоугольный заостренный. Конец второго наконечника намеренно загнут для улучшения проникающего действия. Третий наконечник – из погребения Эбюгэ II шиловидной формы, который можно классифицировать как сильно вытянутый ромбовидный (длина – 9 см).

Группа IV – вильчатые срезни:

Тип 1 (1 экз.). Развилчатый наконечник подтреугольной формы, представленный в погребении Атыыр-Мэйитэ I, с сужающейся шейкой и округлыми плечиками вильчатым (длина – 13 см). Подобные наконечники отмечаются в Оленёкском и Горном районах Северо-Западной и Центральной Якутии [1, с. 79].

Тип 7 (1 экз.). Представлен обломком наконечника срезня треугольной формы из погребения Алыы, прямоугольным в сечении, в разбухшем состоянии и поэтому заметно расслоившийся. Длина в разбухшем состоянии – 4 см. По материалам А.А. Саввина и Ф.Ф. Васильева якутские названия наконечников типа 7 – «сардаана ох» (як. – стрела в форме цветка «сардаана») или «кустук» (як. – стрела с наконечником), что подчеркивает их характерный двухвилчатый облик [1, с. 80, табл. 9, рис. 4].

Группа VI – долотовидные:

Тип 3 (3 экз.). Такие наконечники относятся к самому широкому ареалу распространения, в частности, в качестве примера можно привести данные о средневековых племенах Приамурья, пользовавшихся такими же наконечниками [5], а также комплекс луков и стрел ненцев и селькупов [2, с. 52, рис. 8]. Представлены двумя сильно расслоившимся экземплярами из погребения Кюереллях I, второй из которых сломан (длина – 8,5 и 2,8 см, соответственно). Имеют прямоугольное сечение пера. Подобный им отмечен в Атыыр-Мэйитэ I (длина – 8,5 см), который имеет несколько уплощенную форму.

Тип 4 (2 экз.). Отличается от 3 типа наличием округлых, выделенных плечиков и имеет несколько меньшие размеры. Представлен в двух экземплярах: один в погребении Алыы (длина – 8 см), использовавшийся для охоты на крупного животного [1, с. 81-82]. Второй подобный наконечник из Кюереллях I сильно расслоился и фактически не сохранился.

Костяные наконечники (3 экз.). Как и железные, костяные наконечники также относятся к разряду черешковых, среди которых преобладают плоские – ромбические, треугольные в сечении [6, с. 165-166]. Их классификация разработана А.И. Гоголевым [3, с. 98-99], при этом она носит первичный характер и нуждается в дальнейшем в существенной доработке, поскольку их большое разнообразие затрудняет их подразделение на более мелкие группы или типы. По замечанию Ф.Ф. Васильева, «они не имеют точного хронологического критерия и не имеют выраженной этнической привязки» [1, с. 85]. В целом, костяные наконечники также входят в общий круг подобных изделий лесополосы Евразии, для именно якутских же наконечников присуще дополнительное обстругивание нижней части наконечника. Все выявленные наконечники относятся по А.И. Гоголеву к IV типу плоских наконечников [4, с. 197, табл. XLVII]. Самый крупный наконечник найден в погребении Кюереллях I длиной 21 см, треугольный в сечении, светло-коричневого цвета, изготовленный из цельного куска кости крупного лося. Он сильно отполирован абразивным инструментом, а после заглажен мягким куском кожи. Вероятно, был в употреблении довольно долгое время. Сам наконечник состоит из двух частей: передней треугольной (длина – около 13 см) и задней уплощенной (длина – около 8 см). Аналогичный ему, но меньших размеров наконечник найден в погребении Атыыр-Мэйитэ I (длина – 8 см). Костяной наконечник из Бахтах III имеет ромбовидную форму, треугольный в сечении, с широким плоским прямоугольным насадом, длиной – 17,2 см. Аналог данному наконечнику имеется из поселения XVII-XVIII вв. Оргумай Центральной Якутии, где представлен также один экземпляр [4, с. 103, 197, табл. XLVII, тип 1].

Деревянные наконечники (томары) (12 экз.). Вид стрел с тупым массивным наконечником, использовавшийся для сильного оглушения мелкой дичи, пушных зверей и с целью не портить их шкуру (например, зайца). Все выявленные томары – цельно-

вырезанные, то есть составляют цельное древко, переходящее в расширение бочонковидной формы [6, с. 166-167]. Подобные виды стрел характерны для широкого круга общесибирских наконечников, а с костяным насадом – втульчатые – вероятно, происходят еще с памятников бронзового века Алтая и Тувы [8]. Два томара, один из которых с костяным насадом, отмечены в погребении Кюереллях I. Общая длина стрел – 74-75,8 см (с насадом), длина томаров – 7,5 см и 6 см, соответственно, диаметр томаров – 1,7-2 см.

Аналогичный наконечник с насадом обнаружен Ф.Ф. Васильевым [1, с. 86, табл. XI, рис. 2] в Усть-Алданском районе в 1983 г. Два томара найдены в погребении Атыыр-Мэйтэ I следующими размерами: диаметр – 3 см, длина – 6 и 16 см, соответственно. По четыре томара обнаружено в погребениях Алыы и Бахтах III. Два томара из Алыы представляют собой цельные экземпляры стрел. Третья стрела аналогична двум вышеописанным, с единственным дополнением, что сам томар у нее ромбовидной формы и в него вставлен железный наконечник, от которого остался только кончик. Четвертый томар представлен также цельной стрелой, состоящей из древка, переходящей в расширенный томар с узким деревянным наконечником, на который крепится костяной цилиндрический насад (втульчатая форма).

Три томара в Бахтах III также представлены двумя цельными томарами, при этом один из них имеет заостренную цилиндрическую форму, зауженную к концу. Четвертый томар имеет костяной цилиндрический насад (который сильно разрушен), крепившийся на узкий вырезанный деревянный наконечник томара. Аналоги этим всем этим томарам наблюдается в погребениях XVIII в. Центральной Якутии [4, с. 185, табл. XXV, рис. 11].

Заключение. Проведенный опыт классификации наконечников стрел верхоянских и оймьяконских якутов XVII-XVIII вв. позволяет их считать типичными, характерными в целом для якутской культуры данного периода. Никаких явно отличительных признаков от наконечников стрел Центральной Якутии и вилюйской группы районов по имеющимся материалам не наблюдается. Это позволяет утверждать, наряду с другими сведениями, о высокой степени близости верхоянских и оймьяконских якутов с населением метрополии и их включенности в общие социально-экономические процессы, происходившими в указанное время в Якутии.

Примечания:

1. Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. – Якутск: Бичик, 1995. – 217 с.
2. Гемуев И.Н., Соловьев А.И. Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 39–55.
3. Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV – XVIII вв.). – Иркутск: ИГУ, 1990. – 188 с.
4. Гоголев А.И. Якуты: проблемы этногенеза и формирования культуры. – Якутск: ЯГУ, 1993. – 200 с.
5. Деревянко Е.И. Очерки военного дела племен Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 225 с.
6. Кирьянов Н.С. Погребальный обряд и материальная культура населения Яно-Индибирского нагорья в XVII-XIX вв. (по результатам археологических исследований): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / Алтайский государственный университет, Барнаул, 2019. – 337 с. // URL: <https://www.asu.ru/files/documents/00020495.pdf> [электронный ресурс]. Дата обращения: 31.03.2020.
7. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). – Якутск: Якутск. кн. изд-во, 1971. – 212 с.
8. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. – М.; Л: Наука, 1962. – 206 с.
9. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

УДК 902.34

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ НА ПРИМЕРЕ МУРЬИНСКОГО КЕЛЬТА

Ягловский А. С.

Аннотация. В статье предпринята попытка экспериментального моделирования бронзового изделия, мурьинского кельта, найденного на территории южной Якутии. Используемый в работе метод не имеет широкого распространения на территории России, несмотря на свою долгую историю. В первую очередь, это связано с наличием в нем личностного компонента и умозрительного характера итогов работы. Однако опора на классическую археологию и соблюдение чистоты эксперимента дает знания и их подтверждение, недоступных другим методам. В ходе работы собрана информация об артефакте и схожей находке в Якутии. Проведен визуальный анализ внешнего состояния кельта, подобран способ изготовления полости. Рассмотрены и использованы различные способы моделирования. Созданы гипсовые и восковые копии, подобраны материалы для использования в моделировании.

Ключевые слова: кельт, бронза, экспериментальное моделирование, метод, археология, Якутия, визуальный анализ.

EXPERIMENTAL MODELING OF BRONZE OBJECTS ON THE EXAMPLE OF MURINSKY CELT

Abstract. The article attempts to experimentally model a bronze product, the Mur'i Celt, found in southern Yakutia. The method used in the work is not widespread in Russia, despite its long history, primarily due to the presence of a personal component in it and the speculative nature of the results of work, but relying on classical archeology and observing the purity of the experiment gives knowledge and confirmation of knowledge not available to other methods. During the work, information was collected about the artifact and a similar find in Yakutia. A visual analysis of the external state of the celt was carried out, a method for manufacturing the cavity was selected. Various modeling methods are considered and used. Plaster and wax copies were created. Materials were selected for use in modeling.

Keywords: axe, bronze, experimental modeling, method, archeology, Yakutia, visual analysis.

Цель исследовательской работы - поиск доступных технологий, методов анализа и моделирования бронзовых изделий, для получения дополнительной информации по артефактам и культурам Якутии. Мурьинский кельт был найден в п. Мурья, недалеко от г. Ленск, Республика Саха (Якутия). Во время земляных работ было разрушено погребение, в котором обнаружили затылочную кость, части скелета и бронзовый кельт [1, с. 137]. Кроме него на территории Якутии был обнаружен Нюрбинский кельт. Иных зарегистрированных находок кельтов в Якутии не наблюдается. По имеющимся данным оба кельта отнесены к восьмой и третьей группам, по классификации Г.А. Максименкова, соответственно [4, с. 12]. Происхождение кельтов, вполне вероятно, местное, о чем свидетельствуют изыскания А.П. Окладникова около с. Мухтуя (ныне г. Ленск) [5, с. 34] и у Областной больницы в г. Якутске [1, с. 137], где были обнаружены следы металлического производства, и часть формы для отливки.

Орнамент на мурьинском кельте очень похож на орнамент ымыяхтахской вафельной керамики [1, с. 137]. Кельт имеет вытянутую прямоугольную форму с секирообразным лезвием, выступающим за основной профиль орудия. Размеры кельта услов-

ные по отношению к первоначальной форме, в связи с механическим износом и временем производства. Длина от выступающей части обуха до кромки лезвия по середине – 11,2 см.; длина от обуха со стороны места забора анализа до начала лезвия – 9,5 см.; длина от обуха со стороны орнамента – 9,8 см.; ширина секира - образного лезвия – 5,15 см.; ширина кельта по середине – 4,2 см.; ширина со стороны обуха – 4,3 см.; глубина кельта от стенки к стенке – 3,3 см. по середине, глубина со стороны отверстий для забора анализов – 2,3 см., глубина со стороны орнамента 2,5 см.; на середине длины глубина равна – 2,1 см.; у начала лезвия – 3 мм., толщина стенок варьируется между 0,3 – 0,4 см. По середине, с обеих сторон кельта имеются несимметричные, ромбовидные, сквозные отверстия. Со стороны инвентарного номера, длиной 1,05 см. и шириной 0,75 см., отверстие с другой стороны, длиной 1,3 см. и шириной 11мм. Лезвие имеет смещение в сторону, относительно центра глубины кельта на 0,47 см., смещение произошло к стороне с инвентарным номером. Само лезвие имеет несимметричную форму со стороны места забора анализов, характер деформации свидетельствует о стачивании кромки лезвия. Орнамент поверхности кельта имеет различные дефекты – это многочисленные газовые камеры, стертости орнамента, отслоение внешнего слоя бронзы на одной из стенок кельта, отсутствие верхней части обуха. С внутренней стороны кельт имеет шероховатую поверхность, каплевидные образования, ближе к лезвию середина имеет меньшую глубину, нежели по краям. Вес мурьинского кельта 267 граммов, материал изготовления мышьяковистая бронза, где 1% мышьяка, олова 0,01%, свинца 0,04%. Погрешность использованного метода 20% [3, с. 104].

Таким образом, визуальный осмотр мурьинского кельта дает следующую информацию. Лезвие деформировано в бок, а не сточено. Об этом говорят сохранившаяся линия орнамента со стороны деформации, которая изгибается вместе с кельтом и не теряет своей толщины, вертикальный изгиб прямого узора с другой стороны и изгибы отливочных швов (рис. 1).

Рис. 1 Мурьинский кельт – вид сбоку

Такая же деформация имеет место быть на нюрбинском кельте [4, с. 13], что дает нам возможность предположить их одинаковое использование. Например, давяще-скребущими движениями от себя. В случае многочисленных повторяющихся движений, ковкая мышьяковистая бронза изменит форму, что и будет проверено в ходе эксперимента. Кромка лезвия у кельта сточена с одного конца – можно предположить использование кельта как рубящий инструмент, когда наибольший импульс удара приходится на внутреннюю сторону лезвия. Большое количество раковин может говорить

нам об отсутствии каналов для выхода воздуха или их загрязненности, о наличии шлаков в тигле при отливке (рис. 2).

Орнамент местами стерт, либо отсутствует изначально, некоторые элементы выделяются четко, другие затерты или отсутствуют. Это говорит о том, что изначально орнамент на форме был целым и четким, однако со временем начал стираться. Наличие отливочных швов также говорит о том, что для отливки использовалась

многоцветная форма. Сердечник по классификации Ненахова второго типа [2, с. 49] изготавливался из смеси глины и песка и был одноразовым, о чем свидетельствует шероховатая поверхность втулки кельта, повторяющая поверхность глиняно-песчаной смеси. Сама втулка относится к первой группе и первому типу по классификации Ненахова [6, с. 114]. Обух кельта признается обломанным, однако вполне вероятно имел место быть – обыкновенный недолив из-за отсутствия материала (рис. 3).

Рис. 2 Мурьинский кельт – вид сбоку

Рис. 3 Мурьинский кельт – вид сбоку

Эксперимент разделился на четыре этапа. Во-первых, отливка гипсовой копии мурьинского кельта, во-вторых создание формы для отливки бронзового изделия и в-третьих выплавка. Для отливки гипсовой копии были апробированы три материала. Это керамио-целлюлозная скульптурная масса, скульптурный пластилин с пониженной жирностью, но наиболее эффективной себя показала отливка формы из силикона. Марка силикона Эластолукс-М позволила отлить форму в мельчайших подробностях. Дополнительно был сделан слепок верхней части внутренней поверхности кельта. Для создания форм отливки из гипса с помощью силиконовой формы были изготовлены гипсовые и восковая копии кельта. Сердечник изготовлен из глиняно-песчаной, не обожженной массы. Упоры сердечника были изготовлены из глины, а также подготовлен вариант с деревянным упором, он кажется наиболее эффективным (рис. 4-5).

Рис. 4 Одноразовый сердечник для отливочной формы.

Рис. 5 Сердечник в форме для отливки

Это можно предположить по наличию ромбовидных и квадратных отверстий у мурьинского и нюрбинского кельтов, так как их разные размеры и неровности могли возникнуть при обработке деревянного упора (рис. 3). Плавка меди и присадка мышьяка производилась в самодельном горне с использованием древесного угля, что при имеющихся возможностях не привело к успеху. В дальнейшем произведена плавка газовой горелкой, однако температура плавления достигалась лишь в струе пламени, что было недостаточно. Последний самостоятельный эксперимент проходил с применением грифельного тигля, при напоре пламени из паяльной лампы, что также не дало достаточного жара для плавки меди.

В результате проведенной работы получены предварительные результаты, требующие экспериментального подтверждения. Такие как использование глиняно-песчаного сердечника с деревянным упором, использование многоразовой отливочной формы, способы использования кельта, необходимость использования аутентичной технологии плавки и организации полноценной лаборатории для проведения подобных работ.

Примечания:

1. Дьяконов В.М., Бравина Р.И. Нюрбинский бронзовый кельт (к вопросу о культурных связях Якутии и сопредельных территорий в эпоху палеометалла) //Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 4(13). – С. 12-14.
2. Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. – Новосибирск, Наука. 1978. – 127 с.
3. Лескова Н.В., Федосеева С.А. Химический состав бронзовых изделий усть-мильской культуры Якутии // Якутия и ее соседи в древности: тр. ПАЭ. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1975. – С. 100-105.
4. Ненахов Д.А. Изготовление полой втулки кельтов раннего железного века средней Сибири (технологическая классификация) //Теория и практика археологических исследований. – 2016. – №4(16). – С. 48-54.
5. Ненахов Д.А. Внутреннее устройство втулок кельтов раннего железного века Сибири// Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2018. – Т.17. – №3: Археология и этнография. – С. 111-122.
6. Федосеева С.А. Новые данные о бронзовом веке Якутии// По следам древних культур Якутии (труды Приленской археологической экспедиции). – 1970. – С. 128-142.

УДК 903.2(571.56)

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ КУЛУН-АТАХСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Прокопьева А. Н.

Аннотация. В 1990-е годы на территории Мегино-Кангаласского района были открыты и изучены поселения Мамыкан и Сэндиэлэ I-III кулун-атахской культуры эпохи средневековья Якутии (XIII-XVI вв.). Поселения состояли из групп жилищ подквадратной и круглой формы, окруженных хозяйственными ямами. Материал, обнаруженный на поселениях, оказался богатым и интересным, но, не был в свое время опубликован. В представленной статье вводятся в научный оборот результаты исследования костяные изделия, обнаруженные на указанных поселениях. Изделия можно разделить на три группы: наконечники стрел, ложки и бытовые изделия. Предметы требуют тщательного изучения с применением междисциплинарного подхода, что позволит уточнить их функциональное назначение и расширить знания о культуре и быте кулун-атахских племен.

Ключевые слова: средневековье, Якутия, жилища, кость, костяные наконечники, томар, гребень, рыболовство, костяные ложки

BONE WARES FROM THE SETTLEMENTS OF THE KULUN-ATAKH CULTURE

Abstract. In the 1990s, on territory of the Megino-Kangalassky region were discovered and studied the settlements Mamykan and Sandiele I-III (the Kulun-Atakh culture of the Middle Ages of Yakutia, dated XIII-XVI centuries). The settlements consisted of groups of dwellings. Dwellings were surrounded by grain pits. There was found rich and interesting archaeological material but wasn't published at the time. In this article bone objects from settlements Mamykan and Sandiele I-III are introduced into circulation. Objects can be classified into three groups: arrowheads, spoons, and household items. Bone wares require a more detailed and thorough study with an multidisciplinary approach. This will help clarify the functional purpose of objects and expand knowledge about the culture and life of the Kulun-Atakh's tribes.

Key words: Middle Ages, Yakutia, dwellings, bone, bone arrowheads, tomар, comb, fishing, bone spoons

Эпоха средневековья Якутии является ключевым в формировании якутского этноса. Именно с этой эпохой связывают распространение скотоводческого хозяйства на Средней Лене. Памятники эпохи средневековья относятся к кулун-атахской археологической культуре XIV-XVI вв. и представлены поселениями и погребениями. Основным ареалом распространения кулун-атахской культуры является Центральная Якутия: Амгинский, Мегино-Кангаласский, Намский, Усть-Алданский и Чурапчинский районы [8, с. 144]. Отдельные памятники обнаружены в Вилюйской группе районов [7; 11] и Томпонском районе [3]. На данный момент ареал распространения и хронологические рамки кулун-атахской культуры требуют уточнения и корректировки.

Большая часть материалов кулун-атахской культуры хранится в Музее археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета, так как исследования проводились университетскими экспедициями под руководством А.И. Гоголева в 1970-80-е гг. В 1990-е гг. исследования А.И. Гоголева продолжили его студенты Н.П. Прокопьев, С.К. Колодезников и Э.К. Жирков. Материалы этих экспедиций вошли в состав фондов Мегино-Кангаласского краеведческого музея, сделав музей одним из основных хранителей коллекции эпохи средневековья Якутии. Если материалы А.И. Гоголева подробно освещены в научных трудах, то материалы его учеников так и остались неопубликованными. В связи со скоростижной кончиной Н.П. Прокопьева, отчеты по Открытым листам так и не были оформлены и хранятся в виде рукописи в архиве семьи исследователя.

Целью данной статьи является введение в научный оборот материалов средневековых поселений Центральной Якутии, изученных в 1990-е гг. Н.П. Прокопьевым и его коллегами. Основой для написания статьи послужили письменные источники (дневники и воспоминания руководителей и участников экспедиций) из письменных фондов музеев и семейного архива Прокопьевых и фактические вещественные источники – археологические материалы, обнаруженные на поселениях и хранящиеся в фондах Мегино-Кангаласского краеведческого музея. В работе будут рассмотрены материалы поселений: Сэндизлэ I-III и Мамыкан I-II. Все эти памятники расположены в Мегино-Кангаласском улусе. Датировка памятников производилась по анализу керамического комплекса.

Поселения кулун-атахской археологической культуры в большинстве своем расположены на краю террас небольших аласов и ручьев. Поселения Сэндизлэ I-III представляет собой три группы жилищ и хозяйственных построек. Поселения находятся

в 150-200 м. друг от друга. Жилища расположены на невысоких старичных террасах ручья Куоллара. Среди построек были как жилые помещения, так и хозяйственные сооружения типа якутских коровников «титиик», мастерская кузнеца. Типы жилищ имеют круглую, прямоугольную и подквадратную формы. Площадь жилищ варьируется от 20 до 64 кв. м. Поселение Мамыкан расположено в пойме аласа. Поселение состояло из двух жилищ подквадратной в плане формы. Площадь жилищ достигала 24 кв. м.

Вокруг жилищ кулун-атахской культуры располагались хозяйственные ямы. Судя по находкам, в ямах непосредственно у входа в жилища хранили пищу в берестяных сосудах. В заполнении других ям вокруг жилищ обнаружены кости лошади, крупного рогатого скота, рыба чешуя, фрагменты керамики.

Основную массу находок на поселениях кулун-атахской культуры составляют фрагменты керамических изделий. Следующим по количеству являются костяные предметы: из кости изготавливали наконечники стрел, концевые вкладыши лука, орудия труда, предметы быта и культовые изделия. Среди материалов поселений Мамыкан и Сэндиэлэ I-III костяные изделия также занимают существенное место наряду с металлическими изделиями. Обнаруженные костяные предметы можно разделить на следующие группы: наконечники стрел, ложки и единичные бытовые изделия.

Типология костяных наконечников стрел кулун-атахской культуры разработана А.И. Гоголевым [6, с. 186], в соответствии с которой изучены наконечники с анализируемых поселений. Черешковые наконечники стрел из поселений Сэндиэлэ I-III и Мамыкан относятся к 3 типу кулун-атахских наконечников [6, табл. LXI]. Прямых аналогов среди опубликованных материалов по кулун-атахской культуре не находят листовидные черешковые наконечники из поселений Мамыкан (рис. 1, 1) и Сэндиэлэ. Наиболее выразителен подобный наконечник из поселения Мамыкан: это удлиненно-листовидной формы шестигранный в сечении наконечник стрелы, перо которого плавно переходит в насад (рис. 1, 1). Общая длина наконечника 12,6 см. Два коротких листовидных наконечника вероятно являются заготовками (рис. 1, 2).

Томары представлены двумя образцами из поселения Сэндиэлэ II: втульчатый (рис. 1, 3) и черешковым (рис. 1, 4). Оба наконечника можно охарактеризовать как кубковидные с конической ударной частью. Томары близких форм, но изготовленные из дерева, были распространены практически по всей Сибири и встречаются вплоть до XX в.

Из существующей типологии костяных наконечников стрел выбивается втульчатый наконечник стрелы сложной формы с тупым острием, являющимся продолжением широкого четырехлопастного томара (Сэндиэлэ I, рис. 1, 5). Вероятно, этот наконечник является вариантом наконечников «уостаах ох» или «сардаана ох» [5, с. 88], известных по фольклорным данным. Близкие по форме наконечники были обнаружены на Алазейском острове [2, табл. 61, 7]. Вышеуказанное показывает, что типология костяных наконечников стрел кулун-атахской культуры, составленная А.И. Гоголевым, требует расширения.

Редким явлением на средневековых поселениях являются костяные ложки. За всю историю археологического изучения кулун-атахской культуры ложки были обнаружены только в поселениях Сэндиэлэ I-II и Мамыкан. Ложки условно можно разделить на два типа: с плоским черпалом и глубоким. Первый тип представлен двумя подтипами из поселения Сэндиэлэ. Тип 1.1. это костяные ложки в двух экземплярах, схожие по форме и орнаментике (рис. 1, 6). На рукоятку второй ложки нанесен прорисованный орнамент, схожий с орнаментацией костяного игольника из инвентаря Иччиляхского погребения эпохи ранней бронзы Якутии [13, с. 59, рис. 44, 10; рис. 45,

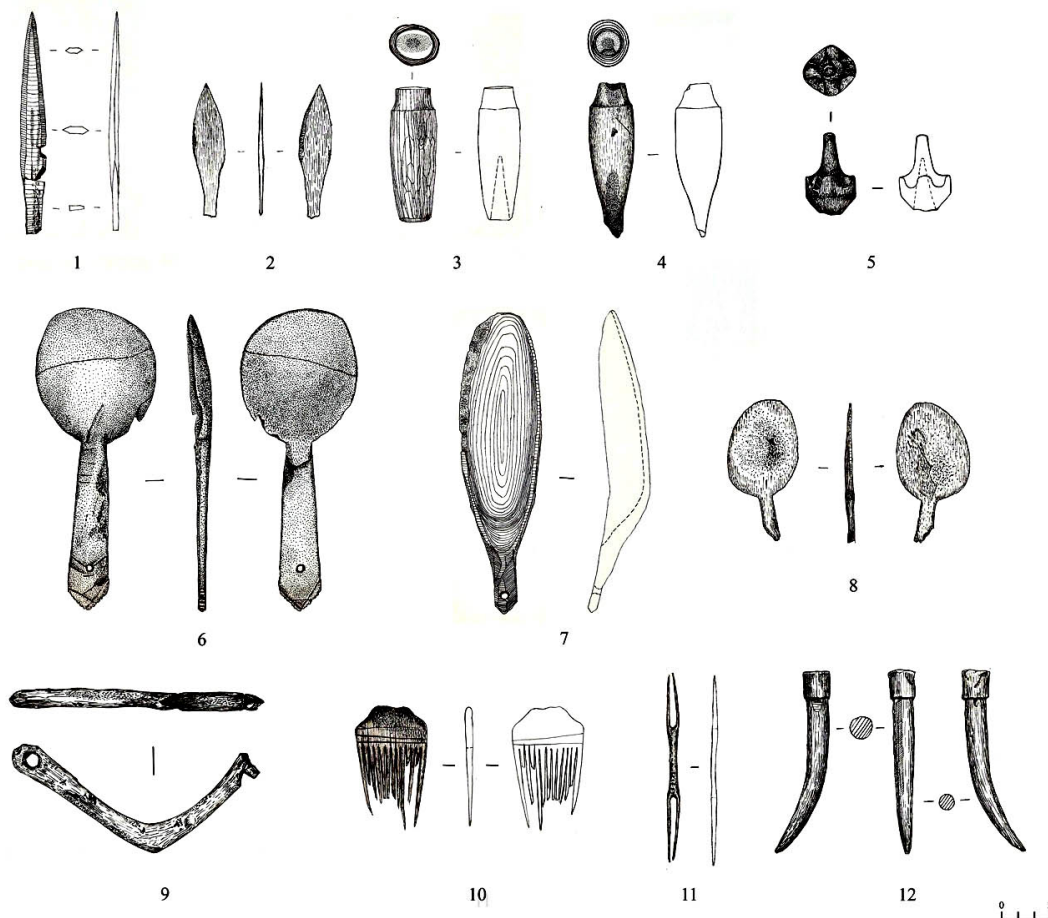

Рис. Костяные изделия из поселений Мамыкан (1, 7), Сэндиэлэ I-III (2-6, 8-12).

3]. Этот орнамент встречается на глазковских памятниках Прибайкалья [10, с. 171]. Рукоятка плоская, завершается треугольным навершием и сквозным отверстием. Тип 1. 2. Представлен одним образцом маленькой и тонкой ложечки неправильной формы (рис. 1, 8). Рукоятка обломана, поэтому судить о его длине сложно. Тип 2 был найден в поселении Мамыкан и представляет собой удлиненно-вытянутую ложку с глубоким черпалом в виде детского совочка (рис. 1, 7). Ручка плоская и короткая с треугольным навершием и отверстием. Видимо, через отверстие на рукояти, ложки подвешивались для ношения. Это может служить косвенным подтверждением того, что в рассматриваемую эпоху оседлый образ жизни еще не был устоявшимся.

Следующие изделия из поселения Сэндиэлэ III следует отнести к утилитарным бытовым предметам. Это костяной крюк для распутывания узлов (рис. 1, 12) или плетения сетей (кочедык) и тонкий, вильчатый предмет, вероятно служивший челноком для плетения рыболовных сетей (рис. 1, 11). Здесь следует отметить, что на поселении встречались скопления костей и чешуи местной ихтиофауны – карасей и гольяна. А на дне хозяйственных ям поселения Сэндиэлэ I зафиксирован сплошной слой мощностью до 6 см, состоящего из смеси рыбьих костей и чешуи, лежащей на берестяной подстилке. Вероятно, это остатки одного из традиционных видов заготавливаемой впрок пищи «сыма» [12, с. 118]. Подобная практика квашения рыбы существовала у многих сибирских народов. Учитывая тот факт, что в степных культурах подобная консервация не фиксируется, тогда как у северных народов она является одним из традиционных видов пищи, можно предположить, что истоки происхожде-

ния данного вида сохранения продуктов зависят от мерзлотного состояния грунта, что в данном случае говорит об автохтонности традиции. Кроме костей местной ихтиофауны были зафиксированы позвонки крупной речной рыбы. В материалах поселений Сэндиэлэ I и Мамыкан из этих позвонков были сделаны своеобразные подвески. Аналогичные поделки из позвонков крупной рыбы были найдены на поселении XVI в. Хаара Оттох Мегино-Кангаласского района. Среди этнографических материалов аналогии фиксируются в культуре эвенков, где подобные ожерелья из позвонков крупной рыбы использовались в качестве детской игрушки.

Необычной является костяное изделие из поселения Сэндиэлэ III длиной 14,8 см. и толщиной 1,8 см. (рис. 1, 9). Одна сторона предмета имеет резной декор в виде стилизованной конской головы, который мог нести утилитарные функции. Другая сторона скруглена и имеет сквозное отверстие диаметром 0,8 см. Общая форма изделия напоминает костяную подвеску из стоянки раннего железного века Улахан Сегеленях [1, с. 46]. Это профильное изображение двух конских головок, развернутых в противоположные стороны, очень схожая с изделиями таштыкской эпохи Хакасско-Минусинской котловины [9, с. 89, рис. 32]. Аналогичные сэндиэлинскому крюки с резным изображением различных животных, в том числе голов лошадей, использовались до недавнего времени в среде саяно-алтайских тюркских народов в качестве крюка для подвешивания детской люльки [4, с. 90]. Но этот вариант применения крюка сомнителен относительно указанного предмета, так как угол сочленения крюка не позволяет что-либо подвешивать на нем. Для более точного определения функционального назначения предмета необходим трасологический анализ и поиск аналогий.

Бытование костяных гребней подтверждает находка из поселения Сэндиэлэ I (рис. 1, 10). Это узкий вертикальный гребень, нетипичный для якутской культуры. Изделие типологически тяготеет к гребню из поселения Кулун-Атах [6, С. 47, табл. IX, 3]. Схожие формы вертикальных гребней присутствуют в материалах автохтонных культур предшествующих эпох с разницей в размерах [14, с. 140, табл. III, 3; 1, с. 14, табл. IX, 6; 13, рис. 93, 17]. Открытым остается вопрос функционального назначения: было ли это предметом личной гигиены или хозяйственно-бытовым предметом.

Таким образом, комплекс костяных изделий рассмотренных поселений имеет как общие с кулун-атахским комплексом черты, так и свои особенности. Наиболее ярко самобытность изделий проявляется на материалах поселений Сэндиэлэ I-III. Здесь прослеживаются формы изделий и орнаментальные мотивы, характерные для более древних культур Якутии. Необходимо провести трасологический анализ изделий для уточнения функциональной принадлежности.

Примечания:

1. Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха Средневековья. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 95 с.
2. Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII-XVIII вв. на Северо-Востоке Якутии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. – 152 с.
3. Бравина Р.И. Раннеякутская кулун-атахская культура (XIII-XVI вв.) в свете новых археологических данных // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2018. – № 2(23). – С. 10-18.
4. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.
5. Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов / Под ред. д.и.н. проф. Д.Г. Саввинова. – Якутск: Бичик, 1995. – 224 с.
6. Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья XIV-XVIII вв. – Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета, 1990. – 196 с.
7. Гоголев А.И. Обзорение этнической истории Западной Якутии (до начала XX в.) // Наука и образование. – 2008. – № 3. – С. 66-72.

8. Гоголев А.И. Происхождение народа саха и его традиционной культуры. – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2018. – 256 с.
9. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины (I в. до н.э. — V в. н.э.). – М.: МГУ, 1960. – 198 с.
10. Окладников А.П. История Якутской АССР Т.1 Якутия до присоединения к русскому государству. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 432 с.
11. Петров Д.М. Захоронения воинов на озере Кюкяй в Западной Якутии: новые материалы по ранней этнической истории вилуйских якутов (XIV-XV вв.) // Известия лаборатории древних технологий. – 2019. – Т. 15. – № 2 (31). – С. 67-80.
12. Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. – 376 с.
13. Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – 224 с.
14. Эверстов С.И. Остатки жилища из стоянки Белая Гора // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск, ВО «Наука», 1992. – С.138-143.

УДК 745.55(=512.157)

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЫСЫАХА В ИЗДЕЛИЯХ ИЗ МАМОНТОВОЙ КОСТИ

Слепцова А. А.

Аннотация: В статье рассматриваются наиболее часто изображаемые в косторезном промысле якутов сцены Ысыаха. В культурном наследии якутов национальный праздник Ысыах занимает особое место, в нем ярко отражается система верований, мифологические представления народа, в которых можно проследить особую связь между природой и человеком. Ысыах включает в себя все многообразие хозяйственно-культурной, социальной и этнической жизни народа на разных этапах исторического развития. Выделены основные сцены в изделиях из кости: обряд приготовления, очищения местности и кумысопития, ритуальных танцев битии и осуохай, а также различные спортивные состязания. Данные сцены являются наиболее устойчивыми и неотъемлемыми элементами косторезного промысла якутов, в которых переплетаются материальная и духовная культура народа.

Ключевые слова: мамонтовая кость, изделия, Якутия, якуты, косторезный промысел, Ысыах, изображение сцен.

IMAGE OF YSYAKH IN MAMMOTH BONE PRODUCTS

Abstract. The article discusses the most frequently depicted scenes of Ysyakh, which are found in the bone-cutting industry of the Yakuts, reflect the worldview and spiritual culture. In the cultural heritage of the Yakuts, the national holiday Ysyakh occupies a special place, it clearly reflects the belief system, mythological representations of the people, in which you can trace a special connection between nature and man. Ysyakh includes all the diversity of economic, cultural, social and ethnic life of the people at different stages of historical development. The main scenes in bone products are highlighted: the rite of preparation, purification of the area and kumysopitiya, ritual dances of bitiya and osuohai, as well as various sports competitions. These scenes are the most stable and integral elements of the Yakut bone-cutting industry, in which the material and spiritual culture of the people are intertwined.

Keywords: mammoth bone, products, Yakutia, Yakuts, bone-cutting industry, Ysyakh, images of scenes.

Изделия из кости якутских резчиков XIX-XX вв. – одно из значительных ключевых элементов якутской материальной культуры, которое неразрывно связано с ее традициями. В выборе сюжета якутских косторезов привлекает изображение реального быта, жизни, которая их окружает. Особый интерес представляют работы косторезов, в которых прослеживается тема Ысыаха, получившее свое многогранное воплощение. В культурном наследии якутов национальный праздник Ысыах занимает особое место, в нем ярко отражается система верований, мифологические представления народа, в которых можно проследить особую связь между природой и человеком. Ысыах включает в себя все многообразие хозяйственно-культурной, социальной и этнической жизни народа на разных этапах исторического развития. Ведь он является главным отображением культурных традиций народа [13, с. 30]. Праздник состоит из обряда кропления кумыса и кумысопития, ритуальных танцев и спортивных состязаний.

На сегодняшний день мы владеем значительной научной и научно-популярной базой литературы касательно якутского косторезного промысла, однако трудов, в которых образ и сюжет изделий из кости рассматривались отдельно не так много. Первые сведения об изделиях из кости мы находим в работах путешественников, многие из них только констатируют факт наличия резьбы из мамонтовой кости, в отдельных работах указывается самобытность, оригинальность якутских костяных изделий. Л.И. Якунина в монографии «Якутская резная кость» 1957 г. предполагает, что уже в XVIII в. мамонтовая кость могла быть обычным и весьма распространенным материалом для резьбы по кости в Якутии, то есть косторезное ремесло уже было развито до русских [16, с. 9]. Н.А. Алексеев в 1966 г. провел обзор развития якутской резьбы по кости. Он отмечает, что в некоторых старинных костяных изделиях имеются схожие мотивы с резьбой по дереву. А, как известно, резьба по дереву древнее искусство. Важно его мнение о том, что якуты знали косторезное ремесло еще до прихода русских, так как северные племена бассейна среднего течения р. Лены широко применяли мамонтовую кость, в том числе для выделки наконечников стрел и других изделий в XVII в., так как не знали железа [1 с. 61]. В то же время есть другое мнение. С.В. Иванов и М.А. Сергеев предполагают, что среди русских переселенцев в Якутии были резчики кости, и, возможно русские принесли это ремесло с собой [6, с. 156]. В.Х. Иванов в 1979 г. рассматривает время зарождения и истоки косторезного искусства, путь развития, эволюция его стилей. Он предполагает, что добыча мамонтовой кости в Якутии стала предметом промысла только в XVIII в., т.к. в предметах торговли, составленном Г.В. Кильбургером, говорится о моржовой и слоновой костях, тогда как мамонтовая кость не упоминается. Рассмотрев данные письменных источников, археологических раскопок и сведений о добыче мамонтовой кости, он приходит к выводу о том, что зарождение косторезного искусства в Якутии относится к XVIII в. [5, с. 8]. Т.Б. Митлянская описывает работы мастеров и дает краткую характеристику развития косторезного промысла в Якутии [9], С.Н. Горохов сделал подробное описание композиции «Ысыах» неизвестного якутского автора первой половины XIX в. с полным пояснением о празднике Ысыах и о культуре народа [3], П.И. Докторов пишет, что в XVII в. якуты широко применяли мамонтовую кость для выделки наконечников стрел и других изделий [4, с. 52]. Г.Н. Радионов рассматривает публикации отечественных исследователей и изделия многих известных мастеров [11, 12]. Краткий обзор историографии по данной теме показывает, что работы вышечисленных исследователей содержат ценный и разнообразный материал о косторезном промысле.

резном промысле якутов. Однако накопленный материал требует обобщения, анализа и дополнения новыми данными, а также взгляда на них с различных сторон.

В статье рассматриваются часто изображаемые сцены Ысыаха в косторезном промысле якутов. К ним относятся такие сцены, как приготовление кумыса, очищения местности им и обряд кумысопития, танец битии и круговой танец осуохай, а также спортивные состязания. Особый интерес для нас представляет выявление устойчивых особенностей художественного решения для изображения темы Ысыаха в косторезном промысле якутов. Исследование художественных особенностей произведений косторезного промысла якутов рассказывающем о якутском национальном празднике Ысыах потребовало обобщения разнообразного материала. Работа основана на различных литературных и визуальных источниках (фотографии, художественные изделия, предания устного народного творчества и т.д.). В работе использован ряд исторических методов таких, как историко-генетический метод, который позволил нам изучить историографию и источники вопроса, также был использован описательный и сравнительно-исторический метод, который помог нам сравнить изделия различных мастеров и выявить общие эстетические представления.

Кумыс - один из главных продуктов хозяйства якутов, который обладает целебными свойствами. Обряд очищения местности и обряд кумысопития являются кульминацией начала праздника Ысыах, через который происходит приобщение людей с природой и божествами Айыы, т.к. кропление кумыса рассматривается, как акт бескровного жертвоприношения божествам Айыы и духам Природы. Изображение сцен приготовления, обряда очищения и кумысопития часто встречается в косторезном промысле якутов. Например, на двустороннем гребне из мамонтовой кости неизвестного мастера начала XIX века, хранящийся в фондах ГИМ, в средней части гребня изображена сцена угощения кумысом, две летние берестяные урасы по краям и молодыми березками (чэчир) по центру и кожаный сосуд. Так же эта сцена встречается на двустороннем гребне к. XVIII в., на стенках шкатулок сер. XIX в. неизвестных мастеров, обычно подобные сцены сопровождаются с изображением двух и более людей, иногда с чоронами в руках, с жилищными постройками по краям и молодыми березками. В объемной скульптуре кумыс сопровождается так же изображением сосудов из кожи – смир, в которых готовили кумыс. Смир шили из бычьей кожи, который варили в крови, чтобы придать ему черный цвет, затем пропитывали маслом. Перед приготовлением кумыса смир ставили на подставку и привязывали к центральному столбу, а готовый напиток уже позже выносили в центр тьюсюлгэ и ставили между коновязными столбами, рядом ставили чороны, берестяные посуды [3, с. 15].

Танец битии и круговой танец осуохай. Данный сюжет в косторезном промысле якутов так же является одной из наиболее популярных сцен. Вообще, танец в культуре якутов имеет ритуально-магическое значение, в котором якуты отражали свое видение мира, свое мировоззрение. Через танец люди молитвенно обращались к божествам об их благосклонности, просили счастья, приплода скота и урожая. Танец битии – это танец помощников шамана в обрядах, проводимыми ими, который так же связан с культом Айыы. В битии танцоры притоптывают ногами на полусогнутых коленях [10, стлб. 479]. Сакральная функция, которого заключалась в привлечении внимания божеств Айыы, а также, они являлись помощниками, протаптывающие путь шаману вверх [7 с. 99]. В резьбе по кости его часто изображают в виде танцующих девушек или людей танцующих круговой танец осуохай в нарядных одеждах. Например, фигуры танцующих женщин можно встретить на створке шкатулки XVIII в., на двустороннем гребне XIX в., на подчаснике сер. XIX в. также изображены фигуры танцующих женщин в сопровождении двух мужских фигур, один из

которых держит чорон в руках, похожее изображение мы можем увидеть на створке шкатулки сер. XIX в., где по середине изображены шесть танцующих женских фигур, а по краям изображены два всадника на конях неизвестных мастеров. Стоит отметить, что танец битии – это танец не только молодых девушек, но и молодых парней, изображение которых еще не встречалось в косторезном промысле.

Осуохай – хороводный танец, в котором прослеживается поклонение Солнцу, божествам Айыы, символизирует вечный круговорот жизни и ее обновление [2]. Круги осуохая олицетворяют солнце, его ход. Стоит отметить, что в основе кругового танца лежит повтор. Повторение звуков и движений передает идею круговорота жизни, возрождения, а также усиливает их силу [8, с. 115]. Осуохай в косторезном промысле якутов встречается чаще всего в объемной скульптуре, получивший свое широкое распространение в XX в. Например, осуохай изображен в композиции «Якутский праздник Ысыах» неизвестно мастера сер. XIX в., хранящийся в азиатском фонде Британского музея, осуохай так же изображен в одноименной работе «Осуохай» 1974 г. Аммосова Т.В., как часть композиции в работе «Ысыах» Маркова Ф.И., в работе «Ысыах» Амыдаева Н.Д. 1985 г.

Спортивные состязания. Спортивные состязания для многих народов являются важной частью культуры. По преданиям первые спортивные состязания были проведены на Ысыахе: прыжки на одной ноге (кылыы) и прыжки обеими ногами (куобахтыы) по меткам, якутская борьба, стрельба из лука, конные скачки, бег и т.д. Изначально спортивные состязания на Ысыахе несли ритуальный характер, целью которых было «завоевать счастье» [15 с. 252]. Помимо этого, спортивные состязания на Ысыахе определяли роль рода и степень влияния в родовом союзе [14, с. 445]. Победителей народ славил, слагал легенды. В косторезном промысле якутов представлены различные сцены спортивных состязаний на Ысыахе. Самым популярным и любимым сюжетом является сцена изображения национальной борьбы якутов – хапсагай, дословный перевод которого означает «состязание в ловкости»: часто изображается в виде двух борцов, сцепившихся друг с другом в окружении двух-трех зрителей. Такое изображение, например, есть на одной из боковых стенок шкатулки XIX в. неизвестного автора. В центре изображены борцы, схватившие друг друга за ноги, по краям стоят наблюдатели: слева – зритель, справа – скорее всего судья. В своем обзоре якутского экспоната в коллекции Британского музея «Ысыах» С.Н. Горюхов предполагает, что фигура человека с конским хвостом – дэйбир, может быть судьей, которому она необходима для контроля борьбы [3, с. 18]. Похожая сцена также изображена на боковой стенке шкатулки 1848 г. неизвестного автора. На ней изображены борцы в схватке и трое наблюдателей: слева – два наблюдателя, справа один. На шкатулке сер. XIX в. на боковой стенке также изображены борцы в схватке, где борец справа в атаке, схватил левого за шею, а по краям стоят два зрителя, курящие трубки. В композиции «Ысыах» XIX в. неизвестного мастера, хранящийся в Азиатском фонде Британского музея изображены сцена борьбы и прыжков «кылыы». В композиции «Ысыах» Н.Д. Амыдаев изобразил борьбу, прыжки и перетягивание палки. Т.В. Аммосов на чороне из мамонтовой кости изобразил спортивные скачки.

Проведенный обзор позволил рассмотреть особенности косторезного промысла в Якутии. Рассмотрены основные сцены Ысыаха, изображенные мастерами в композициях из мамонтовой кости. На основе рассмотренных произведений и научной литературы установлено, что в косторезном промысле якутов тема Ысыаха сопровождается изображением ключевых моментов праздника: обряды приготовления, очищения местности и кумысопития, обрядовых танцев битии и осуохай, а также различных спортивных состязаний, например, такие, как борьба, прыжки и конные скачки. Данные сцены являются наиболее устойчивыми и неотъемлемыми элементами

косторезного промысла якутов, где переплетается материальная и духовная составляющая народа.

Примечания:

1. Алексеев Н.А. Обзор развития якутской резьбы по кости // Материалы научно творческой конференции по вопросам якутского декоративно-прикладного искусства. – Якутск, 1966. – С. 60-65.
2. Архив Якутского научного центра. Ф. 4. Оп. 1, ед.хр. 94. Л. 128.
3. Горохов С.Н. Ысыах. Якутский экспонат в коллекции Британского музея. – Якутск., 1993. – 39 с.
4. Докторов П.И. Ремесло и кустарное производство якутов. История и современность. – Якутск, 1999. – 164 с.
5. Иванов В.Х. Якутская резьба по кости. – Москва. 1979. – 112 с.
6. Иванов С.В., Сергеев М.А. Изобразительное искусство народов Сибири // Сибирские огни. – 1956. – № 4. – С. 155-158.
7. Кулаковский А.Е. Научные труды / Подг. К печати Н.В. Емельянов, П.А. Слепцов. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 483 с.
8. Маак Р.К. Вилъюйский округ Якутской области. – СПб., 1887. – Ч.3. – 192 с.
9. Митлянская Т.Б. Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока. – Москва: Просвещение, 1983. – 256 с.
10. Пекарский Э. Словарь якутского языка. – М.: АН СССР. Т. 1. Вып. 1-4., 1958. – 1279 ст.
11. Радионов Г.Н. Истоки формирования косторезного искусства и ремесла якутов // Наука и образование. – 2008. – № 4. – С. 124-126;
12. Родионов Г.Н. Косторезное искусство Арктики // Вестник Якутского государственного университета. – 2007. – Т. 4. – № 3. – С. 110-112.
13. Романова, Е.Н., Игнатъева В.Б. Якутский национальный праздник Ысыах в ситуации перехода: исторический миф, этнокультурный образ и современный праздничный нарратив // Этнографическое обозрение. – 2011. – №4. – С. 29-40
14. Серошевский В.Л. Якуты (опыт этнографического исследования). – Москва, 1993. – 736 с.
15. Сивцев И.С. Праздник Ысыах в традиционной культуре народа саха // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – 2010. – №4. – С. 250-254.
16. Якунина Л.И. Якутская резная кость. – Якутск: Кн. Изд-во, 1957. – 80 с.

УДК 39:738(571.56)

ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЯКУТСКОГО ГОНЧАРСТВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Гаврильев Д. З.

Аннотация. В статье представлен историографический обзор трудов, рассматривающих проблематику якутской керамики, от раннеякутской средневековой кулун-атахской культуры XIV-XVI вв. до традиционной якутской культуры конца XIX-начала XX вв., отмечены основные работы исследователей и проведен методологический разбор. Проанализированные научные труды основаны на трех исследовательских подходах: эмоционально-описательном, формально-классификационном и историко-культурном. Автор отмечает, что за многолетнюю историю изучения якутской керамики исследователями проделана большая работа по классификации и изучению морфологических особенностей керамики, выявлению ареала распространения гончарного ремесла якутов.

Ключевые слова: якутская керамика, гончарство, историография, методология, археология, этнография, средневековье.

HISTORIOGRAPHY OF THE STUDY OF YAKUT POTTERY: A METHODOLOGICAL REVIEW

Abstract. In the article presents a historiographic review of works considering the problems of Yakut ceramics from the early Yakut medieval Kulun-Atakh culture of the XIV-XVI centuries. to the traditional Yakut culture of the late 19th and early 20th centuries, notes the main works of researchers and a methodological analysis is carried out. There are analyzed scientific works are based on three research approaches: emotional-descriptive, formal-classification and historical-cultural. The author notes that over the long history of the study of Yakut ceramics, researchers have done a lot of work on the classification and study of the morphological features of ceramics, identifying the area of distribution of the Yakut pottery craft.

Keywords: Yakut ceramics, pottery, historiography, methodology, archeology, ethnography, Middle Ages.

Керамика относится к одному из самых распространённых археологических материалов в Якутии. Изучение керамики играет важную роль в реконструкции этнокультурных процессов, происходивших в прошлом, и приведших к сложению современной этнической картины мира. Поскольку помимо массовости керамики как исторического источника, приемы лепки сосудов и нанесение орнамента обладают «этнографически доказанным постоянством» [2, с. 8].

Поэтому нужно понимать какие методологические инструменты применяются исследователями для анализа исторических источников. В статье приводятся примеры использования данных подходов в историографии посвященной изучению якутского гончарства. При изучении керамики чаще всего применяются три исследовательских подхода: эмоционально-описательный, формально-классификационный и историко-культурный [11, с. 69-75].

Развитие любой науки представляет собой объективный естественноисторический процесс. Суть его состоит в последовательной смене одних научных подходов другими, менее совершенных – более совершенными. Каждый исследовательский подход включает определенные представления ученых, во-первых, об объектах исследования, во-вторых, о задачах исследования, в-третьих, о способах интерпретации получаемой информации [12, с. 7-8].

Первым еще на заре развития археологии сформировался *эмоционально-описательный подход*, при котором основными объектами исследования были наиболее яркие внешние особенности глиняной посуды. Задачи исследования состояли в визуальной систематике керамики и интуитивном распределении ее по морфологически однородным группам. Историческая интерпретация этих групп базировалась на данных этнографии, истории, здравом смысле и индивидуальном опыте каждого конкретного исследователя. Важной позитивной чертой этого подхода было восприятие изучаемого глиняного сосуда как целостного явления человеческой культуры. С другой стороны, отсюда вытекают и его недостатки, связанные с использованием визуально-описательного подхода – субъективизм и интуитивизм полученной в результате информации, отсутствие строгой доказательности выводов, невозможность их объективной проверки [12, с. 7-8].

Примерно к середине XX столетия в связи с общим прогрессом естественных наук в археологии сформировался новый – *формально-классификационный подход* к изучению керамики. Наиболее ярко он проявился в создании так называемых кодов для

ее описания и применении математико-статистических методов анализа. Значительное развитие он получил позднее в связи с внедрением в археологию компьютерной техники. При формально-классификационном подходе основным объектом исследования стали формальные морфологические и физико-химико-технические характеристики керамики; основной задачей считалась классификация керамического материала по формальным признакам и численная оценка степени сходства выделившихся «типов» керамики между собой; интерпретация данных базировалась на выборе исследователем наиболее правдоподобного исторического объяснения выделившихся групп материала [12, с. 7-8].

Историко-культурный подход к изучению керамики был разработан А.А. Бобринским и оформился к концу 1970-х гг. Он базируется на анализе археологической керамики, данных этнографии гончарства и результатах научного эксперимента. Анализ археологической керамики в сочетании с данными научных экспериментов позволяет реконструировать навыки труда и культурные традиции древних гончаров и потребителей посуды, а этнография гончарства является фундаментом для выявления закономерностей поведения этих традиций в разных культурно-исторических ситуациях. Сочетание всех этих данных становится источником информации о тех конкретно-исторических процессах, которые шли в среде древнего населения, оставившего нам свою керамику [12, с. 7-8].

В отечественной историографии якутскому гончарному ремеслу были посвящены заметки участников научных экспедиций, проходивших в Якутии в XVIII в., сведения о гончарстве приводятся в этнографических научных трудах Р.К. Маака, Серошевского, в ряде отдельных статей в сборниках В.И. Подгорбунского, Н.Ф. Прытковой, а также в общих археолого-этнографических работах И.В. Константинова и А.И. Гоголева. Обзор идёт по хронологическому порядку.

Исследования якутской керамики, проводимые в рамках эмоционально-описательного подхода, начинаются ещё в XVIII в., когда на территории Якутии прошли ряд научных экспедиций в ходе которых были собраны этнографические данные о местных народах, в том числе заметки о гончарстве [8, с. 136].

В дореволюционный период активную роль в изучении Якутии играли политические ссыльные и местные краеведы. В этнографических трудах ссыльных народовольцев, отбывавших наказание в Якутской области в конце XIX в., есть подробные данные о якутской керамике. Ссыльный натуралист Р.К. Маак в работе «Виллюйский округ Якутской области» 1887 г. в главе о жилище и быте местного населения, приводит сведения о гончарстве виллюйских якутов. Автор кратко описывает метод изготовления посуды, применяемые инструменты и их якутские названия [6, с. 49]. Ссыльный поляк-этнограф В.Л. Серошевский в фундаментальном этнографическом труде «Якуты» 1896 г. даёт подробное описание техники производства глиняных горшков в Центральной Якутии. Якуты разделяют два сорта глины: обычная - буор, и горшечная глина – туой (ещё огнеупорная глина под тем же названием). Сосуды изготавливаются ручной лепкой, форма яйцевидная, удлинённая, с маленьким донышком и слегка выгнутыми краями. На основе якутских названий горшков и инструментов производства, автор обосновывает местное происхождение гончарного производства якутов [10, с. 361-366]. Другой политссыльный В.И. Иохельсон, участник Сибиряковской экспедиции 1894-1897 гг. в своих работах отмечает, что якутские горшки различаются по форме и размерам. Посуда разнится от маленьких детских горшочков до крупных сосудов вместимостью 4,5 л. [9, с. 151]

В советский период начинают появляться подробные работы о гончарстве якутов, проводятся сравнения с соседними регионами и выдвигаются концепции о происхождении якутов на основе анализа керамики. Якутский краевед Е.Д. Стрелов в

1926 г. опубликовал брошюру «К вопросу о доисторическом происхождении якутов», в ней он вступил в заочный спор с Иркутским археологом Б.Э. Петри. Петри сравнивая якутские горшки с прибайкальскими сосудами культуры «курумчинских кузнецов» раннего железа, выдвинул гипотезу о том, что якуты потомки курумчинцев. Стрелов же проведя морфологический и орнаментальный анализ керамики доказывал, что они не похожи [8, с. 137].

Иркутский археолог, этнограф В.И. Подгорбунский первым посвятил отдельный научный труд якутскому гончарному ремеслу. Его статья «Заметки о гончарстве у якутов» была опубликована в сборнике «Сибирская живая старина» Вып. 7. в 1928 г. В статье дано описание техники изготовления керамических изделий и гончарных инструментов, морфология и орнаментация сосудов, описаны суеверия и обычаи, связанные с изготовлением глиняных сосудов. Проанализировав якутскую керамику и сравнив её с керамикой со стоянок древнего железа на территории Иркутской области и Забайкалья, автор выдвинул предположение, что якуты сложились из пласта тюркских племен, живших в Прибайкалье [8, с. 127-145].

В 1930 г. вышла работа М.Ф. Воеводского «К истории гончарной техники народов СССР», где проведена классификация типов гончарной техники у народов СССР, якутское гончарство отнесено к восточно-сибирскому типу: 1) лепка сосудов из нескольких частей, со спаями, идущими в вертикальном направлении и 2) формовка сосудов путем выбивания [9, с. 149-150].

В 1940-1946 гг. была проведена Ленская историко-археологическая экспедиция под руководством А.П. Окладникова. В результате планомерных археологических работ на Средней Лене, была открыта культура «малых домов» - ранний бесскотоводческий этап кулун-атахской культуры. Керамика «малых домов» отмечена автором как похожая на позднюю якутскую керамику, но с элементами архаики из раннего железного века. Горшки культуры «малых домов» имеют признаки позднее якутских сосудов: толстостенные плоскодонные сосуды грубой ручной лепки, тисненый узор в виде фигурных вдавлений. Архаичными признаками автор указал тонкостенность ряда сосудов, наклепные валики и рассеченные бортики. Проведя аналогию по керамике А.П. Окладников нашёл сходство с курыканскими материалами Прибайкалья [7, с. 51-53].

В 1955 г. вышла статья Н.Ф. Прытковой «Глиняная посуда якутов». В статье дается подробный и иллюстрированный материал о производстве глиняных горшков, помимо тех, что представлены у В.И. Подгорбунского появляются новые виды сосудов. Также работа дополняет орнаментальную типологию, вместе с описанием и якутской терминологией [9, с. 147-164].

В 1971 г. вышла монография И.В. Константинова «Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений)». Источниками для написания труда послужили материалы дохристианских погребений XVIII в. (всего 59 погребений). В монографии автор сделал вывод, что керамика редко применялась в погребальном обряде и характерна для женских и детских погребений, всего было обнаружено 5 горшков (2 женских, 3 детских). Объяснить редкость применения горшков в погребальном инвентаре, помог анализ религиозных представлений, окружавших гончарное производство. Поскольку считалось, что дух горшка (иччи) связан с духом домашнего очага, соответственно его связь с покойником, перешедшим в категорию нечистых существ (уэр), может навлечь беду на домочадцев. Кроме того, в погребальной традиции полагалось класть в могилу личные вещи покойника, к числу которых не относилась посуда, которой пользовалась вся семья. За исключением детей, для которых кипятили молоко в маленьких горшках (боччук) [4, с. 88-93].

В 1978 г. И.В. Константинов в монографии «Ранний железный век Якутии» посвятил параграф культуре «малых домов». Он провел раскопки в том же районе где работал А.П. Окладников и дополнил типологию керамики культуры «малых домов», установил, что в ней преобладают круглодонные горшки. Орнамент имеет схожие элементы с кулун-атахской культурой, к примеру, характерная для кулун-атахской культуры композиция из трёх рядов налипных горизонтальных валиков со свисающих от нижнего валика вертикальных коротких валиков [5, с. 44-48].

Якутская керамика уходит своими корнями в кулун-атахскую культуру XIV-XVI вв., она была открыта А.И. Гоголевым в ходе археолого-этнографической экспедиции Якутского государственного университета, проходившей в Центральных районах Якутии в 1973-1985 гг. [2, с. 10]. Среди кулун-атахских сосудов преобладают сосуды баночной и бочонковидной формы. В редких случаях встречаются горшковидные и усеченно-яйцевидные сосуды. В целом керамика толстостенная – 0,4-0,7 мм, что сравнительно меньше чем у якутских сосудов XVII-XVIII вв. Автор также заключил, что глиняные сосуды кулун-атахцев находят аналогии в Прибайкалье, а также в Южной и Западной Сибири [3, с. 30]. Помимо кулун-атахской культуры А.И. Гоголев собрал большой объем керамического материала с якутских поселений XVII-XVIII вв., что позволило составить их типологическую характеристику. Формовка по-прежнему производится вручную, сосуды в основном имеют горшковидные, баночные, бочонковидные и мисковидные формы. Отличие выражается в утолщении стенок, венчики сосудов, за исключением баночных, начинают круто нависать над шейкой и туловом. Под влиянием русской культуры начинают преобладать сосуды напоминающие горшки. В итоге автору на основе описательной характеристики изделий удалось выявить основные классификационные признаки сосудов XIV-XVIII вв. [2, с. 92-93].

В 1996 г. вышла монография А.Н. Алексеева «Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья», в главе три автор подводит итоги исследований раннего средневековья, и анализирует керамику культур «малых домов» и кулун-атахской культуры. Помимо этого, автор сообщает, что обнаружил кулун-атахскую керамику в местности Хохочой на правом берегу Вилюя. Что вносит изменения в ареал распространения кулун-атахской культуры и удревняет время заселения якутами бассейна реки Вилюй [2, с. 31].

В рамках применения эмоционально-описательного подхода, которым пользовались все исследователи якутского гончарства с конца XIX в., была сформирована классификация керамики по внешним признакам (морфология и орнамент), которая является действенным инструментом научных исследований до настоящего времени. Авторы Р.К. Маак, В. Серошевский, Подгорбунский широко используют такие выражения, как яйцевидный, бочонковидный горшок – при описании формы; арочный, ямчатый, ногтевой орнамент – при описании орнамента сосудов; грубая или тонкая посуда, обжиг слабый, средний или сильный, глина липкая и жирная, примеси растительные, в виде остатков травы или шамота – при характеристике особенностей гончарной технологии.

Формально-классификационный подход больше представлен в трудах авторов, работавших с большим количеством археологических материалов (А.П. Окладников, А.Н. Алексеев, А.И. Гоголев, И.В. Константинов). В результате их исследований было открыто большинство известных на сегодня памятников, большая часть полученных материалов опубликована. Увеличение сведений о позднем средневековье Якутии XIII-XVI вв. и нового времени XVII-XVIII вв. и обширные керамические материалы памятников обусловили процесс систематизации источников.

Историко-культурный подход в изучении керамики применялся с самого начала, поскольку многие исследования базировались на этнографических аналогиях, уже в середине XVIII – конце XIX вв. ученые-участники экспедиций и политссылные на основе визуальной систематики морфологии керамики и орнамента, сравнивали её с материалами других регионов, выстраивали этнографические концепции о происхождении якутов.

Сочетание всех этих подходов позволило составить наглядную картину керамического комплекса якутов. Вместе с тем, надо отметить, что изучение морфологических и орнаментальных признаков керамики доминировало над выявлением технологических особенностей ее изготовления. Технология изучалась гораздо меньше и, главным образом, визуальным способом.

Анализ литературы выявил большое количество исследований, посвященных проблемам истории материальной культуры археологических памятников Якутии. За многолетнюю историю изучения якутской керамики исследователями проделана большая работа по классификации, изучению морфологических особенностей, выявлению закономерностей и распространения гончарного ремесла якутов.

В качестве вывода можно отметить, что за последнее столетие произошли существенные изменения методологических подходов в изучении якутской керамики. Междисциплинарный подход в изучении археологических материалов может оказать влияние на итоги дискуссий по проблемам происхождения, развития и места керамики в материальной культуре якутов.

Примечания:

1. Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. – Новосибирск: Издательство ИАЭ СО РАН, 1996. – 96 с.
2. Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV-XVIII). – Иркутск: Издательство Иркутского Университета, 1990. – 192 с.
3. Гоголев А.И. Якуты. – Якутск: Издательство ЯГУ, 1993. – 200 с.
4. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века (по материалам погребений). – Якутск: Якутское книжное издательство, 1971. – 212 с.
5. Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. – Новосибирск: Издательство Наука, 1978. – 107 с.
6. Маак Р. Виллюйский округ Якутской области. – Ч.III. СП (б): Типография и Хромофотография, 1887. – 188 с.
7. Окладников А.П. Ленские древности. В.1. – Якутск: Якутская государственная типография, 1945. – 99 с.
8. Подгорбунский В.И. Заметки о гончарстве у якутов // Сибирская живая старина. Вып. VII. – Иркутск: Тип. Изд. «Власть Труда», 1928. – С. 127-145.
9. Прыткова Н.Ф. Глиняная посуда якутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Т. XVI. М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 147-164.
10. Серошевский В. Якуты. Опыт этнографического исследования. – М.: Изд. 2. – 736 с.
11. Цетлин Ю.Б. Современное состояние и некоторые задачи изучения древней керамики // Российская археология. – 2005. – №3. – С. 69-75.
12. Цетлин Ю.Б. Керамика. Понятия и термины историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2017. – 346 с.

УДК 398.332(=512.211)

КАЛЕНДАРЬ ЭВЕНОВ ЯКУТИИ: ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И ОБРЯДЫ

Варавина Г. Н., к.и.н.

Аннотация. В статье на основе этнографических источников и современных полевых наблюдений реконструируется традиционный календарь эвенов, в котором ярко отразилась экологическая культура, своеобразный «поведенческий кодекс» с мировоззренческим комплексом почитания природы. Традиционный календарь эвенов отражал природный, хозяйственный и обрядовый циклы. Научный интерес представляет тунгусский календарь по частям тела человека. Эвены со своеобразной системой время обозначения по частям тела человека стояли несколько изолированно от других народов Сибири. Одни исследователи вышеуказанный тип календаря считали древнейшим тунгусским календарем, другие придерживались мнения, что данный календарь мог сложиться под влиянием русского народного счета времен года и месяцев по суставам рук.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, эвены, традиционное мировоззрение, календарь, система «Человек – Природа», экологические традиции, «природный кодекс», календарная культура.

CALENDAR OF THE EVENS OF YAKUTIA: ETHNO-ECOLOGICAL TRADITIONS AND RITUALS

Abstract. Based on ethnographic sources and modern field observations, the article reconstructs the traditional Even calendar. In the traditional Even calendar, ecological culture was clearly reflected, a kind of “behavioral code” with a world outlook complex for reverence for Nature. The calendar complex, environmental traditions and the associated symbolic program, being living mechanisms, are passed down from generation to generation as part of the cultural heritage. Calendar traditions represent centuries-old knowledge of the relationship between man and nature, as well as unique value orientations, rules, and in general the experience of ecological culture in extreme conditions of cold lands. The natural, economic and ritual cycle reflected the traditional Even calendar. Of scientific interest is the Tunguska calendar for parts of the human body. So, Evens with a peculiar time designation system for parts of the human body stood somewhat isolated from other peoples of Siberia. Some researchers considered the above type of calendar the oldest Tunguska calendar. Others believed that this calendar could have developed under the influence of the Russian national account of the seasons and months for the joints of the hands.

Keywords: indigenous peoples of the North, Evens, traditional worldview, calendar, «Man – Nature» system, ethno-ecological traditions, “natural code”, calendar culture.

В культурном наследии коренных малочисленных народов Севера особое место принадлежит календарным традициям, в которых отражаются хозяйственные и культурные практики, сакральные стратегии и ценностные установки, ментальная картина мира и экологический опыт предков.

Календарь может служить основой типологизации культур, так как в нем выражено передающееся из поколения в поколение и зафиксированное в устной памяти представление о реальном, осмысленном времени. Календарь является определенным видом трансляции знаний об устройстве мира, человеческой жизни. Он передавал идею ежегодной повторяемости сезонов с их климатической и хозяйственной спецификой. В представлении наших предков календарь тождествен порядку – кос-

мосу. Закрепленные в нем ритуальные действия не позволяют хаосу разрушить устоявшийся порядок их жизни. Разнообразные знания, связанные с народным календарем, сакрализовались в памяти народа, регулировали и упорядочивали их образ жизни в разные времена года [10, с. 97].

Календарная обрядность, по мнению исследователей, составляет ядро всей традиционной культуры, позволяет глубже понимать разносторонние грани народного мировосприятия. Органическая взаимосвязь основных комплексов народного календаря с другими элементами традиционной культуры позволяет исследователям считать календарную обрядность «энциклопедией народного знания о мире»; «она вмещает целый ряд комплексов, в которых отражены хозяйственная, бытовая, фольклорная, мифопоэтическая и этнолингвистическая традиции народа» [18, с. 3].

Работы исследователей последних лет представляют архаический праздник явлением, ярко выражающим сакральные ценности данного коллектива. Праздник – это и воспоминание о деяниях мифического времени, ритуальное повторение этих деяний, благодаря чему участники праздничных ритуалов как бы переносятся в мифическую эпоху, живут и действуют в ней: время праздника в отличие от профанного не просто другое, но качественно иное. Течение времени в мифе и в человеческой повседневности разное («что у людей век, то у бога один день»): священное событие, состоящее из ряда последовательных актов, в ритуале может воспроизводиться несколько дней, а то и недель [5, с. 107].

Свидетельством тому могут служить ряд праздников и обрядов коренных народов Якутии, связанных с весенне-летним обновлением природы. Этот период воспринимался как самое благодатное время, когда «открывался» «вход» мира божеств и духов-покровителей. В это время божества спускались в мир людей и могли даровать различные блага. Поэтому в этот период для благосклонности божеств и духов-покровителей проводились праздники, обряды, ритуалы и жертвоприношения, чтобы успеть «схватить», «задержать» их священный дар. «Время праздника – определенный параметр мифического времени представляется как начало жизни». Как справедливо указывает В.Г. Власов, «праздничный период – это соединение мифа и реальности, отдаленного прошлого (времени творения) и настоящего, всех умерших и ныне живущих, всемогущих и самых обыкновенных. Праздник – это время, когда божество живет среди людей» [5, с. 138]. Календарные обряды и праздники направлены на обеспечение благополучной жизни людей, на их мирное сосуществование с божествами и духами-покровителями. Поэтому календарные обряды и праздники – это общественное явление, в котором должны участвовать все члены родовой и территориальной общины. Необходимо отметить, что в конце XIX – начале XX в. в обрядах, праздниках годового цикла эвенов были смешаны два элемента – народная календарная обрядность (сохранившаяся со времен их языческой культуры) и христианская традиция (пришедшая с крещением народов Якутии).

Интерес к традиционному календарю эвенов впервые проявился в первой половине XVIII в. Названия месяцев по частям тела человека у ламутов были зафиксированы Я.И. Линденау в первой половине XVIII в. Он отмечал, что «деления месяца на дни и дней на часы, как и вычисления фаз луны, они не знают, но говорят, что когда луна новая, то показывается на третий день» [8, с. 54]. Счет по частям тела человека также был отмечен у охотской группы эвенов (ламутов) во второй половине XVIII в. экспедицией А.Ф. Миддендорфа. Позже счет по частям тела человека был описан у анадырских эвенов В.Г. Богоразом. Следует отметить, что в целом в дореволюционное время традиционный календарь, праздники и обряды годового цикла эвенов почти не изучались.

В советское время исследование традиционного календаря, особенно календарных праздников и обрядов эвенов, также не активизировалось. Исключением является статья Т.И. Петровой, посвященная времяисчислению у тунгусо-маньчжурских народностей. Она отмечала, что каких-либо специфических черт календарно-номенклатурной системы, присущих исключительно тунгусо-маньчжурам, независимых от условий их быта, обнаружить не удалось. Однако, по ее мнению, «исключением является календарная система ламутов по частям тела человека, происхождение и принцип построения которой до сих пор неизвестно, можно лишь предположить, что она является пережитком древней общетунгусской календарной номенклатурной системы» [12, с. 119]. Т.И. Петрова высказывала предположение о том, что этот календарь может быть связан с положением определенных созвездий (например, Большой Медведицы) и звезд по аналогии с древнеегипетским счетом времени. Фрагментарные сведения по традиционному календарю эвенов содержатся в работе Е.П. Орловой [1966], коллективной статье Ю.Б. Симченко, А.В. Смоляк, З.П. Соколовой [1993], которые отмечали, что эвенский календарь отличается от календарей многих сибирских народов. Материалы по традиционному календарю и годовому циклу эвенов Магаданской области в этот период представлены в работе У.Г. Поповой [1981].

Исследования традиционных календарных праздников и обрядов вызывают в последние годы все больший интерес. Однако до сих пор по этой теме нет систематических и аналитических работ. Сведения по традиционному календарю, календарной обрядности эвенов представлены в работах А.А. Алексева, в которых он представляет материал по эвенам Северо-Западного Верхоянья. Автор считает, что календарь по частям тела человека является одной из самобытных и, возможно, очень древних форм народного календаря [1, с. 146]. Отдельные сведения по календарю эвенов содержатся в работе Е.В. Едукина, в которой автор приводит житейский, промысловый календарь жителей Нижнеиндигирской тундры, а также в работах А.А. Бурыкина, В.А. Роббека [2011], Е.К. Алексеевой [2011] и др. Итак, к настоящему времени в научной литературе не имеется специальных трудов, посвященных данной теме. Историографический обзор свидетельствует о неразработанности многих аспектов проблемы. Не в полной мере раскрыта специфика традиционного календаря, нет обобщающей комплексной характеристики календарных праздников и обрядов эвенов.

Базой для возникновения и развития народного календаря эвенов, безусловно, послужили исторические особенности их жизни, географические условия проживания, а главное – хозяйственная деятельность и фенологические наблюдения. Кочевые эвены связывали свой календарь с основной хозяйственной деятельностью – оленеводством, охотой и рыболовством. Календарь играл в жизни кочевников большую роль, так как он не только регламентировал время, но и организовывал хозяйственную и бытовую практику, а также обрядовый цикл. С помощью календаря эвены ориентировались в сроках хозяйственных работ, связанных с оленеводством, рыболовством и охотой [2, с. 23].

Общие сведения о традиционном календаре эвенов. Как указывает Т.И. Петрова, все тунгусо-маньчжурские народности имели представление о годе и соответствующее слово для выражения этого понятия. Так, году эвенков – *annani*, у нанай (гольдов) – *ajnapa*, у маньчжуров – *apa* [12, с. 70]. Эвены также имели представление о годе, обозначали его словом *анган*. Год подразделялся на сезоны, которых насчитывалось от 4 до 7, а также на меньшие периоды числом от 12 до 14. Так как эти меньшие интервалы внутри года имеют некоторую связь с луной, хотя по длине они не равны лунному месяцу, то носят название – «месяцы» [12, с. 70]. Главными временными ориентирами у эвенов были фазы движения луны и солнца. В эвенском языке сохранились

следы древнего лунного времяисчисления. Так, название месяца как временного промежутка и как обозначение луны идентично. Единицей времени в прошлом был день *инэнг*. Понятия «сутки», объединяющего день и ночь, не было – они считались отдельно; отсутствовали также понятия «недели», «декады» и т.п. Днем ориентировались по движению солнца: рассвет, утро – *нюлтэнхинни* («солнце взошло»), полдень *калтагинен* («солнце в зените»), вечер *нюлтэнтыхэнмэин* («солнце садится») [7, с. 126].

У эвенов есть понятие 29–30-дневного лунного месяца – *илаан*. В работе А.А. Алексеева приводятся названия лунно-естественного календаря, записанного им в 1989–1991 гг. в оленеводческих стадах со слов старшего поколения ламунхинских эвенов. Счет времени велся по сезонам, по изменениям в природе: смена времени года (*аннани*), смена дня (*инэни*) и ночи (*долбуни*). Сутки лунного месяца – *илаан* состояли из дня (*инэни*) и ночи (*долбуни*). День разделялся на четыре периода: утро (*бадьикор*), день (*инэни*), вечер (*хиэһэчон*), ночь (*долбуни*). Утро включало в себя такие понятия, как начало рассвета (*гяванран*), наступление зари (*гяван*), восход солнца (*ньольтингарпутни*). День делили на полуденное (полдень) и послеполуденное (*бадьикоропинэнигаадон*), полдень (*инэнидулоконни*), послеполуденное (*һеһэчэрэвинонигаадан*). Вечер связывали с началом захода солнца – *ньольтингоборин* и сумерками – *һааторолоддон*, темно – *һаатара*, полночь – *долбунидулоконни*. По хозяйственному циклу сутки разделялись: дневной присмотр оленьего стада – *косчээк*, ночной присмотр – *явчаак*. Число эвенских хозяйственных циклов совпадало с числом лунных месяцев в году [1, с. 147–148].

Деление времени внутри года к концу XIX в. имело два варианта, отражавших совершенно различные принципы времяисчисления: счет времени по частям тела человека и по природно-хозяйственному принципу. Характерные особенности этой системы состоят в том, что год начинался в июне и делился на 12 месяцев *аткекан*. Названия месяцев были производны от названия частей человеческого тела: июль – *дюганихэ* («макушка лета»), август – *ойчиричордакич* («подымающиеся суставы пальцев»), декабрь – *ойчиримиир* («подымающееся плечо») и т.д. Порядок счета носил восходяще-нисходящий характер, вызывая образ солнечного часового круга. Как отмечают исследователи, эта весьма своеобразная система ставила эвенов в изолированное положение среди других народов Северо-Востока [7, с. 126–127].

Названия месяцев по частям тела человека у ламутов были зафиксированы Я.И. Линденау в первой половине XVIII в. По его данным, у ламутов началом года считался май месяц – *Bilan*, когда вскрываются реки от льда и рыба поднимается из моря в реки. За *Bilan*’ом следуют: *Etschan*, *Mir*, *Oya*, *Udop*, *Otki*. С *Udop*’ом у них начинается осень. По материалам Я.И. Линденау, месяцы ламуты считали следующим образом: первый сустав на правой руке называется *Bilan*, локоть – *Etschan*, плечо – *Mir*, макушка головы – *Oya*, а последний сустав на руке *Udop*. На левой руке первый сустав – *Udop*, локоть – *Otki*, плечо – *Mir*, последний сустав – *Bilan*. Также он отмечал, что деления месяца на дни и дней на часы, как и вычисления фаз луны, они не знают, но говорят, что «когда луна новая, то показывается на третий день» [8, с. 54].

Счет по частям тела также был отмечен у охотской группы эвенов (ламутов) во второй половине XVIII в. экспедицией А.Ф. Миддендорфа:

I. *me miro* (плечо);

II. *meican* (локоть);

III. *bilan* (запястье, сустав кисти);

IV. *bukru* (задний);

V. *orokto* (трава);

VI. *gorbiagan* (по созвучию сходно выражение «*gerbiekun?*» – какое название). Мож-

но предположить, что тунгусы при расспросах Миддендорфа переговаривались между собой, как называется (*gerbiekun*) июнь, и это выражение попало в название месяца;

VII. *oldromorij*;

VIII. *irkij*;

IX. *bilan* – сустав кисти (сочленение кисти с предплечьем);

X. *ican* – локоть;

XI. *miro* – плечо;

XII. *sonnaja* – головной сустав (сочленение головы с шейным позвонком) [12, с. 86].

Позже счет по частям тела человека был описан у анадырских эвенов В.Г. Богоразом. Так, по его материалам, у эвенов (ламутов) счет ведется по суставам рук, слева направо, начиная от середины суставов – места соприкосновения сложенных суставов пальцев рук (июнь – июль) и восходит к голове, потом по правой руке к середине суставов:

1. *haya* – середина суставов;

2. *cordakic* – суставы пальцев (левой руки);

3. *unmu* – тыльная поверхность (левой руки);

4. *bilan* – запястье (левой руки);

5. *yecan* – локоть (левой руки);

6. *mir* – плечо (левой руки);

7. *haya* – темя;

8. *mir* – плечо (правой руки);

9. *yecan* – локоть (правой руки);

10. *bilan* – запястье (правой руки);

11. *unmu* – тыльная поверхность (правой руки);

12. *cordakic* – суставы пальцев (правой руки) [12, с. 83].

Исчисление времени года по частям тела человека изучил А.А. Алексеев, который считает, что этот календарь является одной из самобытных и, возможно, очень древних форм народного календаря. По его материалам, эвены год делили на 13 лунных месяцев и считали их «по голове и рукам»: начало года – макушка головы, следующий месяц – левое плечо (год «спускается»), последний месяц – правое плечо (год «поднялся») [1, с. 146].

Эвенские названия месяцев по частям тела человека, а также по фенологическим наблюдениям:

хэйэйилаанни – темя головы – январь;

овримиир – опускающееся плечо – февраль;

оврииэчээн – опускающийся локоть – март;

оврибилээн – опускающееся запястье – апрель;

овриунмо – опускающаяся кисть руки – май;

дилгосилаанни – месяц новой зелени (месяц отхода коры деревьев) – июнь;

ораатилаанни (ночэ) – месяц травы – июль;

качумкиниилаанни – месяц увядания зелени – август;

ойчириунмо – поднимающаяся кисть руки – сентябрь;

ойчирибиилээн – поднимающееся запястье – октябрь;

ойчирииэчээн – поднимающийся локоть – ноябрь;

ойчиримиир – поднимающееся плечо – декабрь [1, с. 148].

Старинное исчисление времени года по частям тела человека, со слов старейшины П.А.Тарабукина, записал В.А. Роббек. Он отмечает, что год представлялся у эвенов состоящим из двух половин:

1) от кончиков пальцев соединенных рук по направлению вверх по правой руке до макушки головы – первая половина;

2) от макушки головы по направлению вниз по левой руке до кончиков пальцев соединенных рук – вторая половина, т.е. круговорот по солнцу [16, с. 623].

I половина: 1. *Дюганихээн* – макушка лета; соединенные пальцы обеих рук Новый год (июль);

2. *Ойчиричордакич* – поднимающийся кулак (суставы пальцев правой руки); июль, август.

3. *Ойчирцуунма* – поднимающаяся поверхность тыльной стороны руки; сентябрь.

4. *Ойчирбилэн* – поднимающееся запястье; октябрь;

5. *Ойчириечэн* – поднимающийся локоть правой руки; ноябрь;

6. *Ойчиримир* – поднимающееся правое плечо; декабрь.

II половина. 1. *Тугэнихээн* – макушка головы – макушка зимы; январь.

2. *Эвримир* – спускающееся (левое) плечо; февраль.

3. *Эвриечэн* – спускающийся (левый) локоть; март.

4. *Эврибилэн* – спускающееся вниз (левое) запястье; апрель.

5. *Эвриунмы* – спускающаяся вниз тыльная поверхность руки; май.

6. *Эвричордакич* – спускающийся вниз кулак (левой) руки (суставы пальцев); июнь [16, с. 624–625].

Т.И. Петрова, изучавшая времяисчисление у тунгусо-маньчжурских народов, отмечала, что календарь ламутов, месяцы которого носят названия частей тела человека, занимает особенное место среди тунгусского время обозначения, и выделила данную систему отдельно. Так, она выделяет у тунгусо-маньчжурских народов три календарные системы: 1) это наиболее широко географически распространенная – употребление лунно-естественного года; 2) полное или частичное употребление китайского времяисчисления (тунгусские народности южной ветви – маньчжуры, нанай, ольчи, ороки, самагиры, удэ); 3) ламутская система – обозначение времени по частям тела человека [12, с. 120]. По ее данным, у других народов, не имеющих отношения к тунгусам, найдена лишь одна система, в которой упоминаются части тела – это цикл *windu* в той форме, в какой он употребляется у племени *чампа* (Северный Сиам). Но там цикл из восьми частей тела прилагается только к счету лет и значение и происхождение его также неясны [12, с. 116–117].

Как отмечает Т.И. Петрова, понимание ламутского обозначения месяцев особенно затрудняется тем обстоятельством, что ни один исследователь не опубликовал значения названий месяцев ламутов в пояснении их самих. Она указывает, что есть некоторые основания считать эту систему или отдельные элементы ее старой – общетунгусской. По крайней мере, у ряда тунгусских родов можно встретиться с отдельными именами месяцев, тождественными с ламутскими. Значение этих имен связывается у некоторых со звездным небом (у негидальцев и др.), что позволяет предполагать связь этой системы с какими-то астрономическими явлениями. По мнению Т.И. Петровой, если даже подобные предположения верны, все же остается много вопросов, на которые пока нельзя дать ответа, и главные из них – это где и как зародилась такая система и почему в таком стройном виде она сохранилась только у ламутов. Она подтверждает, что пока нет фактического материала: «появление ламутской системы и отношение ее к календарям других народов остается совершенно неясным» [12, с. 117].

В коллективной статье Ю.Б. Симченко, А.В. Смоляк, З.П. Соколовой [1993] отмечено аналогичное мнение, что эвенский календарь отличается от календарей многих сибирских народов. Также они считают, что календарь эвенов (в том числе коряков) по сравнению с другими народами Сибири и Севера слабо изучен.

Некоторые исследователи (Т.И. Петрова, В.А. Туголуков, А.А. Алексеев) вышеуказанный тип календаря эвенков, в котором месяцы называются по частям тела человека, считают древнейшим тунгусским календарем.

Так, высказывалось предположение о том, что этот календарь связан с положением определенных созвездий (например, Большой Медведицы) и звезд по аналогии с древнеегипетским счетом времени. Как отмечает Т.И. Петрова, действительно, некоторые факты говорят, что обозначения месяцев у ламутов связаны с астрономическими явлениями. Особенно характерен восходящий и нисходящий порядок наименований. Если основываться только на том, что *houa* ('макушка') приходится, приблизительно, на зимний и летний поворот солнца, то можно было бы приписать название месяцев соответствующему для каждого из них положению солнца. По ее мнению, от такого предположения следует отказаться по следующим причинам: 1) сходное с ламутским названием месяца *mire* (*miyo, nyure*) негидальцы и самагиры ставили в связь с определенным положением Большой Медведицы; 2) те тунгусские племена, которые время некоторых своих месяцев определяли по астрономическим явлениям, основывались на определенном положении не солнца, а созвездия, например, самагиры – по созвездию Большой Медведицы (месяцы самагиров: *nujre, gusi, gerau*), гольды – по звезде из созвездия «голова медведя» – *zariosiktani*. Отсюда, как пишет Т.И. Петрова, можно предположить, что названия месяцев у ламутов связаны с какой-либо звездой или группой звезд [12, с. 98].

Однако, как она справедливо отметила, для подтверждения данной гипотезы отсутствуют материалы об астрономических знаниях эвенков и эвенков. В связи с этим интересно отметить работу А.И. Мазина и А.В. Пенькова, которые изучили эвенкийский шаманский костюм. Они высказали мнение о том, что все мельчайшие детали шаманских атрибутов не случайны, а «обладают определенной символикой, раскрывающей шаманские представления об окружающем мире и Вселенной», и дали анализ деталей шаманских атрибутов под специфическим углом зрения – в этноастрономическом плане. Первым толчком для предпринятого анализа послужило знаменательное совпадение числа лент круговой бахромы, подшитой по груди через плечи и спину кафтана (177 лент, каждая из которых обозначает шаманскую дорогу к *Энеганбуга*, а все пространство, опоясанное бахромой, является входом в Верхний мир или владения *Энеганбуга*), и точного числа суток в шести лунных месяцах. Последний (или синодический лунный цикл) имеет среднюю продолжительность – 29, 53 сут. В связи с дробностью этой величины соответствующими календарными единицами могли быть чередующиеся значения: 29 и 30 сут. Группы из двух, четырех, шести синодических лунных циклов имеют продолжительность 59, 118, 177 сут. По мнению А.И. Мазина и А.В. Пенькова, подлинные шаманские атрибуты эвенков-орочонов буквально пронизаны числовой информацией об астрономических циклах [9, с. 201].

Тот факт, что у приаянских эвенков (по материалам Э.К. Пекарского) только 50% названий месяцев связаны с определенными частями тела, а остальные наименования указывают на соответствующие данному месяцу природные явления (как-то: *гуоляха* – 'линька птиц', *орро* – 'приход рыбы' и т.д.), позволяет предполагать у ламутов, параллельно с месяцами по частям тела, существование месяцев, называемых по сезонно-хозяйственным явлениям [12, с. 98].

Итак, некоторые исследователи вышеуказанный тип календаря эвенков, в котором месяцы называются по частям тела человека, считают древнейшим тунгусским календарем. Однако У.Г. Попова исчисление времени «по частям тела» у эвенков считала сложившимся под влиянием русского народного счета времен года и месяцев по суставам рук. По ее мнению, его восприятию немало способствовало появление

православного календаря – «пасхалия» или «святцев», распространявшегося миссионерами и русскими «промышленниками», выходцами с Европейского Севера и из Сибири, с XVII в. [15, с. 62].

Такого же мнения придерживаются авторы коллективной статьи Ю.Б. Симченко, А.В. Смоляк и З.П. Соколова. Они считают, что термины эвенского календаря имеют различный характер, однако названия эвенами месяцев по частям тела человека не представляются очень древними. По их мнению, это также связано со своеобразным «изобретением» русской администрации в XVIII в. Ей нужно было собирать эвенов регулярно на ярмарки, где шла торговля пушниной и собирался ясак. Чтобы неграмотным эвенам можно было определить время сбора, и был «изобретен» наглядный календарь – по частям тела человека. В течение длительного времени четкость определения каждого названия нарушилась, однако все сохранившиеся термины (месяцы «плеча», «запястья», «локтя», «макушки») падали на весенне-зимние месяцы, когда обычно проходили ярмарки [17, с. 220].

Сезонный календарь. Далее мы рассмотрим счет времени по природно-хозяйственному принципу. Он начинался в последней декаде августа – сентябре. Год подразделялся на шесть сезонов, характерных для естественно-климатических условий региона. Кроме основных сезонов, выделялись еще два – предвесенье и предзимье; затянутые переходы от осени к зиме и от зимы к весне: *дюгани* – лето, *монтэлсэ* – первая половина осени, *болони* – вторая половина, *тугэни* – зима, *нэлкэни* – первая половина весны, *нэгнэни* – вторая. У охотских эвенов, помимо этих шести сезонов, хозяйственный год делился еще на восемь подсезонов, связанных с особенностями хозяйства – оленеводством, охотой и рыболовством [7, с. 127].

Названия сезонов и подсезонов в этой системе времяисчисления производны от основных хозяйственных занятий эвенов и от местных климатических условий. Так, например, начало первого сезона *монтэлсэ* было связано с массовым появлением грибов и исчезновением таежного гнуса. Это был сигнал к отпуску оленей на свободный выпас. Этот период делился на две части – *монтэлсэж* («осеневка», «раннеосенняя длительная стоянка стойбищ») и *энтивчек* («время спаривания оленей»). Вторым сезоном назывался *болони*, что означало «предзимье» или «поздняя осень»; он охватывал время со второй половины октября до конца ноября – период замерзания земли и начала перекочевки на зимние пастбища и т.д. [Там же].

Итак, у эвенов, помимо сезонного деления, существовали хозяйственные циклы, состоящие в основном из 10 периодов. В зависимости от особенностей ведения оленеводства они совершали за год 10 больших по расстоянию перекочевки, не считая еженедельных передвижений вслед за пасущимися оленями с краткими перерывами на два-три дня.

Хозяйственный годовой цикл оленеводов начинается с конца лета. В соответствии с этим хозяйственный календарь эвенов Якутии таков:

I. *монтэлсэ* – ранняя осень, исключительно важный для оленеводства период, когда начинается вольный нагул оленей в связи с появлением грибов и исчезновением таежного массового гнуса. В оленеводстве он являлся решающим – это период гона (спаривания), и от него зависело дальнейшее увеличение поголовья оленей. Период *монтэлсэ* разделяется на два периода:

1. *монтэлсэж* – раннеосенняя длительная стоянка стойбищ;
2. *энтивчек* – время спаривания (гона) оленей [16, с. 627].

II. *Болони* – поздняя осень. Начинается со второй половины октября и продолжается до конца ноября. Это сезон замерзания земли, который открывал перекочевки на зимние пастбища:

1) *боласак* – позднеосенняя стоянка стойбищ с целью дать отдохнуть оленям после гона перед переходом на зимние ягельные пастбища;

2) конец этого периода некоторые группы эвенов называют *уркачак* – «самопожертвование» медведя, т.е. охота на медведя, залегшего в берлогу. Этим открывается очередной сезон промысла.

III. Зимний сезон *тугэни* (декабрь – первая декада февраля) разделялся на следующие хозяйственные периоды:

1) *тугэсэк* – зимняя стоянка пастбищ, зимовка;

2) *онкадяк* – пастьба оленей на ягеле, переход их на кормление исключительно ягелем.

После зимы наступает весна, которая у эвенов делится на два периода.

IV. *Нэлкэни* – ранняя весна, предвесенье (февраль – март), когда завершается охота на пушного зверя и начинается очередное передвижение оленьего стада на весенние пастбища в безветренных долинах, богатых кормами, где должны отелиться самки оленей.

V. *Нэгнэни* (апрель – май) – поздняя весна, самая страдная пора в оленеводстве, так как в этот период происходит отел важенок. В это время все силы кочевников-олeneводоов переключаются на уход за новорожденными оленятами. Этот важный сезон разделяется на два периода:

1) *тугудек* – отел важенок;

2) *нэгнисэк* – наиболее длительная поздневесенняя стоянка стойбищ. Это переход на летние пастбища на горах. Перекочевка сопровождается охотой в таежных горах на глухарей, а около водоемов – на водоплавающих перелетных птиц. В этот период охотились также на диких оленей для заготовки сушеного мяса про запас на лето.

VI. Завершающий годовой цикл период называется *дюгадяк* «летовка», это время летней длительной стоянки вблизи летних пастбищ, время появления комаров и других насекомых. Это особая пора и в пастьбе оленей, когда практикуется ночное пастушество с дымокурами, имеющее даже свой особый термин – *явчидяк* «ночная пастьба». Время рыболовства, приходящееся на конец лета, называется *олрамачак* [16, с. 627–628]. После завершения отела оленей начинается время встречи экзогамных родов в условленном месте. В этот период устраиваются всевозможные игры, соревнования, танцы и встречи юношей и девушек из разных родов [16, с. 629].

Точный счет дней эвены начали вести с распространением в их среде христианства. У них стали входить в употребление календари в виде небольших деревянных дощечек прямоугольной формы. Охотские эвены называли их *чивбетт* или *чивясс*, анадырские – *цивэша*. Эти названия есть эвенская транскрипция русских слов «свечки», «свеча». Первые такие календари попали к эвенкам от их соседей эвенков, а к последним – от христианских миссионеров. Год в них начинался с 1 сентября и длился, как правило, 365 дней. Месяцы и число дней отмечались в виде отверстий-дырочек поперек доски по горизонтали, счет начинался сверху, с левого угла и шел направо, в строку. Иногда месяцы группировались в сезоны, которые отграничивались горизонтальной чертой или более мелкими точками-отверстиями. Дополнительные знаки (например, в виде звездочек) обозначали отдельные христианские праздники. В отверстия вставляли палочку, постепенно ее сдвигая. Одиннадцать месяцев длились по 30 дней, а февраль – 28. Месяцы назывались чаще всего по частям тела, а иногда – именами святых при довольно странном сочетании слов. Например, сентябрь – Семенов-числа, октябрь – Покров-числа и т.д., что по-своему доказывало факт весьма поверхностного восприятия эвенками христианского вероучения [7, с. 127]. Кроме того, у эвенов были и недельные календари, изготовленные из дерева или рога оленя с отверстиями [14]. Таким образом, традиционный календарь эвенов был

тесно связан и с природным, и с хозяйственным циклами. Большой интерес также представляет обрядовый календарь эвенов.

Обрядовый календарь. Особо знаково-символическим являлся весенне-летний комплекс обрядов календарного цикла, который был связан с культом природы, ее почитания и сакрализации. Весенне-летние календарные празднества и обычаи начинались с обрядов очищения, которые символизировали идею творения. Они проводились с начала мая до летнего солнцестояния. Для обряда очищения использовали багульник или можжевельник, которыми окуривали людей, жилище, хозяйственную утварь и домашних животных.

В число весенних обрядов у эвенов входил обряд развешивания *дэлбургэ* – подшейных волос оленя или разноцветных лоскутков материи. В это время разжигали небольшой костер и проводили ритуал кормления духа огня и духов-хозяев местности. Как известно, у эвенов жертвоприношения делались многочисленным духам-хозяевам местности. Особенно почитались духи-хозяева тех мест, где человеку приходилось пасти оленей, охотиться, ловить рыбу. В этом случае дело не ограничивалось мелкими подарками, в жертву приносились даже олени. Весенние и осенние жертвоприношения духам-хозяевам местности совершались при перекочевках: в это время забивали жертвенного оленя, кормили огонь, а также брызгали кровь на землю. Обращаясь к духам-хозяевам местности с заклинаниями-благопожеланиями просили защитить людей и домашних животных от болезней, злых духов, хищных зверей; просили обеспечить хорошую погоду без катаклизмов, здоровье, достаток, благополучие в семье и хозяйстве [14]. Интересно отметить, что в прошлом жертвенного оленя убивали до восхода солнца, подвешивали на жердях над землей головой на восток. После захода солнца мясо варили и ели. Голова, шкура и кости укладывались по особому обряду на жертвенном месте. В особых случаях жертвенного оленя не съедали, а подвешивали или укладывали на земле. В настоящее время оленя в жертву хозяину местности приносят очень редко. Жертвуют обычно шкуру соболя или другого ценного пушного зверя.

К весеннему обрядовому циклу у эвенов относятся жертвоприношения хозяйке реки. Важно отметить, что эти традиции сохраняются в настоящее время.

Важно отметить, что у эвенов со встреч родственников в мае начинался целый цикл весенне-летних обрядовых праздников. Он продолжался до окончания летнего солнцестояния. Завершал его главный календарный праздник «Хэбдьэк» или «Эви-нек» – праздник Нового солнца и Нового года [14]. У момских эвенов этот традиционный праздник называется «Рождение олененка», который проводится в середине июня, когда в стадах появляются первые оленията. Интересно отметить, что у тундренных эвенов, в частности аллаиховских, данный праздник называется «Цветение тундры» – «Туурчулбыргын – нечэбиичэ», который также проводится каждый год в июне [13]. Следует отметить, что период этого праздника считается для эвенов «открытым» временем, т.к. у них с этого времени начинается Новый год. Непременными атрибутами этого праздника являются молодые деревца и веревка-*дэлбургэ*, которые символизируют «вход» в «новый мир», как символ «начала», как начало нового времени, нового природного и годового цикла. Весенне-летние праздники эвены называли обрядами духовного «очищения», «обновления», «рождения новой жизни», «рождения вновь». В календарных обрядах и праздниках можно было участвовать только после ритуала очищения. Тот, кто не прошел этот ритуал, не имел право участвовать в празднике, в целом в любых обрядовых действиях. Главный обряд очищения проводился на традиционном празднике *Хэбдьэк*, который начинался с 21 июня. *Хэбдьэк* – праздник Нового года – занимает центральное место в традиционной культуре эвенов. На праздниках обязательным обрядом является ритуал

кормления огня, во время которого исполняются заклинания-благопожелания *хиргэчэн* [14]. Календарные заклинания-благопожелания *хиргэчэн* как сакральные тексты, где отражаются геопространственные образы – сакральные природные объекты. У эвенов они являлись местами поклонения и отправления обрядов и в ментальной картине мира выступали основными категориями «сакральной топографии» культурного ландшафта. Итак, основная цель традиционного праздника *Хэбдьэк* – «очищение», «рождение вновь»: праздник символизировал создание нового мира. Итак, в традиционном календаре эвенов был расписан весь годовой сценарий их жизнедеятельности, образ жизни, мировоззрение, традиции, обрядовый комплекс, ритуалы, которые представляли собой поклонение различным природным явлениям, духам-покровителям и верхним божествам.

Традиционные осенне-зимние календарные обряды у эвенов, как и у других народов Якутии, были не столь развиты по сравнению с весенне-летним обрядовым циклом и были в первую очередь связаны с промысловым культом.

Итак, на основе этнографических источников и современных полевых наблюдений был реконструирован традиционный календарь эвенов Якутии, в котором ярко отразилась экологическая культура, своеобразный «поведенческий кодекс» с мировоззренческим комплексом почитания природы. Традиционный календарь эвенов был тесно связан и с природным, и с хозяйственным циклами. Анализ обрядового календаря показал, что особо знаково-символическим являлся весенне-летний комплекс календарно-обрядового цикла, который был связан с культом природы. Весенне-летние календарные празднества и обычаи начинались с обрядов очищения, которые символизировали идею творения. Они проводились с начала мая до летнего солнцестояния.

Таким образом, в традиционном календаре эвенов был расписан весь годовой сценарий их жизнедеятельности, образ жизни, мировоззрение, традиции, обрядовый комплекс, ритуалы, которые представляли собой поклонение различным природным явлениям и объектам, духам-хозяевам местности и божествам. Эвены со своеобразной системой время обозначения по частям тела человека стояли несколько изолированно от других коренных народов Севера и Сибири. Одни исследователи вышеуказанный тип календаря считали древнейшим тунгусским календарем, по мнению других он мог сложиться под влиянием русского народного счета времен года и месяцев по суставам рук.

Примечания:

1. Алексеев А.А. Эвены Верхоянья: история и культура (конец XIX в. – 80-е гг. XX в.). – СПб.: Изд-во «ВВМ», 2006. – 248 с.
2. Алексеева Е.К. Традиционный календарь эвенов: отражение хозяйственных занятий // Молодой ученый. – 2011. – № 12. – С. 23–25.
3. Бурькин А.А. Традиционный календарь, счет сезонов и возраста у эвенов // Время и календарь в традиционной культуре: тез. докл. всерос. науч. конф. – СПб.: Изд-во «Лань», 1999. – С. 71–75.
4. Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
5. Власов В.Г. Формирование календаря славян. Ранний период // Календарь в культуре народов мира. Сборник статей. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – 272 с.
6. Едукин Е.В. Ойотунгцы из Аллаихи: историко-этнографические очерки. – Якутск: Изд-во «Северовед», 2001. – 108 с.
7. История и культура эвенов: Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В.А. Тураев / РАН Дальневосточное отделение. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – СПб.: Наука, 1997. – 180 с.
8. Линденау Я.И. Описание народов Сибири (I пол.XVIII в.): историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Магад. кн. изд-во, 1983. – 176 с.

9. Мазин А.И., Пеньков А.В. К этноастрономической интерпретации числовых структур эвенкийской шаманской атрибутики // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеология: сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. – С. 200–214.

10. Матвеев А.Г. Народный календарь и обряды как специфический способ видения мира // Вестник Чувашского университета. – 2008. – №1. – С. 97–103.

11. Орлова Е.П. Календари народов Севера и Дальнего Востока // Сибирский археологический сборник. – Новосибирск: Наука. Сиб.отд-ние, 1966. – С. 297–321.

12. Петрова Т.И. Времяисчисление у тунгусо-маньчжурских народностей // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936): сб. ст. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. – С. 79–121.

13. ПМА, 2010 – Полевые материалы автора, собранные в Аллаиховском районе Якутии в 2010 г.

14. ПМА, 2015 – Полевые материалы автора, собранные в Кобяйском районе Якутии в 2015 г.

15. Попова У.Г. Эвены Магаданской области: Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917–1977 гг. – М.: Наука, 1981. – 304 с.

16. Роббек В.А. Устойчивое развитие народов Севера России: фундаментальные и прикладные исследования: сб. науч. ст. – Новосибирск: Наука, 2011. – 660 с.

17. Симченко Ю.Б., Смоляк А.В., Соколова З.П. Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира: сб. ст. – М.: Наука. Издат. фирма «Восточная литература», 1993. – С. 201–253.

18. Черных А.В. Традиционная календарная обрядность русских Прикамья в конце XIX – середине XX вв. (региональный аспект праздничной культуры). Автореферат диссертации на соискание д.и.н. – Екатеринбург, 2007. – 66 с.

УДК 314(=512.211)(571.56)

ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭВЕНОВ КОБЯЙСКОГО РАЙОНА ЯКУТИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Бандерова (Слепцова) В.Я., Алексеева С.А., к.и.н.

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию историко-демографической ситуации эвенов Кобяйского района в советский период в их взаимосвязи с социально-экономическими изменениями. В работе на основе привлечения архивных материалов, данных протоколов и отчетных документов сельских сходов, статистических данных, этнографических материалов представлен общий обзор численности эвенов ламунхинского рода в исторической динамике. В работе охарактеризована историко-демографическая ситуация эвенов ламунхинского рода, рассмотрено их начальное состояние в составе Саккырыырского национального района, прослежена история создания таких наслегов в 1930-е гг. XX в. с. Себян-Кюель и с. Сеген-Кюель. В научный оборот впервые вводятся обработанные и переведенные воспоминания старожилов села, беседы-интервью с населением Ламунхинского и Кировского наслегов Кобяйского района.

Ключевые слова: ламунхинские эвены, демографическая ситуация, родовой состав, численность населения, советский период.

HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE EVENS OF THE KOPYAI REGION OF YAKUTIA IN THE SOVIET PERIOD

Abstract. This article is devoted to the study of the historical and demographic situation of the Evens of the Kobyai district in the Soviet period in their relationship with socio-economic changes. The paper presents a General overview of the number of lamunkhinsky Evens in historical dynamics based on the use of archival materials, data from protocols

and reporting documents of village gatherings, statistical data, and ethnographic materials. For the first time, some sources are introduced into scientific circulation, in particular, field research materials collected, processed and translated memories of old-timers of the village, conversations and interviews with the population of the Lamynkhinsky and Kirovsky naslegs of the Kobyai district.

Keywords: lamunxinsky Evens, the demographic situation, the ancestral composition of the population of the Soviet period.

Целью данной статьи является освещение демографических процессов в их взаимосвязи с социально-экономическими изменениями у ламунхинских эвенов, проживающих в Кобяйском районе Якутии. Историко-демографические данные об эвенах данного региона, как впрочем, и других районов, скудны и отрывочны. Однако, несмотря на это, они характеризуют общую картину жизнедеятельности ламунхинских эвенов в советский период.

Большинство исследований, посвященных периоду второй половины XX в., носит историко-политический характер, рассматриваются те изменения, которые происходили в демографическом и социальном составе населения эвенов.

В демографическом ракурсе представлены сведения в монографии Е.Н. Федоровой «Население Якутии. Прошлое и настоящее» [19]. В этой работе освещаются проблемы трудовых ресурсов, рассматривается широкий круг вопросов, связанных с динамикой численности населения Якутии, его структурой, особенностями и факторами, влияющими на его дальнейшее развитие. В названных трудах анализируются социально-экономические процессы в Якутии, содержится разнообразный фактический материал для исторических исследований по рассматриваемому периоду.

Необходимо отметить также труды В.В. Филипповой «Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX века» [20, 21, 22]. Здесь рассмотрены различные аспекты жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера Якутии, в частности эвенов.

Тема исследования охватывает период с 30-х гг. XX – до начала XXI в., как наиболее репрезентативного и отмеченного крупными скачкообразными переменами в истории всех народов многонационального российского государства, в том числе эвенского этноса. Территориальные рамки охватывают территорию Кобяйского района, в том числе с. Себян-Кюель как территории компактного проживания эвенского населения и региона, подвергавшегося многочисленным административно-территориальным изменениям, интенсивному промышленному освоению.

Научная новизна исследования состоит в том, что нами была предпринята попытка охарактеризовать демографическую ситуацию ламунхинских эвенов, так как демографические процессы отражают важнейшие стороны развития населения и представляют собой тот необходимый фон, на котором может исследоваться повседневная жизнь. В научный оборот впервые вводятся некоторые источники, в частности нами были собраны, обработаны и переведены воспоминания старожилов, беседы с населением «Ламунхинского» и «Кировского» наслегов Кобяйского района.

Источниковую базу составили в основном материалы полевых исследований, собранные за 2013-2014 гг. в ходе экспедиционных поездок в пос. Себян-Кюель Кобяйского района, где проживает компактная группа эвенов-ламунхинцев. В работе использовался метод непосредственного наблюдения, как комплекс методических приемов, направленных на установление и фиксацию бытующего этнографического явления. Реализация метода непосредственного наблюдения возможна только в условиях полевой работы. Цель полевых исследований – изучение повседневной жиз-

ни, культуры, занятости населения, организации оленеводческих бригад эвенов-ламунхинцев, в которых наиболее сохранились архаичные способы ведения оленеводческого хозяйства, традиции и обычаи.

При исследовании темы также изучалась демографическая характеристика района, так как демографические процессы отражают важнейшие стороны развития населения и представляют собой тот необходимый фон, на котором может исследоваться повседневная жизнь

Были использованы документы Национального архива Республики Саха (Якутия) протоколы и отчетные документы сельских сходов, использованы документы муниципального архива МО «Кобяйского района», в работе были использованы, как вспомогательный источник материалы сайта <http://nasledie-sela.ru/places/SAY/807/9469/>, в котором дана краткая история эвенов ламунхинского рода, и также для статистических данных использовался сайт национального состава переписи населения РС (Я): http://sakha.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/

Методологическую базу работы составляют общие принципы и подходы к историческим исследованиям. Используются следующие методы: историко-сравнительный метод, историко-генетический метод, а также метод историко-культурной реконструкции. Были использованы методы: индукции, дедукции и анализа.

Историко-сравнительный метод позволил выявить общие закономерности и особенности в социально-экономическом и этнодемографическом развитии эвенов, проживающих на данной территории. Поставленные задачи решены по проблемно-хронологическому принципу, который позволил провести исследование в конкретно-исторических условиях того или иного этапа развития исследуемой темы.

Демографические процессы и состав ламунхинских эвенов. На основе архивных документов историк Б.О. Долгих отмечает, что в 1897 г. потомки ламутских тунгусов XVII в. ламунхинского рода жили главным образом по рекам Тумара, Келе и Байлаки к северу от низовьев Алдана и к востоку от Лены, близ устья-Алдана. Наконец, в 1926 г. ламунхинские тунгусы обитали по рекам Тумара и Келе, правым притокам Алдана в его низовьях [5, с. 456, 491-541].

По свидетельству А.А. Семенова, жившего среди ламутов-эвенов в 1920 г., ламунхинский род насчитывал всего 336 человек, 77 семейств. На весь род имелась одна лошадь и ни одной коровы. Он писал, что ламунхинский род в начале 20-х г. имел 3278 голов оленей, но в результате эпизотии пало 1543 оленей и теперь из 77 семейств только 9 имеют больше 20 оленей, а 68 семей не имеют оленей. У большинства семей осталось по 5-10 оленей [18, с. 182-219].

В «Сводных данных о расселении, численности и родоплеменных названиях эвенов Якутской АССР на 1953г.» К.А. Новикова пишет: «В Ламунхинском наследии три селения: Сеген-Кюель, Себян-Кюель, Эндэбал [17, с. 102-118].

Н.Н. Степанов историк-профессор, отмечал в своем труде «Якутия в XVII веке» 1953 г. пишет: «На Алдане был весьма разветвленный узел межплеменных обменных связей. Сюда приезжали с Ламы (Охотского моря), “из-за камени” (т.е. с Верхоянских гор) оленные тунгусы соболями для торгу, приезжали же с Май реки, наконец, сюда же ездили и ленские ясачные мужики, якуты с Лены и с Амги и Таатты». Тем самым, можно сказать, что народы Якутии, уже в то время с друг другом поддерживали связь. *Эвены* ламуты пришли с Охотского моря либо с Индигирки или могут с Колымы [26].

В северные национальные районы было включено 15 районов. В 1933 г. на их территории проживало 44671 человек, в том числе 5772 эвенков, 6526 эвенов, 351 чукча, 321 юкагир, 22328 якутов, 9373 русских.

Были организованы 49 советов северных народностей, 11 смешанных, 43 якутских и 8 русских советов. Родовые советы перестали существовать, но появились советы у кочевых народов, которым удалось убедить принять советские законы [7, с. 146].

Общепринятый этноним ламут является эвенкийским вариантом намут. Следовательно, принятые в литературе термины производные от ламут, «ламунхинский род», «ламунхинский диалект», «Ламунхинский сельский Совет» по законам эвенского языка должны были обозначены как «нанатканский род», «нанатканский диалект», «Нанатканский сельский Совет» и т.д. [25].

О численности *эвенов* (ламутов) в дореволюционное время можно судить по ясачным документам XVII-XVIII вв. и по переписи 1897 г., хотя можно предположить, что эти данные не отражали реальной численности эвенов, кочевавших по территории Якутской области. По материалам Б.О. Долгих, в середине XVII в. в Якутской области проживало около 13 тыс. тунгусов, из них «оленных» и «пеших» ламутов - 6770 человек. Приведенные данные численности эвенов в Якутской области покапыивают что по сравнению с сер. XVII в. к началу XX в. численность *эвенов* (ламутов) сократилась почти наполовину. Разнообразны причины сокращения численности *эвенов* в дореволюционный и советский периоды. Это эпидемии оспы, которые наблюдались в XVII в. до конца XIX в. на территории проживания тунгусов. Другая причина – большая миграция населения Якутии; в т.ч. эвенов за пределы области (Амур, Охотское побережье» Таймыр). Третья причина – непосредственная ассимиляция эвенов соседними народами [5, с. 12].

21 февраля 1931 г. на заседании президиума ЯЦИК был рассмотрен вопрос «О практическом районировании местностей, освоенных малыми народностями по ЯАССР». В первом пункте повестки дня заседания было отмечено: «1. В осуществление постановления Президиума ЯЦИК о национальном территориальном районировании местностей, освоенных малыми народностями ЯАССР, поручить по орг. отделу ЯЦИК оформить в течение с февраля по апрель включительно образование следующих эвенских и смешанных районов: Анабарского, Булунского, Жиганского, Усть-Янского, Аллаиховского, Вилое-Мархинского, Томпонского, Саккырырского, Момского и Томмотского в границах утвержденного проекта КСНСР и согласованных с представителями с мест от эвенских родовых Советов...» [14, л. 35].

В указе имеются решения об исключении Тюгясирского наслега из бывшего Верхоянского округа и об исключении Ламунхинского наслега из Усть-Алданского района и образовании на их основе Саккырырского района.

Из протокола заседания ЯЦИК от 2 марта 1931 г.: «5. Слушали: утверждение инструкции о практическом проведении национально-территориального районирования Севера (внесено КСНСО). Постановили утвердить. 6. Слушали: о составе уполномоченных ЯЦИК по национально-территориальному районированию Севера (внесено КСНСО). Постановили: утвердить уполномоченными – т.т. Гуляева А. (ЯЦИК), Ефремова (НКПром), Паатова (НКЗ), Спиридонова (Прокуратора Севера), Шадрин П. (Верхоянск), Белых (Рабпрос), Петрова А.С., Иванова С.И., Слепцова К.К., Кривошапкина А.П., Саввинова Н.Т.» [14, л. 40].

В 1928 г. Саккырырский национальный район был создан на основе Тюгясирского родового совета, Бытантайского наследного совета и Ламунхинского родового совета, но в Тюгясирский родовой совет вошли не все члены этого клана. Часть северной группы вошла в совет соседнего Булунского района, в то время как часть Ламунхинского клана примкнула к Тюгясирскому родовому совету, расположенному в п. Батагай-Алыта [4, с. 198].

В Саккырырском районе было образовано целых 9 колхозов Молотов, Победа - Сатараҕа, Социализм - Кустуур, Стаханов - Алыгыге, Буойун-Селябуре, Ворошилов -

Эмэндэрэне, Ленин – АартыкУорэх, Коммунизм – Себян-Кюеле, Киров – Сеген-Кюеле. В районе было 5 поселений [9].

Согласно инструкции ЯЦИК от 2 марта 1931 г. активно работа проводилась только в Тюгясирском наслеге. В Ламынхе данная работа была сорвана. Из архивных источников видно, что руководство наслежного совета оповестило население об организации нового района, была создана выборная комиссия, составлен поселено-хозяйственный список, где было регламентировано, кто может учувствовать в выборах. Избирательного права лишались кулаки, шаманы, удаганки и им было запрещено даже присутствовать на общих собраниях.

В 1933 г. в состав Саккырырского района был включен Ламунхинский наслег. Работа по введению в состав района нового наслега проводилась с 1932 г. Об этом сохранилось несколько документов в улусном архиве. Например, рассмотренный РИК вопрос от 24 ноября 1932 г. «Об управлении наслегом Ламынха» [23, с. 64].

По переписи 1897 г., Ламунхинский род насчитывал 215 чел., а в Тюгясирском роде – 447 чел., всего 662 чел. [2, с. 16].

Ламунхинские и тюгясирские эвены жили в северо-западной части Верхоянья РС (Я), до начала советского строительства сохраняли архаичные формы кочевой жизни, как и весь патриархально-общинный уклад своего комплексного хозяйства [2, с. 16].

По семейному списку тунгусов в Тюгясирский род Намского улуса, составленному на 17 января 1888 г., входило четыре рода: Ламунхинское племя – 16 семей, долдаминское племя – 24 семьи, Тюгясирский род – 16 семей и племя хорон – 15 семей, всего 71 хозяйство, включающее 158 душ мужского и 149 женского пола. По данным переписи 1897 г., который приводит С. Патканов: «Дондаконское племя - 30 мужчин, 26 женщин, ламунхинское племя - 20 мужчин, 20 женщин, тюгясирское племя - 45 мужчин, 33 женщины, хоринское племя - 15 мужчин, 20 женщин, не указанное племя - 5 мужчин, 1 женщина» [1, с. 288].

Таким образом, годы укрепления поселков кардинальным образом повлияли на судьбу коренных культур, что повлекло необратимый ассимиляционный процесс с негативными последствиями. Забвение национальной политики, утрата языка, самобытной истории, культуры заставили старожиллов забить тревогу. Следует добавить, что коренное население национального улуса – ламунхинские эвены и бытантайские якуты, несмотря на различия в этническом сознании, представляют собой уникальную циркумполярную культуру.

В годы войны в Саккырыре было 4 наслега, 9 колхозов. В Ламынха – «Коммунизм» (Себян-Кюель), «Киров» (Сеген-Кюель), «Олень совхоз» (Эндыбал) [13, л. 46].

В это время существовал жесткий контроль, строго соблюдался режим труда, были высокими требования по выполнению норм. Для колхозников был определен «обязательный минимум рабочего дня». Не выполнившие этот минимум, опоздавшие на работу привлекались к ответственности, отправлялись на принудительные работы.

Во время войны на колхозы, помимо их основной работы, были возложены крупные государственные заказы:

- заготовить десятки тысяч штук строительных бревен для Усть-Янского рыбзавода и сплавить по реке;

- заготовить дрова в Комсомольске для пароходства;

Во время Великой Отечественной войны все жители Саккырырского района работали под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!» [13, л. 85].

Сведения о естественном движении населения Ламунхинского рода за 1952-1956 гг. Родившихся в 1952 г. – 26 чел., 1956 г. – 29 чел., умерших в 1952 г. – 5 чел., 1956 г. – 6 чел. Итого родившихся за 1952-1956 гг. – 116,0%, а умерших – 120,0% [12, л. 53].

После ликвидации в 1962 г. Саккырырского района, в протоколе партийно-хозяйственного актива времени было зафиксировано, что разделение и присоединение к двум промышленным районам Саккырырского национального района прошло большинством голосов участников актива. Очевидно, население было против ликвидации, даже руководители района. В результате проверок обкома КПСС, было составлено обвинение и поставлен вопрос о снятии с работы первого секретаря Саккырырского райкома П.И. Чярина, председателя райисполкома С.Н. Стручкова, директора совхоза «Ленинский», бывшего председателя колхоза им. Ленина И.Н. Слепцова. Бюро, был ликвидирован и присоединен к Верхоянскому. При этом местное население испытывало серьезные сложности из-за отдаленности и труднодоступности к центру административного образования.

Причины и факты разделения Ламунхинского рода на два «района» сел Себян-Кюель и Сеген-Кюель, отражены в документе Комитета Севера, где есть письмо Якутскому ОВ-ВУ Сельхозкредита «Салгыбыл». В нем говорится, что Комитету Севера при ЯЦИКе через своего Уполномоченного Кривошапкина Афанасия Петровича заявили желание перейти на оседлость семь хозяйств Ламунхинского рода. При этом прилагается подворный список, желающих осесть с указанием семейного положения и количества оленей и скота. Перевод на оседлость они думали произвести на следующих местах: у озера «Сордоннах» 1. Кривошапкин Прокопий Прокопьевич; 2. Кривошапкин Иннокентий Прокопьевич; 3. Кривошапкин Николай Егорович. У озера «Сеген» 4. Кривошапкин Егор Егорович; 5. Кривошапкин Ксенофонт Семенович; 6. Неустроев Сергей Иванович. В местности «Билир» 7. Захаров Иннокентий Макарович. В долинах рек «Сордоннаах», «Сеген» имеются покосные места, дающие в год каждое около 150 возов сена, что вполне удовлетворяет по 5-6 небольших хозяйств. В местности «Билир» имеются также покосные места, дающие до 120 возов сена. При соответствующей обработке эти покосные места могут быть значительно расширены, вследствие чего на этих же местах впоследствии можно будет поселить и еще по несколько хозяйств [23, с. 78].

Село Сеген-Кюель в переводе с якутского означает «Россомахино озеро», расположено на берегу речки Тумара. Почти непроходимыми бастионами на пути к нему стоят горы, глухая тайга, топи, сотни речушек.

Основную часть населения составляют якуты и эвены. В прошлом это был край кочевых эвенов. Якуты появились в этих местах в XVII в. Труды Б.О. Долгих позволяют утверждать, что эвены Ламунхинского рода испокон веков кочевали, главным образом, по речкам Тумара, Келе и Байлаки к северу от низовьев Алдана и к востоку от Лены, близ устья Алдана [26].

До начала XX в. на правом побережье р. Лены, по устным преданиям, проживал род ньаку, ньоку (жакут, якут) из которого произошла часть Кривошапкиных, Алексеевых и Кейметиновых, а также булэн – Степановы, Кейметиновы. Потомками ньаку в 50-60 гг. XX в. из Ламунхинских эвенов считались братья Х.М. и К.М. Кривошапкины, А.Н., В.Н. Алексеевы и сестры М.Ф. и А.Ф. Степановы, братья П.Е. и Е.Е. Кейметиновы, Кейметинов Иван Иванович, умерший в середине 60-х г. в возрасте 110-115 лет, родители которых носили фамилию Алексеевы. Такое же происхождение от ньаку имел отец Кейметинова Михаила Петровича и Кейметиновой (Степановой) Акулины Петровны. Слово ньаку имело значение – житель предгорных низин. Территорией рода ньаку считались р. Лена, начиная с речки Тумара на востоке до речки Дянышка на западе с охватом южных острогов Кёлтерского, Тагинуинского и Мунийского хребтов, которая по отношению к Верхоянскому хребту в целом является низинной и болотистой. Эвены нашего региона, куда входили роды киргин бис, кеймети, ньаку, булэс, тугэс, считают себя выходцами с Охотского побережья [24].

До 1931 г. территория Сеген-Кюеля входила в состав Намского района, а с 1931 по 1963 гг. – в состав Саккырырского национального района. В декабре 1962 г. Ламынхинский наслег, включавший в себя жителей Сеген-Кюеля, Себян-Кюеля, Батамая был передан Кобяйскому району.

В 1963 г. Ламынхинский наслег был разделен на два наслега: Ламынхинский и Кировский с центром в Сеген-Кюеле. Советская власть на территории нынешнего Кировского наслега окончательно установилась только в 1928 г. Весной 1928 г. в Сеген-Кюеле была открыта первая торговая лавка, которой заведовал Г.Ф. Алексеев – выходец из Дюпсинского улуса [1, с. 289].

В 1931 г. в Сеген-Кюеле создается товарищество «Кысыл ыллык», в которое вошли 288 чел. поголовье оленей составляло 924 оленей. Председателем ТОЗ был избран Алексеев Гаврил Федотович. Затем ТОЗ-ом руководили Алексеев (Кейметинов) Афанасий Иванович (1931-1933), Кривошапкин Николай Спиридонович (1935-1937). В 1940 г. ТОЗ был преобразован в колхоз имени Кирова. С 1938 по 1947 гг. председателем колхоза был избран Захаров Николай Тимофеевич, а с 1947 по 1952 гг. председателем работал Готовцев Николай Николаевич, который скончался от несчастного случая, и вновь состоялось общее собрание колхозников, где председателем был избран Захаров Николай Тимофеевич [25].

В 1961 г. на базе двух колхозов – имени Кирова и «Коммунизм» был организован совхоз «Кировский», который имел два отделения. Управляющим Сегенского отделения был назначен Н.Т. Захаров.

Председателями Ламынхинского, затем Кировского сельских Советов работали: Кривошапкин Василий Михайлович, Кривошапкин Христофор Дмитриевич (1939-1946 гг.), Захаров Николай Тимофеевич (1947-1952 гг.), Готовцев Гавриил Иванович, Кычкин Дмитрий Михайлович (1968-1969 гг.), Макаров Николай Егорович (1969-1972 гг.), Соловьёв Илья Петрович (1972-1976 гг.), Захаров Петр Николаевич (1976-1979, 1983-1998 гг.). Алексеев А.А. – с 1982-1989 гг. Во время избрания Захарова П.Н. секретарём парткома совхоза «Кировский» председателями Кировского сельского Совета работали Семёнов Юрий Кириллович и Протодьяконова Марфа Михайловна.

Эвены Ламунхинского наслега представляют собой этнографическую группу эвенов северо-западного Верхоянья. Называют себя намоткал. Язык относится к ламунхинскому говору западного наречия эвенского языка.

До прихода якутов на озеро, которое называется Тарагана (левый приток Алдана, недалеко от его устья), жил тунгус оленевод Тарага. Якуты потеснили Тарагу, он с сородичами вынужден был переправиться через Алдан и уйти на север. Размножившись, эти тунгусы образовали широко известный среди эвенов Ламунхинский род. Костяк Ламунхинского рода составляли: кеймэти, ньяку, кара, киргинбис. Также в составе рода встречались представители родов доткэ, колтээки, мэмэл, тугэс, дондэткил, булэс. Представителями указанных родов являются Кейметиновы, Степановы, Захаровы, Кривошапкины, Алексеевы, Колесовы, Слепцовы.

Первый центр Ламынхинского Совета бедняков образован в 1928г. в Эндыбале. Председателем назначен А.Н. Степанов.

В 1930-х гг. началось строительство села Себян-Кюель. Со строительством села началась организация товарищества по совместному ведению оленеводства и охоты «Красный проводник», в последствии преобразованного в сельхозартель под этим названием. В дальнейшем сельхозартель преобразована в колхоз «Коммунизм». Первым председателем колхоза стал В.П. Кеймитинов, ныне ветеран труда и тыла.

В январе 1961 г., на базе колхозов «Коммунизм» и имени С.М. Кирова (Сеген-Кюель) был образован совхоз «Кировский». По итогам социалистического соревнования оленеводческих совхозов за 1967 г. совхоз «Кировский» занял II место по РСФСР

и постановлением объединенного заседания Коллегии Минсельхоза РСФСР и ЦК профсоюза рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок от 18 октября 1968 г. признан победителем с присуждением ему переходящего Красного знамени и денежной премии в сумме 4000 руб. [1, с. 290].

В справке о преимуществах объединения Саккырырского района с другими районами от 24 марта 1862 г. В свете материалов мартовского пленума ЦК КПСС, принявшего радикальные меры по улучшению системы руководства с/х производством и заготовками с/х продуктов, особенно с организацией территориальных совхозно-колхозных управлений встает настоятельная необходимость ликвидации Саккырырского района и объединения его с другим соседним районом [10].

Трудности для самостоятельного существования района:

Район территориально не компактен, растянут с севера на юг на 1400 км, причем расположен по обе стороны труднопроходимых Верхоянских горных хребтов.

С такой территориальной разбросанностью связано отсутствие внутрирайонной транспортной связи, как наземной, водной, так и авиационной, это обстоятельство отрицательно сказывается в целом на развитие хозяйства и культуры района.

В районе фактически имеется 2 больших хозяйства, это совхозы «Ленинский» и «Кировский», которые между собой никакой производственной и даже территориальной (дорожной) связи не имеют.

Как результат оторванности двух основных частей района, район в целом малоуправляем, в особенности совхоз «Кировский». Командированные из района товарищи до этого совхоза добираются через Якутск, а на районные собрания и мероприятия актив из данного совхоза совершает тоже такое же путешествие.

Для развития культурного и хозяйственного строительства района большим тормозом является отсутствие хозяйственных организаций районного масштаба, как то коммунальной конторы, строй участка промкомбината и других. Так как организации считают это бесперспективным, действительности в районе не имелось даже электростанции, ни машины, ни трактора [16, л. 2].

Таким образом, перечисленные недостатки бесспорно говорят о том, что для ускорения культурного хозяйственного развития населения, проживающего на территории Саккырырского района, необходимо было его объединить с другим, более мощным районом.

А для государства в целом связи с ликвидацией районных организаций будет сэкономлено в год примерно 170 тыс. рублей, на что можно ежегодно построить примерно 25-28 новых квартир для трудящихся [16, л. 3].

В документе говорится о том, что для совхоза «Кировского» тоже выгоднее влиться в состав Верхоянского района, как самостоятельная хозяйственная единица, таким образом, у него установится органическая производственная связь с совхозами данного района, в частности появится возможность увеличения поголовья оленей и лошадей. Нацменьшинство сосредоточено в Себянском отделении совхоза «Кировский» и объединение с другим районом ни в коем случае не отразится на национальной компактности и культуре эвенов [16, л. 4].

Данный запрос поднимался в порядке обмена мнением среди актива района в связи с обсуждением итогов мартовского пленума ЦК КПСС, где такое мнение получало поддержку абсолютного большинства. Мысль сводится к тому, что в свете решения пленума ЦК КПСС о реорганизации управления с/х производством, в частности с организацией межрайонных управлений, в конкретных условиях Саккырырского района нет необходимости в существовании районных организаций и более перспективна путь объединения с другим крупным районом.

После ликвидации Саккырыырского национального района в декабре ламунхинский род, включая в себя Себян-Кюель, Сеген-Кюель и п. Батамай, были присоединены к промышленному району.

Кобяйский интернациональный район является муниципальным образованием. В 16 населённых пунктах 12 наслегов живут и трудятся якуты, русские, эвены, эвенки, юкагиры, татары, буряты, украинцы [16, л. 4].

Численность постоянного населения почти 14000 человек. Образован 20 апреля 1937 году из отдаленных населенных пунктов Намского, Горного и Средневиллюйского районов. С 1959 г. административным центром является п. Сангар [15, с. 8].

Территория улуса издавна была заселена *эвенами* и якутами. Улус назван именем озера Кэбэйи. Слово это тунгусо-маньчжурского происхождения. На эвенскомикэвэ, кэбээ – челюсть (нижняя), подбородок. На эвенском языках санаар, ханаар – дыра, отверстие; щель, трещина, расщелина, впадина, яма. Отсюда значит, санаар – географический термин и стал топонимом, притом довольно распространенным [1, с. 8]. Таким образом, улус и его центр названы географическими терминами тунгусо-маньчжурского происхождения [1, с. 41].

В конце 60-х гг. после присоединения к Кобяйскому району, состав ламунхинского рода был таков.

Таблица 1

Численность населения Ламунхинского и Кировского наслегов Кобяйского района за 1968 и 1969 г. [6].

Наслег	муж	жен	всего	муж	жен	всего
Кировский	320	356	676	317	324	641
Ламунхинский	227	244	471	229	237	466

Численность населения на 1 января 1968г. Кировский – 709 (в т.ч. Батамай), Ламунхинский–484. В 1969г. Кировский – 641 (в т.ч. Батамай), Ламунхинский– 466.

Таблица №1 показывает, что после присоединения ламунхинского рода к Кобяйскому району, происходит убывание в численности населения. Но начиная с 1980-х годов, заметно население в Ламунхинском наслеге увеличивается.

Таблица 2

Перепись Ламунхинского наслег (п. Себян-Кюель) [11, л. 4].

Год	Численность населения
1989	655
1990	763
1995	799
1999	793
2000	723
2002	791

Таблица 3

Численность постоянного населения эвенов Кобяйского района [8, с. 4].

Наслег	2010 г.	2012г.	2013г.	2014г.	2015 г.
Кировский	628	606	604	586	568
Ламунхинский	796	787	781	773	784

После того, как ламунхинский род был передан Кобяйскому району, эвены продолжали заниматься традиционной отраслью – оленеводством. Совхоз «Кировский», нынче ГУП «Себян» самое крупное оленеводческое хозяйство в республике, которое составляет 18850 голов оленей, в том числе 14037 голов в ГУПе и 5501 голов в частном секторе. Количество племенных оленей составляет 4118 голов оленей, в том числе племенных маток – 1735.

Перспективы развития оленеводства были связаны с восстановлением поголовья, организацией повсеместной переработки и увеличением объема мясной продукции, а также с использованием пантового и ферментно-эндокринного сырья, которое после переработки будет использоваться в производстве биостимуляторов, биологически активных веществ и новых лекарственных препаратов.

Кризисное состояние традиционных отраслей хозяйства приводит к обострению социальных проблем. В последние годы наблюдается резкое снижение занятости коренных народов и, как следствие, снижение уровня жизни. Их денежные доходы в 2-3 раза ниже среднероссийского показателя и на 25-30% меньше, чем в среднем по регионам их проживания. Размер пенсии составляет 26% прожиточного минимума, рассчитанного для пенсионеров, проживающих на территории соответствующих субъектов РФ. Возрастает иждивенческая нагрузка на работников. Абсолютное большинство коренных народов живет за чертой бедности.

Таким образом, в данной статье охарактеризована историко-демографическая ситуация советского периода эвенов ламунхинского рода, их начальное состояние в составе Саккырырского национального района, прослежена история создания наслегов в 1930-е гг. п. Себян-Кюель и п. Сеген-Кюель. Данный род прошел огромное испытание в 1963 г., когда Саккырырский район был ликвидирован, часть территории района (с. Себян-Кюель, с. Сеген-Кюель) была присоединена к Кобяйскому району, часть (Тюгясирский наслег, Нижне-Бытантайский наслег, Верхне-Бытантайский наслег) была присоединена к Верхоянскому району. С 1963 по 1989 гг. сбор и обработку статистической информации производила Верхоянская районная инспектура. 21 апреля 1989 г. Постановлением Совета Министров ЯАССР № 375 был образован Эвено-Бытантайский национальный улус за счет части территории Верхоянского района с центром с. Батагай-Алыта.

Представленный материал иллюстрирует общую картину повседневной жизни эвенов Кобяйского района в период XX- начала XXI вв., уточняет и дополняет ее сюжетами, тем самым демонстрирует многообразие и многоуровневость данной проблемы.

Современное расселение эвенов ламунхинского рода, произошло под воздействием многих факторов. Основным из них следует считать географическое положение. Произошли кардинальные изменения в «традиционной карте» расселения не только под влиянием модернизации сельского хозяйства и промыслов, но и в результате масштабной промышленной экспансии.

Эвены по численности занимают одну из первых позиций среди коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. Несмотря на сложности в развитии традиционных отраслей хозяйства, ухудшение демографических показателей во всех регионах своего проживания они сохраняют все возможности для полноценного этнического развития. Разрешение социально-экономических проблем поможет им дальше развивать свою культуру и этнические традиции.

Перспективы сохранения эвенов как этноса достаточно оптимистичны. В сравнении с другими близкими по культуре народами, они обладают сравнительно высокой численностью, после эвенков. Главное для них в современных условиях – поиск новых критериев самоидентификации. Многие эвенские лидеры связывают воз-

рождение своего народа с возможностями собственной традиционной культуры, которая представляется им вполне самостоятельной, способной не только выжить, но и успешно развиваться в условиях сосуществования с другой внешней культурой.

В целом на протяжении XX – XXI вв. в развитии основных показателей повседневной жизни эвенов Кобяйского района прослеживаются, как общие тенденции, так и региональные особенности по сравнению с центральными районами республики. В изучаемый период отмечается динамичное развитие эвенов Кобяйского района.

Примечания:

1. Акимов А.К. Кобяйский улус: История, культура, фольклор. – Якутск: «Бичик». 2007 г. – С. 288.
2. Алексеев А.А. Забытый мир предков: (очерки традиционного мировоззрения эвенов Северо-Западного Верхоянья). – Якутск: Ситим. – 1992 г. – 99 с.
3. Алексеев А.А. История и культура эвенов Северо-Западного Верхоянья: автореф. дис. кан. ист. наук. – Якутск, 1994. – 22 с.
4. Алексеев А.А. Эвены Вехоянья: история и культура (конец XIX-80-е гг. XX вв.) – Санкт-Петербург: НИИХ СПбГУ, 2006. – 243 с.
5. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М: Изд-во АН СССР, 1960. – 662 с.
6. Захаров И.И. Кобяйский улус (Проблемы традиционной и современной этнологии). – Якутск: ГУП «Полиграфист». – 1996. – 148 с.
7. История Якутской АССР [Акад. наук СССР. Ин-т языка, литературы и история Якут. филиала АН СССР]. – М.; Изд-во Акад. наук СССР. 1963. – 1т. – 432 с.
8. Кузьмина Р.П. Ламунхинский говор эвенского языка: автореф. дисс. канд. филол. наук. Санкт-Петербург. – 2008. – 25 с.
9. Курчатова Ф.И. Эвены Саккырыыра. – Якутск: Коммерч.- изд. фирма «Ситим», 1993. – 43.
10. Материалы годовых отчетов по оленеводству ГУП «Себян» за 2004-2006 гг.
11. Муниципальный архив МО «Кобяйского района». Ф. 19. Оп. 1. Д. 140.
12. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 40. Оп. 1. Д. 40.
13. НА РС (Я). Ф. 52. Оп. 23. Д. 121.
14. НА РС (Я). Ф. 50. Оп. 62. Д. 2.
15. НА РС (Я). Ф. 70. О. 1. Д. 41.
16. НА РС (Я). Ф. 70. Оп. 16. Д. 74.
17. Новикова К.А. О расселении, численности и родо-племенных названиях эвенов Якутской АССР// Краеведческие записки, Магаданский краеведческий музей. – Магадан, 1962. – Вып. 4. – С. 102-118.
18. Степанов Н.Н. Тунгусы в XVII веке Якутии //Якутия в XVII веке (Очерки). – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1953. – С. 182-219.
19. Фёдорова Е.Н. Население Якутии. Прошлое и настоящее. (Геодемографическое исследование). – Новосибирск, 1998. – 200 с.
20. Филиппова В.В. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в меняющемся пространстве жизнедеятельности: вторая половина XX века. – Новосибирск: «Наука», 2007. – 176 с.
21. Филиппова В.В. Ламунхинские эвены: численность и расселение в XX-XXI веках // Научный диалог. – 2017. – № 9. – С. 202-213.
22. Филиппова В.В. Эвены Якутии в XX веке: динамика численности и изменения в расселении // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 447. – С. 194-201.
23. Эвено-Бытантайский улус. История, культура, фольклор [отв. ред. Боякова С.И.]. – Якутск: Бичик, 2012. – С. 81.
24. URL: <http://nasledie-sela.ru/places/SAY/807/9469/>
25. URL: http://sakha.old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/
26. URL: <https://nasledie-sela.ru/places/SAY/807/9478/>

УДК 910.3:2(571.56)

**ТЮСЮЛГЭ В СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ:
ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС****Яковлев А. И., к.и.н.**

Аннотация. Процессы культурной глобализации, регионализации, урбанизации привели к значительному сдвигу самосознания коренного населения Якутии, что нашло свое отражение в современном культурном ландшафте края. Современные историко-антропологические методы исследования помогут раскрыть этот процесс. В статье показан феномен тюзюлгэ (түһүлгэ-якут., место для проведения традиционного якутского праздника ысыах (ыһыах – якут.) как определяющий этнокультурную идентичность современных якутов, через призму понятия места культурной памяти, что даст возможность поднять фундаментальный вопрос о трансформации якутской культуры. Автором осуществлена попытка обоснования своего видения трансформационных процессов в современном культурном ландшафте Якутии на примере достаточно дискуссионной темы феномена тюзюлгэ и его роли в духовной жизни современных якутов.

Ключевые слова: культурный ландшафт, пространственная организация, тюзюлгэ, культурная память, этнокультурная идентичность, ысыах.

**TYUSULGE IN THE MODERN CULTURAL LANDSCAPE: A HISTORICAL AND
ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE**

Abstract. The processes of cultural globalization, regionalization, urbanization have led to a significant shift in the self-consciousness of the indigenous population of Yakutia, which is reflected in the cultural landscape of the region. Modern historical and anthropological research methods will help to reveal this process. The article reveals the phenomenon of tusulge (tulge-yakut., A place for holding the traditional Yakut holiday Ysyakh (yyakh - Yakut) as determining the ethnocultural identity of modern Yakuts, through the prism of the concept of a place of cultural memory, which will make it possible to raise the fundamental question of the transformation of Yakut culture.

Key words: cultural landscape, spatial organization, tusulge, cultural memory, ethnocultural identity, ysyakh.

Теоретические подходы в исследовании культурного ландшафта. В последние годы в центре внимания находятся вопросы изучения национального самосознания, мироощущения и самоидентификации личности, что обусловлено ростом потребности людей в единых ценностях, которые будут служить моральным императивом, способным блокировать риски и фобии глобализации. Этот процесс вместе с трансформацией этнической культуры, отхода государства от повсеместного контроля исторической и культурной памяти отражается и в культурном ландшафте.

В Республике Саха (Якутия) сегодня наблюдается рост численности городского населения за счет внутренней миграции. В городах усиливается процесс этнизации, который приводит к изменению городского ландшафта. В селах Якутии с усилением транспортной доступности (строительство дорог), повышением качества жизни (строительство новых школ, культурно-досуговых учреждений, интернет-связи и т.д.) местное население начинает беспокоиться о влиянии глобального мира на устойчивый жизненный уклад.

Современное якутское общество обеспокоено процессами, трансформирующими традиционную культуру и повседневную жизнь.

Одной из форм отражений этих изменений в культурном ландшафте является строительство этнокультурных (нео) традиционалистских сооружений – Арчы Дьиэтэ (Арчы - очищение, дьиэ - дом) и обновление сельских и городских тюсюлгэ - места проведения летнего обрядового праздника якутов ысыах. Для строительства и обновления мест проведения традиционного праздника ысыах, создания мультифункциональных сооружений Арчы Дьиэтэ местное население собирает собственные средства, управления культуры районов изыскивают средства для их содержания.

Существуют характерные особенности к причислению тех или иных объектов культурного ландшафта к «местам памяти» или к «материальным представлениям», «геокультурным образам». Главный вопрос статьи звучит так - является ли тюсюлгэ прямым отражением истории и культуры народа, или оно опосредовано и связь данного места далека от прямого воздействия истории и современности?

Для ответа на этот вопрос мы опирались на монографии ведущих российских ученых, исследователей вопроса идентичности и самоидентификации [6, 10, 22, 23, 25], исторической памяти [8, 11, 16, 21, 24], переняв опыт использования междисциплинарного подхода в различных социо-гуманитарных науках, таких как социология, история и педагогика. Предмет изучения понятий тюсюлгэ и ысыах присутствует в контексте практически всех исследований этнографов, изучавших Сибирь и Якутию [1, 3, 4, 5, 7, 10, 11, 12, 15, 17, 18, 19, 20, 24], которые стали теоретической опорой для осмысления и анализа тюсюлгэ как феномена культуры современных якутов.

Помимо опубликованных источников, в статье использованы наработанные методы, результаты, источниковая база, полученная в рамках исполнения гранта Президента РФ, полевые материалы, собранные экспедициями ИФ СВФУ и во время точечных выездов автора в сельскую местность в 2013–2017 гг. Вилуйской и Центральной группы улусов, Арктических районов РС (Я) [13, 14].

Статья состоит из двух частей, в первой части очерчены границы конфликта культурной глобализации и традиционной культуры, ее проявлений во внутреннем мире человека, проблемы его восприятия. Во второй части статьи проанализирован тюсюлгэ как неотъемлемая часть современного культурного ландшафта якутов.

Конфликт культурной глобализации и традиционной культуры. Современная трансформация якутской культуры — это не искусственный процесс, навязанный сверху, а естественное, эволюционное развитие и ответ вызовам форсированной культурной глобализации. Самое интересное, что этот процесс оставляет свой отпечаток в культурном ландшафте городов и сел Якутии.

В постсоветский период идеологический вакуум стал заполняться духовными религиозными ценностями: происходит восстановление связей между культурой и религией. В 90-е годы XX в., переживая религиозный ренессанс, деятели якутской гуманитарно-творческой интеллигенции предпринимают усилия по возрождению традиционных религиозных воззрений якутов в модернизационном варианте, в направлении таких этнических форм религиозных учений, как, например, «Кут-сюр», «Айыы», «Тенгрианство» (культ Неба).

В XXI в., из-за ускорения процесса культурной глобализации, наблюдается ответная реакция среди коренных народов Якутии, которые начинают производить новые формы культурной идентичности, опираясь на традиции, самобытные религиозные воззрения, создавая новые формы культуры (трансформация традиционной культуры у якутов) [4, с. 120]. У якутского народа проявляются все формы «культурного шока» - конфликта культур согласно Л.Г. Ионина. «Суть культурного шока – конфликт старых и новых культурных норм и ориентаций, старых – присущих индивиду как представителю того общества, которое он покинул, и новых, то есть пред-

ставляющих то общество, в которое он прибыл. Собственно говоря, культурный шок – это конфликт двух культур на уровне индивидуального сознания» [8].

Обращаясь к примеру г. Якутска, мы заметим, что на волне возрождения традиционной культуры и традиционных верований, а также сопоставления этнофоров себя глобальному миру, происходит одна из форм глокализации. Известно, что носителями традиционной культуры часто выступает сельское население, у которых повседневная жизнь меняется не столь быстро как в городской среде. Столкнувшись с вызовами времени, продуктами культурной глобализации (культурным шоком) в городской среде, часть населения поддерживает, самостоятельно формирует новые формы традиционной культуры, которое в основе своём опирается на опыт предков (сельская среда) и на исследования ученых этнографов. Это проявляется в создании некоммерческих общественных организаций, ставящих своей задачей возрождение национальной культуры и якутской веры, воспитание молодежи на основе нравственных и патриотических устоев, которые, по их мнению, присущи настоящему якутскому обществу и основаны на традициях народа якутов. Согласно данным информационного портала Министерства юстиции Российской Федерации, на территории республики официально зарегистрировано как минимум 5 местных религиозных организаций, 3 из которых зарегистрированы в г. Якутске [8]. При этом стоит отметить, что в сети Интернет, благодаря мессенджерам и социальным сетям имеется множество сообществ с ориентацией на сохранение традиционной культуры, якутской веры. Приведенные примеры говорят нам о том, что у некоторой части населения Якутии, особенно среди молодежи и представителей среднего возраста, актуализируются вопросы самоидентификации.

Город Якутск как центр Республики, место коммуникации множества культур. Культурные процессы, проходящие здесь (отдельные выставки, работы художников, скульпторов, архитекторов) воспринимаются как угроза якутской этничности и традиционной культуре. В этом случае, по мнению В.Г. Бабакова, этнофоры предпочитают «вернуть время вспять» и обратиться к традиционным этническим ценностям [2]. Идет упор на историческую память и коллективное бессознательное, т.е. традиционные социокультурные коды воспринимаются лучше и приближены к привычному образу жизни, а также легко вписывается в картину мира этнофора, тем самым, не нарушая его привычный уклад жизни. В этом же ключе может играть реакция и рефлексия народа на быстро меняющуюся действительность, например на глобализацию.

Именно с усилением глобализации настороженность касательно внешних влияний на социокультурное пространство любой социальной группы, проживающей на так называемой отдаленной территории, усиливается. По своей сути понятие «удаленность» или «отдаленность» по большей части важно для тех, кто не проживает в отдаленном месте, оно используется к некоторому изолированному месту посторонними. Однако, люди, проживающие в отдаленном месте, не имеют по отношению к месту своего проживания, они просто живут там, где живут [25]. Для более четкого осмысления связи отдаленности и социокультурной среды стоит привести слова К. Хамфри (C. Humphrey): «В этой связи, можно предположить, что удаленность, которая всегда определяется через сравнение с более крупной социальной единицей, предполагает свой собственный отдельный способ бытия» [25, с. 9].

Таким образом, рассуждения в первой части дают нам возможность сказать, что конфликт якутской культуры и культурной глобализации, процесс урбанизации, феномен отдаленности выступают основным условием, в котором формируется новая социо-культурная среда, где город и якутская деревня является местом, где у

человека выходит на первый план рефлексия по поводу своей самоидентификации, культурной идентичности.

Современный культурный ландшафт якутов и тьюсюлгэ. К началу XX в. начинается процесс формирования городского ландшафта, который к первым десятилетиям XX в. закрепил свои основные черты – планировку города, направления улиц, расположение площадей, ключевых зданий и районов (на примере Якутска – церкви, район Залого, центральные площади и кварталы, кладбища). То есть в начале XX в. мы наблюдаем практически базовые черты городского культурного ландшафта, которые мы наблюдаем в начале XXI в.

Вплоть до 60-х гг. Якутск XX в., по внешнему облику не сильно отличался от крупных сел Якутии, т.е. можно предположить, что социо-культурная среда не сильно отличалась от сельской. Начиная с 80-х гг. в качественном плане начинается преобразование якутоязычного населения в составе городского населения, это обусловило начало так называемого социального феномена – «этнизации» городской среды. Однако, это еще не означало, что в черте городов и крупных сел, районных центров Якутии, существовало специальное место для проведения традиционного обрядового праздника. Ысыах проводился или в сельской среде, или в отдельных местностях вокруг Якутска, стадионах или же в близлежащих деревнях в открытом поле.

Что же касается сельской местности, мы отметим, что становление современного сельского культурного ландшафта начинается с процесса поселкования с середины XX в. В это время из отдельных аласов, где находились несколько семей и стояли колхозы, начали формировать одно поселение – в первую очередь в местах, где была удобная площадка для посадки самолета АН-2 или выгрузки речных барж. В эти места начинают переносить школы, больницы, строятся новые фермы для совхозов. Начиная планировать расположение улиц, домов и дворовых построек. В строительстве начинают использовать современные методы и материалы – шифер, облицовочный лист. Появляется в наслегах пилорама – как основа для интенсивного строительства в сельской среде.

Все это свидетельствует об отрыве от традиционного образа жизни, традиционной культуры жизнеобеспечения якутов – отгонного, распыленно-сезонного или аласного скотоводства. Но, невзирая на отступление от традиционной культуры жизнеобеспечения, в культурном пространстве якутского села традиционные элементы не только присутствовали, но и развивались вместе с самой деревней или селом. К ним относились сэргэ (как и ритуальные столбы, так и коновязи), етэх (өтөх – понимаются родовые места, ныне оставленные) появляются иные сакральные места для отдельных семей, родов и всего наслега (памятники, обелиски посвященные Великой Отечественной войне, сделанные в якутском стиле) [12, 15].

Середина XX в. является временем появления культурного ландшафта современных сел, как раз и появляются современные места проведения традиционного праздника ысыах. В связи с исторической конъюнктурой советской эпохи праздновать обрядовый религиозный праздник в открытую было не к месту. По воспоминаниям жителей, фото и видеоархивам семей, празднование ысыаха проводило в Парках культуры и отдыха «завуалировано» как отчетные собрания колхозов, спартакиады, праздник или фестиваль лета и т. д., то есть не несли конкретно религиозной или обрядовой нагрузки. Это нам говорит, что однозначных религиозно-культурных объектов (отдельных построек, зданий, культовых комплексных сооружений) связанных с празднованием ысыаха не было. Однако надо отметить, что удаленность от республиканского центра, дало некоторым районам сохранить некоторые элементы обрядности и сакрального значения определенных мест и сооружений, в частности

Виллюйских улусов, Заречных улусов откуда и пошло возрождение религиозных обрядов и элементов праздника.

Все начинает меняться с 90-х гг. XX в., когда ысыах возрождается как национальный обрядовый праздник. Но в связи с экономическими трудностями периода, частичной неготовности населения отойти от “спартакиадного”, “фестивального” формата, ысыах проводился опять же в Парках культуры и отдыха, или на площадях, или на спортивном стадионе, как в городе Якутске.

Каноничным для современных ысыахов по своей пространственной организации к концу XX века становится “ЫсыахТуймаады” в Якутске, после переноса его в местность “Ус Хатын” в 1998 г. с городского ипподрома (в черте города Якутска). Выбор места был не случаен, согласно преданиям предков якутов Элэй-Боотур устроил первый ысыах на священной равнине Ус Хатын, расположенной в долине Туймаада. Под влиянием этого ысыаха начинают заново отстраиваться тюзюлгэ в районных центрах. Например, в с. Верхневиллюйск поменяли место празднования с сельского Парка культуры и отдыха на территорию около реки Виллюй – местность Тюзюлгэ.

Типичной историей развития тюзюлгэ так же является пример с. Майя. Начиная с 2004 г. была начата застройка местности обрядовыми и бытовыми сооружениями для проведения в данной местности различных мероприятий, в частности Ысыаха в Мегино-Кангаласском районе. Местность Урасалах находится в двух километрах от села Майя, Мегино-Кангаласского района. В 2005 г. на данной местности прошла XVII Спартакиада по национальным видам спорта «Игры Манчаары». К 2013 г. началась вторая волна застройки местности, в связи с подготовкой к “Ысыаху Олонхо-2013”, были проведены работы по реконструкции и постройке новых обрядовых и бытовых сооружений, так, например, был построен Аал-Луук мас, на все это было выделено 44 млн. рублей [15].

В городском пространстве, по понятным причинам, тюзюлгэ отстраиваются быстрее, нежели чем в деревнях или сёлах. Они отстраиваются и обустроиваются заново в условиях ограниченности средств. Особенно остро стоит проблема обновления или строительства тюзюлгэ в малых селах и деревнях Якутии. Но этот процесс медленно развивается. Основной причиной развития тюзюлгэ в малочисленных деревнях и селах на наш взгляд является, актуализация самовосприятия народа, возможность открыто выразить свое отношение к своему прошлому, пробуждением и развитием исторической и культурной памяти людей не только в селах, но и в городах. Можно осторожно предположить, что мы наблюдаем интересный феномен социальной сублимации, ответа на вызовы времени, «культурного шока» [8], возникающий при столкновении, традиционной культуры и культурной глобализации в современной Якутии.

Отметим кратко о функциональном заполнении пространства современного тюзюлгэ в ландшафтном пространстве Якутии. Можно констатировать, что социальные и культурные функции традиционного тюзюлгэ видоизменяются и происходит переход от культового значения тюзюлгэ в институциональное (праздничное, культурно-досуговое или общественно-государственное мероприятие). Функционально современные места проведения ысыаха можно разделить на два вида – общественно-государственные и семейно-родовые.

Общественно-государственные ысыахи (сельские, корпоративные, городские, республиканские) в структуре празднования которых, мы наблюдаем искусственную театрализованную надстройку и соответственно под эту функциональную надстройку и адаптируется тюзюлгэ – главной задачей которой становится размещение большого количества людей. Четкая регламентация процесса празднования

ысыаха, организация пространства под нужды большой массы людей, охват огромной территории, разделение тьюсюлгэ по определенным функциональным зонам (концертная, обрядовая, специальные места для коммерческой деятельности, места для кафе и т.д.) контроль этих зон представителями власти – полицейскими, пожарными, медиками и службами ЖКХ. По функциональной организации пространства, где проходят общественно-государственные ысыахи, тьюсюлгэ похожи на амфитеатр – место для зрелищ, чтобы театрализованное представление, отсылающее нас к общим предкам, обряды алгыса, кумысопития, постановки по юбилейным датам улуса, наслега, организации, речи администрации, почетных гостей были видны и слышны всем. Вся работа внутри тьюсюлгэ, где проводится общественно-государственный ысыах, отсылает нас к тому, что тьюсюлгэ выступает не просто как место индивидуальной памяти, а как место публичной памяти – место, где общество и государство репрезентуют и конструируют единую, коллективную память. Так, в частности проходят все Ысыахи Туймады, Ысыах Олонхо, улусные ысыахи. Например, можно взять ысыах в Верхневилуйске 2018 г. где сразу после обряда алгыса, прошло театрализованное представление становления колхозов в улусе, отмечены имена первые стахановцев, появление наслегов. Такой сценарий можно наблюдать практически во всех улусных юбилейных ысыахах по Якутии. В этом мы видим рудимент советской формы празднования ысыаха. Это показывает с одной стороны, что в современном обществе традиционная культура не утратила своей значимости, но с другой стороны, ысыах перестал быть культовым праздником. Процесс возрождения праздника, его трансформации и адаптации к современным реалиям привел к тому, что позиция государства, как силы формирующей коллективную, публичную память, занимает главенствующую роль в массовом праздновании ысыаха, занимая больше времени и пространства, и внутренней структуре праздника.

Наиболее близки к классическому понятию ысыаха как культового обрядового праздника, по нашему мнению, именно семейно-родовые ысыахи, сохранившие главную функцию праздника – сакральное, обрядовое значение поклонения предкам, духам Срединного мира и Верхних Айыы. Озвучивается повод сбора всех родственников, отмечаются все члены рода или семьи. Родственники знакомятся с новыми членами рода, семьи. Тут надо отметить интересную деталь, на ысыахах финансируемых республикой, улусом во время обрядов упоминаются общенациональные предки – Элэй-Боотур и Омо5ой-баай, или обобщенно все деды и прадеды, жившие на этой земле (юбилейный ысыах). Что касается семейно-родовых ысыахов, то тут уже в обрядах упоминаются после Верхних Богов, духов Срединного мира конкретные предки поименно, звучат названия конкретных аласов, озер, рек. В чем как раз и проявляется значение тьюсюлгэ как места памяти. Тьюсюлгэ в этом случае можно определить как маркер идентичности каждого якута, его семьи рода, общности – наслега (деревня, муниципальное образование), тьюелбэ (түөлбэ – якут.) (понимается как район или квартал села или деревни).

Выбор места тьюсюлгэ, напрямую зависит от исторической и культурной памяти отдельной семьи или рода. Выбор места решается на семейном или родовом совете во время больших праздников – свадеб, юбилеев, или памятных дат семьи, когда собираются или этот вопрос решают старейшины и уважаемые члены семьи или рода. В настоящее время добавились и современные методы коммуникации между членами семьи – группах родственников или специально созданных группах в мессенджерах.

Подытоживая, мы отмечаем, что современные тьюсюлгэ для всех якутов являются культовым местом, местом, где народ рефлексировал относительно своего индивидуального и коллективного прошлого. Тьюсюлгэ выступает как комплекс культовых

религиозных сооружений для современного якута. Тюсюлгэ играет важную роль для современной Якутии, где государственное и общественное представление и восприятие своего прошлого тесно переплетено с индивидуальным, личным представлением о прошлом. Современный Ысыах, тюсюлгэ, как место памяти, дает возможность человеку сублимировать накопленный «культурный шок», рефлексировать относительно процесса культурной глобализации – найти свое место в большом изменяющемся мире, найти опору для ответа вызовам времени.

Примечания:

1. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX вв. – Новосибирск: Наука, 1975. – 200 с.
2. Бабаков В.Г. Кризисные этносы. – М., 1993. – 183 с.
3. Брагина Д.Г. Современные этнокультурные процессы у народа саха. Учеб. пособие по спецкурсу. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. – 87 с.
4. Брагина Д.Г. Трансформация традиционной культуры якутов. – Новосибирск: Наука, 2016. – 120 с.
5. Брагина Д.Г. Этнические и этнокультурные процессы в Республике Саха (Якутия). – Новосибирск: Наука, 2005. – 205 с.
6. Васильева О.В. Олонхо и культурная память саха в диджитализированной среде // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение, 2019. – №34. – С. 171-182.
7. Данилова Н.К. Сакральная архитектура народа Саха: традиции и современность // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – №2. – С.80-87
8. Ионин, Л.Г. Социология культуры. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. – 427 с.
9. Информационный портал Министерства юстиции URL: <http://unro.minjust.ru/NKO.aspx#> (дата обращения: 15.09.2020).
10. Маак Р.К. Вилюйский округ Якутской области. – М.: АО “ЯНА”, 1994. – 375 с.
11. Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма. – СПб: Алетейя, 2011. – 132 с.
12. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память. – СПб.: СПбГУ, 1999. – 328 с.
13. ПМА, 2018 – Полевые материалы автора, собранные в экспедиции в рамках выполнения гранта Президента РФ. Вилюйский, Верхневилуйский, Сунтарский район Республика Саха (Якутия). Июнь - июль 2018 г.
14. ПМА, 2019 – Полевые материалы автора, собранные в экспедиции в рамках выполнения гранта Президента РФ. Намский, Мегино-Кангаласский, г. Якутск Республика Саха (Якутия). Июнь-июль 2019 г.
15. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. – 2004. – № 5. – С. 39-52.
16. Романова Е.Н. Священные места Якутии: традиции и современность // Вестник Магнитогорского государственного университета. Проблемы истории, филологии, культуры. – 2012. – №.3 (37) – С. 309-316.
17. Романова Е.Н., Игнатьева В.Б. Якутский национальный праздник Ысыах в ситуации перехода: исторический миф, этнокультурный образ и современный праздничный нарратив // Этнографическое обозрение. – 2011. – №4. – С. 29-40.
18. Романова Е.Н., Ефимова В.К. Якутский праздник Ысыах: событие, историческая память и советский «ритуал возвращения» // Мат. V Межрегион. научн.-практ. конф. «Сибирь на перекрестье мировых религий», посв. 100-летию профессора НГУ М.И. Рижского. – 2011. – С. 45-56.
19. Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. – 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 1993. – 736 с.
20. Сивцева С.И. Великая Отечественная война в исторической памяти населения Якутии // Общество: философия, история, культура. 2016. № 12. // [Электронный журнал] Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikaya-otechestvennaya-voyna-v-istoricheskoy-pamyati-naseleniya-yakutii> (дата обращения: 07.03.2020).

21. Тишков В.А. Политическая антропология. New York: The Edwin Mellen Press Lewiston-Queenston-Lampeter, 2000. 338 с.
22. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
23. Тишков В.А. Российский народ. История и смысл национального самосознания. – М.: Наука, 2013. – 650 с.
24. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти/ Пер. с фр. и вступительная статья С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.
25. Хамфри К. Изменения значимости удаленности в современной России // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 3. – С. 8-24.

УДК 94(571.56)“18”

«ОБЪЕЗЖАТЬ ВВЕРЕННУЮ ОБЛАСТЬ В ДВА ГОДА ОДИН РАЗ...»: КОНТРОЛЬНО-РЕВИЗИОННЫЕ ФУНКЦИИ ЯКУТСКОГО ОБЛАСТНОГО НАЧАЛЬНИКА (ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX В.)

Васильев А. Д.

Аннотация. В статье впервые на основе архивных источников рассматривается ревизионный надзор в деятельности якутского областного начальника во второй четверти XIX в. Отдаленность якутского региона от центра империи, а также ее обширность ставили необходимость усиления надзора за административными учреждениями области, где, в первую очередь, ответственность легла на «хозяина области». Автор отмечает, что при формировании правовой основы ревизионной деятельности якутского областного начальника царская власть учитывала особенности функционирования данного института власти на северо-востоке Российской империи.

Ключевые слова: областной начальник, надзор, ревизия, административные учреждения, Якутская область, Сибирь, XIX век.

«GOING AROUND THE ENTRUSTED AREA ONCE IN TWO YEARS ...»: CONTROL AND AUDIT FUNCTIONS OF THE YAKUTSK REGIONAL HEAD (SECOND QUARTER OF THE 19TH CENTURY)

Abstract. The article for the first time on the basis of archival data examines audit supervision in the activities of the “owner” of the Yakutsk Oblast in the second quarter of the 19th century – the regional head. The remoteness of the Yakut region from the political centers, as well as its vastness, made it necessary to strengthen supervision over the administrative institutions of the region, where, first of all, the responsibility fell on the regional head. The author notes that when forming the legal basis for the audit activities of the Yakut regional head, the tsarist government took into account the particular functioning of this institution of power in the north-east of the Russian Empire.

Keywords: regional head, supervision, audit, administrative institutions, Yakutsk Oblast, Siberia, XIX century.

22 апреля 1805 г. в ходе реализации реформ первого генерал-губернатора Сибири И.О. Селифонова была образована Якутская область. В указе говорилось: «По великому пространству, разделяющему Якутский край от Главного губернского начальства, дабы доставить обывателем сего края более удобности как в суде и расправе,

так и в других отношениях их к начальству, учредить в городе Якутске особенное гражданское правление под именем Якутского областного правления, которое соединять в себе имеет часть Полицейскую, Судную и Казенную» [6]. Во главе областного правления был поставлен областной начальник, который непосредственно зависел от иркутского гражданского губернатора и Восточно-Сибирского генерал-губернатора. Институт областного начальника в Якутии функционировал довольно продолжительное время, вплоть до 1852 г., когда область стала существовать на правах губернии, и во главе региона был назначен гражданский губернатор.

В условиях беспорядков чиновничьего аппарата в Сибири в начале XIX в, а также отдаленности региона от сановного Петербурга и губернского центра – г. Иркутска ставилась необходимость усиления надзора над территориально огромной Якутской областью. Одним из основных функций якутского областного правления являлась полиция: «надзор над нижним земским судом и частными комиссарами» [6].

Реформы М.М. Сперанского 1822 г. усилили надзор над административными учреждениями в Сибири. Злоупотребления сибирских чиновников не прекращались, и одной из причин являлось «отсутствие действенного надзора за действиями администрации». Для разработки новых проектов управления Сперанский лично объехал большую часть Азиатской России. Он посетил такие города, как Омск, Верхнеудинск, Кяхту, Семипалатинск и др., не считая губернских городов, но в Якутской области он не побывал [14, с. 85-86].

«Сибирское учреждение» 1822 г. наиболее подробно определяло предметную область отношений. На основании реформы предметами деятельности якутского областного начальника являлись: «1) Побуждение к скорому и законному производству дел и взыскание недоимок в окружных управлениях; 2) Обозрения как общие, так и частные окружных управлений; ревизия их дел непосредственно или через чиновников и представление губернскому совету об успехах или упущениях...» [7].

Начальник Якутской области лично проводил ревизию вверенного ему края. Первоначально, якутский областной начальник руководствовался императорским указом от 18 октября 1827 г., согласно которому губернаторы один раз в год были обязаны «объезжать все уездные города, ревизуя в них все присутственные места...». 2 февраля 1829 г. министр внутренних дел А.А. Закревский получил замечание от императора Николая II за то, что данное правило не относится к областному начальнику Якутии. Государь предписал, что достаточно будет ему «объезжать вверенную область в два года один раз». Возможно, это было вызвано обширностью якутского региона. 5 февраля 1829 г. Закревский передал данное предписание императора Восточно-Сибирскому генерал-губернатору А.С. Лавинскому [11, л. 1-9 об.]. Генерал-губернатор проинформировал об этом якутского областного начальника 16 марта 1829 г. и обязал его руководствоваться новыми правилами [9, л. 12].

На основании Сибирской реформы 1822 г. Якутская область состояла из пяти обширных округов: Якутского, Вилюйского, Олекминского и северных – Верхоянского и Колымского. Окружные управления возглавлялись исправниками. В округа входили улусы, которыми ведали инородные управы, во главе которого стояли головы. Улусы делились на наслеги, а последние управлялись родовыми управлениями. После реформы 1822 г. в Якутском округе имелись 109 якутских наслегов и 21 тунгусских «родов», Вилюйском – 35 и 7, Олекминском – 5 и 4, Верхоянском – 34 и 11 и в Колымском – 11 и 19. Следовательно, вся Якутия была разделена на 194 якутских наслега и 62 рода «бродячих инородцев». Всего 17 инородных управ и 256 родовых управлений [13, с. 43].

Перед каждой ревизией якутский областной начальник обязан был информировать министра внутренних дел о поездке в округ и донести результаты проведенно-

го объезда императору: «о найденных порядках и беспорядках», а также «какие сделаны распоряжения к прекращению последнего» [8, л. 12]. При отсутствии начальника областью временно управлял старший советник Якутского областного правления.

Первая ревизия была направлена в Вилюйский округ. 3 ноября 1828 г. областной начальник Н.И. Мягков «по первовыпадшему снегу» выехал из г. Якутска для ревизии окружного и инородческого управления. Мягков писал, что объехал 1200 верст. Замечаний по окружному управлению выявлено не было, отмечалось, «что производство дел в должном порядке», а «казенные имущества в целости». Жалоб от коренных народов не наблюдалось, между тем отмечалось, что они благодарны местному управлению округа. По инородческому управлению также не было выявлено нарушений, Мягков отмечал, что управление «основано на точных правилах Устава об инородцах», «жалоб на несправедливость онаго не поступало и по отзывам инородцев они управлением родоначальников своих довольны», «недоимок за прежнее время нет» и что он «отдает полную справедливость инородцам онаго в правильности понятий и действий их по Уставу». 23 ноября якутский областной начальник возвратился в г. Якутск. Результаты ревизии Олекминского округа, который областной начальник объезжал с 9 по 17 марта 1829 г., были аналогичны с предыдущим округом. Документ был сформирован по шаблону Вилюйского отчета [11, л. 4-14].

Таким образом, якутский областной начальник периодически был обязан выезжать за пределы г. Якутска. В 1829 г. декабрист М.И. Муравьев-Апостол вспоминал, возвращаясь из г. Вилюйска, о том, что Мягков отсутствовал в г. Якутске. Весьма вероятно, что областной начальник в это время занимался ревизией области [3, с. 68].

Политика реализации положений «Устава об управлении инородцев» 1822 г. в Якутии непосредственно отразилась и на характер содержания отчета о ревизии. Мягкову при вступлении в должность областного начальника было поручено тщательно заботиться о внедрении «Устава» в регионе. Аналогично было и с содержанием ежегодных отчетов областного начальника, который подавался управляющему МВД, где и также отражалась информация о проделанной ревизии как отдельного пункта.

Активное участие в ревизионной деятельности принимали и чиновники по особым поручениям. В 1829 г. Мягков совместно с Ф.П. Булатовым побывали в Борогонском и Ботурусском улусах Якутского округа с ревизией делопроизводства управ, проводили встречи с коренным населением [5, с. 72]. Для обозрения самого удаленного Удского края был командирован и другой чиновник по особым поручениям – А.Я. Уваровский. По итогам его ревизии было решено областным начальником Мягковым провести обустройство данного края [2, с. 69].

Однако после отъезда Н.И. Мягкова из Якутии проведение систематических ревизий по области прекратилось. По сведениям за 1834 г. управляющего Якутской областью И.Н. Веригина последняя ревизия была проведена в 1830 г., что было связано с отставкой Мягкова в 1831 г. и смертью областного начальника В.Н. Щербачева в 1833 г. [10, л. 9].

Согласно предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири Н.И. Сулима в 1834 г. область был обязан ревизовать и вновь определенный областной начальник И.Д. Рудаков, который в последующем управлял Якутией продолжительное время. Сулима предписал Рудакову объезжать область совместно с чиновником по особым поручениям Главного управления Восточной Сибири П.П. Сукачевым и с другим служащим, назначаемым областным начальником. Особое внимание при «обревизовании» необходимо было обратить на следующее: «1) Соблюдается ли в производстве и решении дел законный порядок; 2) Нет ли упущения по делам казенное хозяйство

составляющим, во вред казне; 3) Доставляется ли по частным делам своевременно правосудие по законам; 4) Не существует ли вообще злоупотреблений по управлениям...». Планировалось проводить ревизию лишь по трем ближайшим округам, а не северным, как и ранее наблюдалось – Якутскому, Вилюйскому и Олекминскому [4, л. 1-2].

Вероятно, самой последней являлась ревизия 1849 г., проведенная областным начальником Н.Я. Каргопольцевым в Вилюйский округ согласно предписанию другого восточносибирского генерал-губернатора – Н.Н. Муравьева-Амурского [12, л. 45].

В Якутию обязаны были выезжать с систематической ревизией также иркутские гражданские губернаторы. В «Сибирском учреждении» 1822 г. к обязанностям иркутского губернатора было прописано: «Обозрения, как общие, так и частные всех местных управлений, как губернских, так областных и окружных, и ревизия их дел или непосредственно, или через чиновников, а в важных случаях составлением из них следственных комиссий. Ревизия дел в местах губернского управления производится гражданским губернатором не иначе, как лично или через членов губернского совета» [7]. В «Своде законов Российской империи» было прописано, что Тобольская, Томская, Иркутская губернии и Туруханский край Енисейской губернии обзревается местными губернаторами один раз в два года. Губернатор в 1-й год ревизовал округа по Московскому тракту до границ Енисейской губернии, во 2-й - Забайкальские и Нерчинские округа, а также пограничные линии, а «за тем в продолжении сих двух лет, он при всей деятельности не в силах будет без упущения по своей должности, посетить Якутскую область, отстоящую от Иркутска на пространстве 2700 верст». В связи с этим в 1837 г. генерал-губернатор С.Б. Броневский предложил ревизовать Якутию иркутскому губернатору один раз в три года, чтобы губернатор смог успеть объездить всю обширную губернию [8, л. 1-5 об.].

Приезжал с ревизией и сам С.Б. Броневский, до его приезда Якутия не ревизовалась генерал-губернаторами. Кроме этого в 1844 г. в Якутской области работала единственная за весь период сенаторская ревизия сенатора И.Н. Толстого. Сенаторская ревизия являлась формой чрезвычайного надзора за деятельностью органов власти. В результате ревизии Толстого были обнаружены многочисленные беспорядки в управлении областью, «выявлены факты и масштаб злоупотреблений на локальном уровне управления, превышение должностных полномочий всех уровней местной власти, факты хищений и покровительство областной администрации нарушителям закона» [1, с. 287].

Итак, со второй четверти XIX в. областной начальник начинает проводить ревизию Якутской области один раз в два года, не основываясь, таким образом, на общие правила для губернаторов Российской империи, по которому было предписано объезжать вверенный ему регион ежегодно. В условиях удаленности и огромности региона ревизионная деятельность местного начальника имела весьма важное значение. Кроме того, Якутию до 1830-1840-х гг. с осмотром не объезжали ни генерал-губернаторы, ни ревизующие Сибирь сенаторы.

Отчет о ревизии отправлялся в адрес императора, где проводником в этой коммуникативной цепи являлся министр внутренних дел. Происходит усиление влияния данного министерства в административно-полицейской деятельности начальника Якутской области. Российское правительство рассматривало «обревизование» якутского региона областным начальником как механизм контроля над местными органами власти, рассчитывая в будущем на ее систематическое проведение. Однако частые кадровые перестановки и отдаленность округов становились проблемой в реализации данной задумки. К примеру, на практике на северные округа ревизии практически не распространялись. В целом, надзирательная деятельность над админи-

стративными учреждениями огромной Якутии во второй четверти XIX в. сопровождалась сложностями. Результаты сенаторской ревизии И.Н. Толстого в 1840-е гг. и предпосылки административной реформы генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского в 1851 г. по преобразованию Якутии были непосредственно связаны с существовавшими проблемами в системе якутского управления.

Примечания:

1. Архипова А.И., П.П. Петров. Сенаторская ревизия И.Н. Толстого Якутской области в 1844 году // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 271-290.
2. Васильев А.Д. Якутские областные начальники и их ближайшее окружение // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2019. – Т. 29. – С. 65-71.
3. Декабрист М.И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Предисл. и прим. С. Я. Штрайха. – СПб.: Былое, 1922. – 96 с.
4. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 13-и. Оп. 1. Д. 57.
5. Петухова З.И. Якутская Степная Дума. – Якутск: Көмүөл, 2007. – 192 с.
6. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. I. 1805. Т. XXVIII. № 21726.
7. ПСЗРИ. Собр. I. 1822. Т. XXXVIII. № 29125.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 217.
9. РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 177.
10. РГИА. Ф. 1284. Оп. 19. Отд. III. Ст. 2. Д. 28.
11. РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1829. Д. 230.
12. РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 974.
13. Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII-середине XIX в. – М., 1978. – 258 с.
14. Сибирь в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.

УДК 35.084.3

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ БУЛАТОВ: К БИОГРАФИИ ЧИНОВНИКА ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Архипова А. И., к.и.н.

Аннотация: В статье рассмотрена биография и административная карьера чиновника Виктора Николаевича Булатова, занимавшего пост губернатора Якутской области в 1903-1906 гг. На основе вводимого в научный оборот формулярного списка показаны основные этапы его службы, предшествующей назначению губернатором. Уделено внимание исполнению дополнительных обязанностей и особых поручений, дана характеристика социального портрета чиновника. Автор использует актуальный в биографических исследованиях просопографический подход, с этой позиции судьба Булатова рассмотрена как одного из представителей социальной группы чиновничества, а также элементы традиционного биографического очерка.

Ключевые слова: В.Н. Булатов, управление, Восточная Сибирь, Иркутское генерал-губернаторство, Якутская область, чиновник, губернатор, биография.

VICTOR NIKOLAEVICH BULATOV TO THE BIOGRAPHY OF THE EASTERN SIBERIA OFFICIAL

Abstract. The article examines the biography and administrative career of the official Viktor Nikolaevich Bulatov, who served as the governor of the Yakutsk region in 1903-1906. Based on introduced into scientific circulation of the formulary sheet, the main stages of his

service prior to his appointment as governor are shown. The attention to the performance of additional duties and special assignments is paid, the characteristics of the social portrait of an official are given. The author uses elements of a traditional biographical sketch and prosopographic approach that is relevant to biographical research, from this position, the fate of Bulatov as one of the representatives of the social group of official is considered.

Keywords: V.N. Bulatov, management, Eastern Siberia, Irkutsk governor-general, Yakutsk region, governor, biography.

Современная историография продолжает уделять большое внимание личностным аспектам губернаторской власти. Обращение к прошлому бюрократического аппарата позволяет рассмотреть некоторые аспекты кадровой политики в регионе. Губернатор занимал особое место в административной иерархии Российской империи, значимость данной должности предопределяла особые требования к кандидатам на данный пост, одним из важных критериев являлся их административный опыт. Принимая во внимание специфику Якутской области, связанную с удаленностью региона от центра империи и генерал-губернаторства, низкой плотностью населения, мозаичностью его расселения, наличием ссылки, сюда предпочитали назначать опытных чиновников, имеющих представление об условиях и особенностях управляемой территории.

Биография В.Н. Булатова не была объектом специального изучения, о нем упоминалось лишь в контексте исследований отдельных событий истории Якутии рассматриваемого периода. Тем не менее, его судьба как чиновника, ставшего губернатором Якутской области, представляет значительный интерес.

Виктор Николаевич Булатов происходил из потомственных дворян, исповедовал православие, получил образование в иркутской губернской гимназии. 14 августа 1868 г. был принят на службу во второе отделение Главного управления Восточной Сибири (ГУВС). Далее был назначен помощником столоначальника третьего отделения, произведен в коллежские регистраторы. В апреле 1871 г. назначен исправляющим должность письмоводителя в управление строительной и дорожной частями Восточной Сибири. В 1872 г. за выслугу лет произведен в губернские секретари со старшинством. С марта 1873 г. назначен столоначальником первого отделения ГУВС. Профессиональные качества чиновника не остались незамеченными и В.Н. Булатова активно привлекали к реализации ответственных поручений. В 1874 г. ему поручили выяснить сумму сборов, производимых в учреждениях иркутской городской полиции, и представить свое заключение о количестве сверхштатных расходов по окончании работы. Как следует из документа, он успешно выполнил данное задание [1, л. 4]. В марте 1875 г. генерал-губернатор Восточной Сибири взял Булатова для работы в своей путевой канцелярии во время поездки в Амурскую и Приморскую области. А 16 ноября включил его делопроизводителем в состав особой комиссии по пересмотру штатов Управления Нерчинскими ссыльнокааторжными. Комиссия занималась проектированием новых штатов управления каторжными на Нерчинских заводах и рудниках по производству серебряных и свинцовых руд. Данное поручение комиссия закончила в мае 1876 г., в этом же году Булатов был произведен за выслугу лет в коллежские секретари со старшинством.

В июне 1877 г. Булатов был командирован в Санкт-Петербург для сопровождения первого каравана с частным золотом, отправленного на монетный двор. Пользуясь нахождением чиновника в столице, генерал-губернатор вновь определил его в свою путевую канцелярию, в которой тот проработал по январь 1878 г.

В январе 1879 г. Булатов был произведен в титулярные советники. В дополнение к его прямым обязанностям, генерал-губернатор П.А. Фредерикс включил Булатова

в состав комиссии, созданной при окружном штабе Восточно-Сибирского военного округа, для разработки вопроса о привлечении инородцев Восточной Сибири к воинской повинности.

В феврале В.Н. Булатов совместно с окружными исправниками занимался поиском подрядчиков для содержания шести почтовых станций Иркутского, Верхотурского, Балаганского округов. В этом же году его назначили старшим чиновником особых поручений при ГУВС. В должностные обязанности чиновника по особым поручениям входили контрольно-инспекторские функции, и ряд обязанностей, не распределённые между чиновниками аппарата управления.

Летом генерал-губернатор назначил Булатова управляющим путевой канцелярии во время обзора Забайкальской области. Во время данной ревизии непосредственно Булатов занимался проверкой Селенгинского окружного полицейского управления, Троицкосавского городского и окружного полицейских управлений, городской больницы, тюремного помещения. Проверкой наличных денег, документов и казенного имущества Кяхтинского уездного казначейства и Урлукского волостного правления Верхнеудинского округа. По окончании ревизии он подготовил рапорт и подробные записки о проделанной работе.

В ноябре-декабре 1879 г. работал в составе комиссии по составлению предложения об устройстве путей сообщения и колонизации на острове Сахалин. В период с августа по июль 1880 г. управлял первым отделением ГУВС, за отличную работу получил благодарность генерал-губернатора Д.Г. Анучина и чин коллежского асессора.

В 1881 г. Булатов традиционно управлял путевой канцелярией генерал-губернатора во время поездки для обозрения Забайкальской, Амурской и Приморской областей. Был назначен исполняющим должность члена совета ГУВС управляющим первым отделением.

Чинопроизводство в XIX в. регламентировалось «Положением о порядке производства в чины по гражданской службе», и «Уставом о службе гражданской» [3, 4]. Согласно законодательству, при успешной службе, чиновник мог получить следующий чин быстрее. Так, 16 марта 1882 г. Булатов, за отличную усердную службу и особые труды, «вне правил» получил чин надворного советника [1, л. 10]. В мае 1885 г. чин коллежского советника.

В июле 1886 г. Булатов по поручению генерал-губернатора А.П. Игнатьева проводил ревизию делопроизводства Иркутского приказа общественного призрения, составлял подробные сведения о капиталах и способах расходования средств заведениями подведомственными Приказу.

В июне 1887 г. Булатов был отправлен на службу в Енисейскую губернию председателем губернского правления. Здесь, в 1888 г. постановлением красноярской городской думы его избирали членом попечительского совета красноярской женской гимназии. В этом же году он получил чин статского советника. На службе в губернии Булатов приобрел опыт работы в губернаторской должности. С 25 июля 1888 г. по 15 июня 1890 г. исправлял должность енисейского губернатора, в связи с отъездом в отпуск и последующим увольнением генерал-лейтенанта И.К. Педашенко. Также периодически замещал губернатора во время его командировок [1, л. 12].

24 января 1891 г. приказом Министерства внутренних дел был назначен «для пользы службы» председателем иркутского губернского правления. По мнению исследователей, перемещение чиновников между губерниями являлось частой практикой. На этой должности, он заменял иркутского губернатора в 1891, 1894, 1895 гг. В январе 1894 г. получил чин действительного статского советника. Круг интересов Булатова был достаточно широк, помимо службы он принимал активное участие в развитии культурной жизни г. Иркутска. Был режиссером и входил в состав правле-

ния общества любителей музыки и литературы, а в 1891 г. был избран председателем правления и возглавлял его на протяжении ряда лет [2, с. 120]. Общество занималось организацией музыкально-литературных вечеров, любительских концертов, которые пользовались успехом у местной публики. Булатов был весьма предан обществу, под его председательством оно внесло большой вклад в формирование музыкального вкуса горожан.

12 октября 1895 г. В.Н. Булатов был назначен иркутским вице-губернатором, эту должность он занимал дважды с 1895 по 12 июля 1897 г., с 11 декабря 1901 г. по сентябрь 1903 г. Здесь работал с К.Н. Светлицким, бывшим якутским губернатором.

С 1 июля 1897 г. был назначен почетным мировым судьей иркутского окружного суда сроком на три года и правителем канцелярии Иркутского генерал-губернатора, где находился до января 1902 г. По окончании ему была объявлена «большая сердечная признательность» генерал-губернатора за постоянное усердное отношение к долгу службы [1, л. 15].

Высочайшим указом от 29 августа 1903 г. К.Н. Булатов был назначен якутским губернатором, вместо уволенного по состоянию здоровья В.Н. Скрыпицына. В г. Якутск прибыл 24 сентября. Таким образом, к моменту назначения губернатором Виктор Николаевич Булатов имел солидный опыт «беспорочной» сибирской службы. Данное назначение явилось пиком его карьеры, прослужив в области три года, по собственному прошению, 28 октября 1906 г. был уволен от службы с мундиром и положенными в этом случае выплатами.

В формулярном списке записано, что Булатов в походах против неприятеля не был. Отпуска проводил в пределах Иркутской губернии и европейской России, возвращался вовремя. Наказаниям, взысканиям по службе не подвергался. За службу был награжден следующими орденами: Кавалер ордена Святого Станислава, учрежденного главным образом для отличия чиновников 1, 2 и 3 степени; Святой Анны 1 и 2 степени; Святого Владимира 3 и 4 степени. Имел медали для ношения на груди: серебряную на Александровской ленте в память Александра III, темно-бронзовую на ленте из государственных цветов за труды по первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и др. Владел родовым имением в 915 десятин 1000 квадратных сажень земли в Иркутской губернии [5].

Личная жизнь у В.Н. Булатова была вполне благополучная. Он женился на дочери коллежского советника Артемии Ильиничне Анатовской. В браке у них родилось трое детей, дочери: Ольга 17 июня 1872 г., Вера 18 января 1881 г., Надежда 31 мая 1893 г. (рано умерла – *авт.*). Жена и дети также были православного вероисповедания.

Таким образом, проведенный биографический очерк показал, что В.Н. Булатов, окончив гимназию, сразу поступил на службу, где показал себя ответственным чиновником, построил карьеру от помощника столоначальника до губернатора. Профессиональные качества В.Н. Булатова ценили все генерал-губернаторы, с которыми он работал, он сопровождал во время ревизии П.А. Фредерикса, управлял путевой канцелярией Д.Г. Анучина, был правителем канцелярии при А.И. Пантелееве. Успешно исполнял разнообразные ответственные поручения. Посвятил гражданской службе в Сибири тридцать восемь лет своей жизни. Покинул пост губернатора по собственному прошению, с формулировкой по состоянию здоровья, как и половина якутских губернаторов. К моменту назначения на губернаторский пост В.Н. Булатов был уже состоявшимся опытным чиновником, прекрасно разбирался в делопроизводстве, был знаком со спецификой области. Полученные служебные навыки пригодились ему при разработке вопроса введения земских учреждений в области. Период его управления не был простым и совпал с событиями Первой русской револю-

ции. В Якутске произошел романовский протест, проводились митинги и демонстрации. В этих условиях губернатор должен был проявлять как выдержку и твердость, так и некоторую гибкость в решении отдельных вопросов.

Административный опыт В.Н. Булатова представляется достаточно интересным и может быть востребован в плане общей характеристики истории управления Восточной Сибирью рассматриваемого периода. Вехи его биографии дают дополнительный материал для раскрытия особенностей кадровой политики Российской империи, направленной на формирование губернаторского корпуса. При этом анализ управленческой практики чиновника на посту губернатора Якутской области еще предстоит.

Примечания:

1. Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 10. Д. 175.
2. Кузнецов А.А. Чиновники МВД в культурной жизни г. Иркутска во второй половине XIX века// Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2017. – №4. – С. 118-122.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 9. Отд. 1. №7224.
4. Свод законов Российской империи. Том. III. Устав о службе гражданской. СПб. – 1857. – 1416 с.
5. Список гражданским чинам IV класса. 1907 г.

УДК 352.075.2(571.56-25) «1915/1916»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВОДОСНАБЖЕНИЯ ЯКУТСКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1915 – 1916 ГГ.)

Саввинов П. О.

Аннотация. Статья посвящена деятельности Якутского городского самоуправления по обеспечению водоснабжения в период Первой мировой войны (1915–1916 гг.). Рассмотрена историография проблемы. Отдельно показаны проблемы, существенно влиявшие на эффективность обеспечения водоснабжения Якутска. На основании результатов исследования автор приходит к выводу, что существовавшая с 1916 г. система мероприятий по организации водоснабжения, строительство водокачки с фильтром и сооружений водокачки явились важным вкладом органов городского самоуправления в развитие благоустройства и улучшение санитарно-гигиенического состояния города.

Ключевые слова: водокачка, водоснабжение, органы городского самоуправления, Городская Управа, Городская Дума, река Лена, протока Хатыстах, речные наносы, инфекционные болезни.

Activities of the City Public Administration to ensure water supply to Yakutsk during the First World War (1915 - 1916)

Abstract. The paper deals with the activities of the Yakutsk city self-government for providing water supply during the First World War (1915 – 1916). Based on the results of the study, the author concludes that the system of measures for the organization of water supply and the construction of water pumping station with filter and water pumping facilities was a significant contribution of the city self-government to the development of the municipal infrastructure and improvement of the sanitary and hygienic condition of the city.

Keywords: water-pumping station, water supply, city self-government, City Council, City Duma, Lena river, Khatystakh duct, river loads, infectious diseases.

В дореволюционной России город Якутск был одним из провинциальных малонаселенных городов Сибири на северо-востоке империи с населением 9254 чел. (в 1911 г.). На рубеже XIX – XX вв. существовали трудности с обеспечением городского населения Якутска чистой питьевой водой. Несмотря на то, что город был расположен на левом берегу р. Лена в долине Туймаада с многочисленными озёрами, крупнейшими из которых являлись Сайсары, Тёплое, Талое, Хатын-Юрях, Сергелях. Основной функцией органов городского общественного управления было обеспечение развития коммунальной инфраструктуры, в том числе системы водоснабжения. Отсутствие в Якутске централизованной системы водоснабжения ухудшало санитарно-гигиеническую обстановку города, что влияло на комфортное проживание и здоровье городских жителей.

Историография проблемы. Среди отечественных исследователей проблематика сибирских городов всегда вызывала интерес, начиная с последней четверти XIX в. благодаря работам К.М. Голодникова, Н.А. Кострова, Г.Н. Потанина, В.П. Сукачева и Н. В. Турчанинова [3; 7; 19; 22; 24]. Авторы данных работ представили фактические сведения о населении и состоянии экономики сибирских городов. В советский период проводилось крайне мало исследований, посвященных дореволюционному городскому самоуправлению в Сибири. Работы этого периода были сугубо региональные, о самоуправлении вспоминали лишь в связи с юбилеем городов. Например, исследование Г.А. Попова, подготовленное к 300-летию юбилею города, в нем органы городского самоуправления не являлись объектом специального исследования, а рассматривались как часть истории города Якутска [14, с. 89–90]. В 1950 г. в своей работе специалист по истории и этнографии Якутии О.В. Ионова характеризовала деятельность органов дореволюционного городского самоуправления Якутска во главе С.П.А. Юшмановым как «антинародное». Автор отметил медленное развитие города в дореволюционный период [4, с. 20]. В конце 1960-х гг. начинается фундаментальная разработка региональной истории. В обобщающем труде «История Сибири» проблемы городского самоуправления излагались весьма отрывочно, в целом характеризовались как не самостоятельные органы местной власти, а как вспомогательные органы правительства в деле управления городским хозяйством [6, с. 74]. Новосибирская школа урбанистики (О.Н. Вилков, И.А. Коновалов, А.П. Толочко и др.) создала концепцию поэтапного развития сибирского города, подняла проблему многоукладности городской экономики, актуальности изучения органов самоуправления [5; 21; 23]. В Западной Сибири одним из перспективных направлений в исследовании органов городского самоуправления является эффективная эксплуатация городского хозяйства (водопровод, скотобойни, аптеки и т.д.) и их специфика в экстремальной ситуации Первой мировой войны [26, с. 5-11]. В изучении восточносибирских городов (Иркутск, Красноярск, Чита, Якутск и др.), к сожалению, подобные исследования практически отсутствуют. Стоит выделить труды специалиста по истории г. Якутска П.П. Петрова, в которых историк обзорно и более объективно рассмотрел деятельность органов городского самоуправления Якутска (Якутская городская дума и управа) по развитию и эксплуатации городского хозяйства [16, с. 79-91; 17, с. 32-37]. По мнению Петрова, большая часть административно-хозяйственной деятельности городской думы и управы шла вразрез с нуждами большинства горожан [16, с. 84]. Несмотря на это, исследование городского самоуправления Якутска остается малоизученным в историографии.

Продолжая начинания предшественников по разработке проблем в области истории городского самоуправления в северо-восточном регионе России, в данной статье впервые рассматривается деятельность городского самоуправления по обеспечению водоснабжения Якутска в 1915 – 1916 гг.

Проблемы, существенно влиявшие на эффективность обеспечения водоснабжения Якутска. К 1915 г. в Якутске было много причин, вызывающих большие трудности по обеспечению городского населения чистой питьевой водой. Ежегодно в период летне-осенней межени (низкий уровень воды в реках и озерах – *авт.*) р. Лена пересыхала и из-за отсутствия дождевого питания, река разбивалась на ряд разобщенных между собой плёсов [20, с. 16-17]. Плоскодонные паузки, обслуживавшие большие транспорты, например, в июле 1915 г. не могли приблизиться к городу [27]. Река Лена выносила в район своей дельты довольно большое количество грунтовых частиц [20, с. 28]. С 1908 г. в Хатыстахской протоке стали образовываться речные наносы. В результате формировались аккумулятивные русловые образования, так называемые косы-бары, отличающиеся исключительным мелководьем, и за последние годы протока настолько мелела, что к осени была недоступна не только для пароходов, но и для других мелких судов [20, с. 28; 15, с. 121]. Например, в газете «Якутская окраина» сообщалось, что в августе 1915 г. из-за мелководья на городской протоке застряли один пароход и одна баржа [28]. К началу XX в. русло р. Лена изменилось, что также повлияло на водоснабжение. На участках прежнего русла в начале XX в. в верхней части города образовались пойменные озёра (Богородицкое, Белый песок, Белое озеро, Мельничное и др.). В период весеннего половодья вся местность с озерами и речкой Чепаловкой затапливалась водой, лес разлагался и загрязнял городскую протоку [9, л. 25].

Близлежащие озёра от города (Талое, Богородицкое, Сайсар, Белый песок, Белое озеро, Сергеляхское, Мельничное и др.) и речка Чепаловка имели стоячую воду, с разлагающимися растительными и органическими веществами [9, л. 27]. По воспоминаниям врача-акушера, писателя П.С. Алексеева (1849 – 1913 гг.) эти озёра содержали горько-соленую воду и отдавали запахом серы [1]. Например, ещё в сентябре 1914 г. городские обыватели жаловались на то, что подвозная вода из речки Чепаловка, совершенно не годна к употреблению [29]. В 1915 г. санитарная комиссия заявила, что они не дают гарантии в том, что водовозы не возят питьевую воду из озёр Талое, Богородицкое, Сайсар [9, л. 27]. В целом, вода в городе была мутноватой, слегка желтоватой и с подозрительным вкусом и запахом [9, л. 25]. С целью употребления чистой воды зимой горожане предпочитали запасаться на лето льдом с р. Лена, которую хранили в погребках [15, с. 218].

Весной единственным источником для питьевой воды оставалось место возле Якутского Спасского мужского монастыря. В конце лета и осенью менее загрязненным источником питьевой воды города был водоем, который находился ниже по течению р. Лена возле участка винной монополии (винный склад) у Громовской заимки [9, л. 25-26]. Однако недостатками этого пункта водоснабжения являлись следующие: во-первых, данный источник находился в 0,5 верст (533,4 м.) ниже бойни; во-вторых, располагался ниже всех источников загрязнения; в-третьих, был сравнительно удален от города, особенно от северо-восточной и юго-западной частей города [9, л. 26]. Устроенные городским самоуправлением водозаборные сооружения (мостики) страдали рядом технических и санитарных недостатков: крутой спуск; отсутствие сооружений, препятствующих забору воды непосредственно у берега и попаданию в воду нечистот [9, л. 17]. Ежегодно в городской бухте останавливалось около 30 судов (пароходы, баржи и торговые паузки), откуда сбрасывались в воду отходы кухонного хозяйства и отхожих мест [9, л. 11, 26]. Еще одним источником за-

грязнения была городская бойня. На бойне у края берега городской протоки, были врыты в землю деревянные ящики, не предназначенные для жидких отходов (кровь и биологические отходы животных) и все отходы из этих ящиков просачивались в почву и заражали воду на городской протоке. Попадание нечистот в воду способствовало размножению болезнетворных микробов кишечной тифозной палочки и палочки злокачественного отека [9, л. 26]. Поэтому городские обыватели предпочитали брать воду из озёр, расположенных на заливных лугах противоположного берега протоки (озеро Белый песок, водоем у местности Кютердыхъ, Баишевское озеро) и речка Чепаловка [9, л. 26].

Загрязнение питьевого источника стало фактором водного пути распространения инфекционных болезней среди населения. Водные вспышки брюшного тифа были возможны при загрязнении реки поверхностными сточными водами в населенных пунктах, расположенных по течению реки ниже места ее загрязнения и охватывали ограниченную территорию, связанную общим источником водопользования [2]. Водный путь распространения дизентерии характеризуется острым подъемом (вспышка или эпидемия) и относительно быстрым падением заболеваемости. Однако заражение воды открытых водоемов может быть длительным за счет постоянного проникновения в них нечистот. В этих случаях заболеваемость данной инфекционной болезнью приобретает хронический характер, хотя в летнее время, особенно в сезон купания, могут наблюдаться подъемы заболеваемости [2].

Лабораторные исследования Ветеринарного отдела областного управления выявили различные «болезнетворные бактерии», среди которых были и кишечные палочки родственные тифозным палочкам [9, л. 30]. С 1902 по 1914 гг. брюшным тифом болели 374 человека, дизентерией 465 человек, а эпидемическим гастроэнтеритом 1070 человек. Число заболевших инфекционными заболеваниями в 1914 г. составляло около 4,5 % всего населения города 9254 чел., для малонаселенного города процент заболевших был очень большим [9, л. 29]. Осенью 1915 г. в городе было выявлено несколько случаев заболевания брюшным тифом [9, л. 14]. Санитарной причиной этих заболеваний были местные условия, в частности употребление некачественной воды.

Проекты по снабжению города питьевой водой. Итак, в начале XX в. в Якутске в связи с загрязнением практически всех близлежащих источников водоснабжения, обострился вопрос снабжения питьевой водой. В 1907–1912 гг. городское самоуправление было буквально занято «водоисканием». Руководствуясь Городовым положением 1892 г., Городская Дума возложила предварительное рассмотрение проблемы на исполнительную комиссию из гласных [18, с. 442]. В 1907–1908 гг. комиссией Якутской Городской Думы проведена сравнительная оценка двух проектов. Первый проект заключался в проведении ключевой воды из Маховой пади рудничным способом с помощью желобов, однако наблюдения показали, что воду можно было получить оттуда только в дождливые годы и потому комиссии пришлось отказаться от данного проекта.

Второй проект предусматривал устройство паровой водокачки с фильтром на берегу реки Лена. В 1908 г. проект нашел в себе практическое осуществление и на берегу протоки Хатыстах оборудовали временную водокачку без фильтра работавшую только летнее время года. В дальнейшем предполагалось установить у Осенней пристани водокачку с песчаным английским фильтром с предполагаемой производительностью 50 000 ведер в сутки, то есть 614 970,5 литров (на 1902 г.), но в 1909 г. проект этот отпал, так как обнаружилось пересыхание Хатыстахской протоки из-за речных наносов [9, л. 31]. 31 июля 1909 г. в результате этого городская дума отказалась от проекта водокачки у Осенней пристани.

В 1910 – 1911 гг. Городская Дума постановила через Городскую Управу возбудить ходатайство перед Правительством о выдаче городу Якутску беспроцентной ссуды на 30 лет из пожарного капитала в размере 30 000 руб. Однако Министерство отказало в выдаче ссуды, так как данный капитал был предназначен для оборудования пожарных обозов. В 1912 г. Городской Думой рассматривался и был отклонен еще ряд бесперспективных проектов: переброски воды из речки Чепаловки в городской лог и озеро Сайсар, изменении русла р. Лена [9, л. 32]. В 1913 г. данный вопрос поднимался городской общественностью. В газете «Якутская окраина» сообщалась, что один из совладельцев пивоваренного завода Йозефа Бартля (возможно Вячеслав Черногорский) вел переговоры с пражским водопроводным заводом о бесплатной аренде бура для поиска артезианской воды, но проблема была в доставке оборудования с Праги до Якутска и обратно [30].

По словам Якутского губернатора И.И. Крафта (1859–1914 гг.) «разрешение этого жгучего вопроса представляет для городского общественного управления своего рода заколдованный круг, из которого оно никак не может выйти» [9, л. 30].

Устройство водокачки. К 1915 г. бюджет города значительно вырос: 1910 г. – 60278 руб. 49 коп., 1911 г. – 67159 руб. 79 коп. [10, Л. 54-55]. 1915 г. – 157458 руб. 63 коп., 1916 г. – 140360 руб. 7 коп. [11, Л. 167; 12. Л. 9]. В Якутской городской управе отсутствовали отделы, которые регулярно занимались бы вопросом водоснабжения. Поэтому в соответствии с Городовым положением от 1892 г. при отсутствии в городской управе отделов заведующих городским хозяйством думой для управления ими назначались особые исполнительные комиссии. Данные комиссии возглавлялись одним из членов городской управы или по предложению думы особым лицом. Исполнительные комиссии подчинялись Управе, действовали на основании инструкций городской думы и приступали к исполнению возложенных на них обязанностей с разрешения губернатора [18, с. 448-449]. В мае 1915 г. городская дума, по ходатайству гласного думы В.М. Диваева, создала особую санитарную комиссию с целью решения вопроса о чистой воде. Членами комиссии были избраны гласные думы городской врач В.М. Диваев, титулярный советник А.А. Кротов, есаул А.И. Казанцев. С января 1916 г. вместо выбывшего А.А. Кротова избран гласный В.А. Панкратьев [9, л. 3-7].

Тем временем, 7 и 10 августа 1915 г. по распоряжению Якутского губернатора Р.Э. фон Витте Врачебным Отделением был произведен санитарный осмотр берега р. Лена и близ лежащих озёр (Белый песок, Баишевское и др.), где берутся городскими обывателями питьевая и хозяйственная вода [9, л. 49]. По результатам осмотра комиссией было выявлено, что к осени 1915 г. город в силу своего местоположения не располагает качественной проточной водой. 25 сентября 1915 г. по приказу Якутского губернатора Р.Э. фон Витте, Якутская городская управа закрыла все спуски к протоке р. Лена около скотобойни, где горожане брали воду. Единственным источником питьевой воды был водоем у местности Кютердыхъ [9, л. 14]. Несмотря на эти меры, горожане продолжали брать воду из загрязненной городской протоки.

В марте 1916 г. санитарная комиссия внесла в старый проект устройства городской водокачки существенные изменения: водокачка должна работать не только летом, а в течение всего года; должна быть расположена недалеко от электрической станции и водных источников и включать песчаную и химическую очистку воды. Рекомендовано было установить американскую систему быстрых песчаных фильтров. Приемлемым вариантом для г. Якутска считалось 50 000 ведер в сутки, то есть 614 970,5 л. (на 1902 г.), из расчета в сутки на одного человека 5 ведер (61,49705 л.) [9, л. 33].

23 марта 1916 г. по предложению санитарной комиссии городская дума постановила провести следующие практические мероприятия: 1) запрет сброса на берег навоза; 2) выбор новых мест для свалки нечистот, выгребных ям; 3) перенесение мест остановки речных судов; 4) перенос бойни; 5) контроль над водовозами; 6) устройство водокачки с американским фильтром [9, л. 43]. Органы городского самоуправления провели переговоры с фирмой «Нептунъ» из г. Москвы по вопросам закупки и поставки в область фильтра американской системы «Джуэлль». Фирма предложила городу фильтровальную систему в двух вариантах. Первый вариант с производительностью 72 000 ведер в сутки, то есть 885 557,52 л. (на 1902 г.), а второй вариант с мощностью в 50 000 ведер в сутки, то есть 614 970,5 л. (на 1902 г.) [9, л. 35]. Ввиду увеличения дохода города за 1915 г. органы городского самоуправления смогли дополнительно предусмотреть в смете расходов на 1916 г. средства на сумму 20 000 руб. для покупки оборудования фильтровальной станции американской системы «Джуэлль» с мощностью в 50 000 ведер в сутки, и на постройку здания длиной 6 сажень (12,8016 м.), шириной 3,5 сажень (7,4676 м.), высотой 4,3 сажень (9,17448 м.) на берегу р. Лена, напротив городской электрической станции [9, л. 41]. На эти средства были построены: деревянное помещение на столбах, изба для рабочих и сторожа водокачки и приобретен оцинкованный бак [13, л. 19]. В целях регулирования водоснабжения в городе была введена система ярлыков. 27 июня 1916 г. на берегу протоки Хатыстах Якутское городское общественное управление открыло водокачку для снабжения жителей города питьевой водой с платою по 5 коп. с посуды [9, л. 49]. Для получения воды Городской Управой выдавались ярлыки. Бесплатным источником питьевой воды являлся водоем у местности Кютердыхъ. Городская управа постановила закрыть все спуски на всех протоках и озерах, кроме протоки Хатыстах и водоема у Кютердыхъ. Виновные в использовании воды из выше указанных мест привлекались к ответственности [9, л. 50]. Данная система водоснабжения городского населения просуществовала до ввода в Якутске водопроводной сети в 1944 г. [13, л. 19].

Таким образом, в начале XX в. одной из ключевых проблем г. Якутска являлось водоснабжение. Несмотря на финансовые трудности с 1907 г. Якутским городским общественным управлением предпринимались различные меры, по решению данного вопроса. Из-за отсутствия в Якутской городской управе отделов, которые регулярно занимались бы вопросом водоснабжения, Городской Думой избирались комиссии (подготовительные и исполнительные) для рассмотрения проблемы городского водоснабжения. В 1915–1916 гг. органы городского самоуправления с целью централизации водоснабжения взяли под контроль подвоз воды, закрыли непригодные для питья городские протоки и озёра, построили водокачку с применением новейших водоочистительных систем, которая прослужила до 1944 г., до ввода в Якутске водопроводной сети. Система мероприятий по организации водоснабжения являлась важным вкладом органов городского самоуправления Якутска в благоустройство и улучшение санитарного состояния города.

Примечания:

1. Алексеев П.С. Якутск и его окрестности // Наблюдатель, 1901. № 4. [Электронный ресурс] URL: <https://www.yakutskhistory.net/очерки-и-статьи/якутск-и-его-окрестности-п-с-алексеев-1891/> (дата обращения 17 марта 2020 г.)

2. Большая Медицинская Энциклопедия (БМЭ), под редакцией Петровского Б.В., 3-е издание. [Электронный ресурс] URL: https://бмэ.орг/index.php/БРЮШНОЙ_ТИФ

3. Голодников К.М. Город Тобольск и его окрестности: Исторический очерк. – Тобольск, 1887. – 139 с.

4. Ионова О.В. Якутской куорат. – Якутск: Саха АССР Госиздат, 1950. – 42 с.

5. История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX вв.): сб. ст. / О.Н. Вилков. – Новосибирск, 1977. – 304 с.

6. История Сибири с древнейших времён до наших дней. Том 3. Сибирь в эпоху капитализма. – Л.: Наука, 1968. – 511 с.
7. Костров Н.А. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. – Томск, 1872. – 117 с.
8. Ленский край. 1916. 16 января.
9. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф.И. 165. Оп. 1. Д. 3355.
10. НА РС (Я). Ф.И-165. Оп. 1. Д. 2743
11. НА РС (Я). Ф.И-12 Оп. 1 Д. 183.
12. НА РС (Я). Ф.И-165. Оп.1. Д. 3601. Л. 9.
13. НА РС (Я). Ф.Р-1413. Оп. 2. Д. 373.
14. Попов Г. А. Сочинения. Т. 3: История города Якутска, 1632-1917: [краткие очерки] / [сост. И отв. ред.: к. ист. н. Л.Н. Жукова, к. филос. н. В.Г. Скрипин, к. ист. н. Е.П. Антонов]. – Якутск: Изд-во ЯГУ: ИГИ АН РС (Я), 2007. – 305 с.
15. Попов И. Современный Якутск // Сибирский архив, 1913. № 4. – С. 217–219.
16. Петров П.П. Города Якутии. 1861 – 1917 гг.: (социально-экономические очерки истории). – Якутск: Кн. изд., 1990. – 124 с.
17. Петров П.П. Город Якутск: представительные органы управления (1622 – 2012 гг.). – Якутск: Якут. Гор. Дума, 2012. – 111 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Том XII. СПб.: Гос. тип., 1885. С. 442
19. Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. – СПб., 1908. – 296 с.
20. Реки и озера Якутии: краткий справочник. / С.К. Аржакова – Якутск: Бичик, 2007. – 136 с.
21. Сибирские города XVII – начало XX века: сб. ст. / О.Н. Вилков. – Новосибирск, 1984. – 222 с.
22. Сукачев В.П. Иркутск. Его место и значение в истории и культурной жизни Восточной Сибири. – М.:Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнарев и К°, 1891. – 271 с.
23. Толочко А.П. Городское самоуправление в Омске в дореволюционный период. – Омск: ОмГУ, 1997. – 80 с.
24. Турчанинов Н.В. Города Азиатской России // Азиатская Россия. – СПб.: Изд. Переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия, 1914. Т. 1. – С. 285–360.
25. Храмцов А.Б. участие органов городского самоуправления в общественно-политической жизни сибиряков (1905–1917 гг.): историография проблемы // Гуманитарные науки в Сибири, 2015. – Т. 22. – № 1. – С. 62–67.
26. Шиловский М.В. Итоги и перспективы изучения городского самоуправления Сибири второй половины второй половины XIX – начала XX вв. // Местное самоуправление в истории Сибири XIX – XX веков: сб. мат. регион. науч. конф. – Новосибирск: «Сибирский Хронограф», 2004. – С. 5–11.
27. Якутская окраина. 1915. 16 июля.
28. Якутская окраина. 1915. 8 августа.
29. Якутская окраина. 1914. 25 сентября.
30. Якутская окраина. 1913. 26 октября.

УДК 656.61(571.56)

ИЗ ИСТОРИИ ЛЕНСКОГО ОБЪЕДИНЕННОГО РЕЧНОГО ПАРОХОДСТВА

Николаев Д. А.

Аннотация. В статье показаны предпосылки и краткая история создания речного пароходства на реке Лене в Якутии. Определены и рассмотрены основные этапы развития Ленского объединенного речного пароходства (ЛОРП) во второй половине XX в. Появление ЛОРП способствовало формированию единой речной транспортной систе-

мы и переоснащению всего флота, что ускорило доставку грузов в Ленском бассейне. Ленское речное пароходство сыграло большую роль в промышленном освоении Якутии, строительстве новых предприятий, развитии пассажирских перевозок и улучшению логистических связей.

Ключевые слова: пароходство, речной транспорт, грузоперевозки, навигация, судоходство, Якутия, пристань, инфраструктура.

THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE LENA UNITED RIVER SHIPPING COMPANY

Abstract. This article examines the background and a brief history of the creation and development of the Lena United River Shipping Company (LORP) in the second half of the XX century. The appearance of LORP contributed to the formation of a single river transport system and the re-equipment of the entire fleet, which accelerated the delivery of goods in the Lena basin. The Lena River Shipping Company played an important role in the industrial development of Yakutia, in the construction of new enterprises and in the development of passenger transportation and improvement of logistics ties.

Keywords: shipping company, river transport, cargo transportation, enterprise, navigation, shipping, port, infrastructure, fleet.

Интерес к изучению истории речного транспорта Якутии продиктован важностью решения проблем экономического развития республики, определения приоритетов государственной политики в отношении судоходства в регионе, рассмотрения общего состояния Ленского флота, всегда являвшегося флагманом и основой хозяйственного освоения края. Роль речного транспорта, как главной коммуникационной системы, существенно возросла в условиях модернизационных процессов XX столетия, наиболее масштабно затронувших Якутию во второй его половине. Переход к новому уровню развития экономики потребовал не только технического перевооружения отрасли, но и создания современных управленческих структур, одной из которых стало Ленское объединенное речное пароходство (ЛОРП). Предпосылки создания Ленского речного пароходства появились еще в дореволюционное время, когда возникла необходимость создания пароходства для улучшения транспортных связей ввиду быстрого экономического развития региона.

По данным исследователей, первая пароходная компания на реке Лене возникла 30 марта 1864 г. и называлась Ленско-Витимским пароходством, ее учредителями были иркутские купцы I гильдии Михаил Александрович Сибиряков и Иван Иванович Базанов. В состав учредителей компании 15 октября 1864 г. вошли затем купцы I гильдии И.Н. Трапезников и Я.А. Немчинов. Так как учредители пароходной компании одновременно являлись владельцами золотых промыслов в Олекминском округе, пароходство развернуло свою деятельность, в основном, в верховьях р. Лены, до Мачинской резиденции золотопромышленников, и по р. Витим. До Якутска совершалось не более трех рейсов в навигацию, и то в конце июля – августе. Появление в 60–70-х годах XIX в., наряду с «Ленско-Витимским пароходством», новых пароходо-владельцев не сняло с повестки дня вопрос об оживлении пароходного сообщения на р. Лене [3, с. 51].

После многолетних споров и обсуждений в 1894 г. было создано первое на р. Лене почтово-пассажирское пароходство купцов Глотовых, курсировавшее по линии Усть-Кут – Якутск. До 1917 г. речной транспорт Ленского бассейна находился в руках одиннадцати судовладельцев. В общей сложности имелось: самоходного флота – 32 единицы, несамоходного – 112, общей грузоподъемностью 22951 тонн [5, л. 57].

После установления советской власти с 1920 г. по 1922 г. существовало одно пароходство Наркомата путей сообщения (НКПС) под названием «Водотранс». С развертыванием новой экономической политики особое внимание было уделено восстановлению разрушенной в годы Гражданской войны золотодобывающей промышленности. Поэтому с 1922 г. весь Ленский флот НКПС сдало в аренду «Лензолото» сроком на 5 лет. [5, л. 57].

В 1923 г. на Лене было организовано два пароходства: Якутское («Якпар») Наркомторпрома ЯАССР и «Лензолото» ВСНХ – «Парлена». В 1929 г. создали Ленское государственное пароходство «Ленгоспар», из которого впоследствии решением правительства от 26 марта 1932 г. было выделено новое пароходство «Лензолотофлот» [4, с. 26]. С 1933 г. начало формироваться – Северо-Якутское речное пароходство Главсевморпути, в 1936 г. было создано Колымо-Индибирское пароходство Дальстроя, позже из него выделилось Янское пароходство. Они провели в предвоенные и военные годы большую работу по организации речных и каботажных перевозок, судоходному освоению рр. Якутии – Яны, Индигирки, Колымы, Оленька, Анабара, Вилюя, Алдана и др.

Следующий этап в развитии речного судоходства связан с выходом железной дороги на станцию Тайшет на р. Лена. В 1952 г. началось строительство первой очереди Осетровского порта, который стал «южными входными воротами Якутии». С этого времени через него стала поступать на Ленский водный путь и далее до потребителей основная часть народнохозяйственных грузов для большинства районов Якутии, приречных районов Иркутской области, Красноярского края и пунктов арктического побережья. Одновременно началось строительство речных портов в Ленске, Якутске и Нижнеянке [4, с. 38].

Все это потребовало централизации управления системой водного транспорта в Якутии. В 1953 г. было ликвидировано Северо-Якутское речное пароходство и присоединено к Ленскому речному пароходству. В 1957 г. «Лензолотофлот» влился в Ленское речное пароходство, ставшее единой мощной транспортной организацией на Лене. В 1959 г. Янское речное пароходство ликвидированного Дальстроя, также было передано в состав Ленского речного пароходства. Таким образом, была подведена материальная база для организации железнодорожно-водных перевозок от промышленных центров до пунктов, расположенных на Лене, ее притоках и на Яне. Порт Тикси занимал в этой транспортной системе важную роль в обеспечении перевозок грузов, поступающих через Осетрово, к устьям рек Хатанга, Анабар, Индигирка и Колыма [4, с. 40].

Ленское речное пароходство обеспечило перевозку миллионов тонн различных грузов для новостроек семилетки (1959–1965 гг.): для строительства Вилюйской и Мамаканской гидроэлектростанций, Покровского строительного комплекса, газопровода Таас-Тумус – Якутск, автомобильной дороги Ленск – Мирный – Чернышевский; для предприятий золотой, оловянной, слюдяной, угольной, лесной и других отраслей народного хозяйства; продовольствия и товаров народного потребления для населения, техники, материалов и оборудования для сельского хозяйства и строительства [4, с. 43].

В развитии флота Ленского пароходства следующие даты стали историческими: 1955 г. – последний раз груз спускался на карбасах, 1965 г. – списана последняя деревянная баржа, 1961 г. – списан последний пароход, работающий на дровах, 1966 г. – флот работал на угле последний год [4, с. 44].

На р. Лене появились сотни первоклассных пассажирских и грузовых теплоходов, лихтеров, буксировщиков. Работы по углублению дна стали выполнять землеснаряды. Первая в Сибири «Ракета» на подводных крыльях появилась в Якутской АССР на

реке Лене. Она развивала скорость до 70 км в час, обладала вместимостью до 60 человек. В 1959 г. на Лену прибыл дизельэлектрический 1800-сильный ледокол «Сунгари», 800-сильный толкач-буксир озерного типа «ОТ-811», постройки Пермского завода [12, с. 59]

Таким образом, модернизация Ленского флота способствовала ускорению доставки грузов по р. Лене и другим рекам Якутии в интересах развития народного хозяйства Якутской АССР, северных районов Иркутской и Магаданской областей [12, с. 64].

С навигации 1957 г. начались перевозки грузов в контейнерах в 11 пунктов: Киренск, Витим, Бодайбо, Маму, Ленск, Эльдикан, Якутск, Хандыгу, Нижнеянск, Сангары и другие пункты. С 1965 г. почти все суда Ленского бассейна работали на жидком топливе: теплоходы – на дизельном, а пароходы – на мазуте [12, с. 68].

До 1953 г. имелось 8 причалов общей протяженностью 660 м. Из них участок Гольминка, ввиду ограниченной территории, к 1968 г. был закрыт. В 1958 г. Якутская пристань была переименована в Якутский речной порт и началось строительство причальной стенки и пассажирского вокзала. 14 октября 1960 г. была перекрыта городская протока. Дамба оградила акваторию порта для защиты от ледохода и течения. Однако впоследствии ее пришлось неоднократно углублять. К 1967 г. первая очередь порта была введена в строй. В середине 1980-х гг. началось строительство и второй очереди порта, со шпунтовой причальной стенкой, которая функционирует до настоящего времени. Во все времена начальники пароходства были значительными фигурами – Павел Никандрович Иванов в 1967 г. стал Героем Социалистического труда, В.М. Дубровский, В.А. Минеев являлись «по статусу» Заместителями председателя Якутского правительства [1, с. 234].

В 1972 г. с вхождением Колымо-Индибирского пароходства, Ленское речное пароходство было переименовано в Ленское объединенное речное пароходство (ЛОРП). После объединения ЛОРП стал крупнейшим пароходством в стране, соединяя территории Иркутской области, всей Якутской АССР, Хатангского района Красноярского края, частично Среднеканского, Билибинского и Чаунского районов Магаданской области, районы Хабаровского края в единую воднотранспортную сеть. Территория зоны водного тяготения превышала более 3 млн. кв. км. Главным направлением хозяйственной деятельности было определено транспортное обеспечение горнорудной промышленности по добыче цветных металлов, алмазов, слюды, каменного угля и других полезных ископаемых [6, л. 1].

Завоз грузов в навигацию 1974 г. через Ленское направление все более возрастал по мере пополнения флота судами, способными осуществлять бесперевалочные рейсы из грузообразующих пунктов реки Лены до пунктов назначения, расположенных на побережье Северно-Ледовитого океана от Хатанги до Певека и в пункты рек Анабар, Оленек, Яна, Индигирка, Колыма [10, л. 6].

На 1975 г. общая протяженность эксплуатируемых водных путей магистральных, боковых и малых рек составила 20829 км, из них с гарантированными габаритами пути 10102 км, с обслуживаемой навигационной обстановкой 18945 км. Осуществлялись перевозки в бассейны рек: Анабар, Оленек, Яна, Индигирка, Колыма. Дальнейшее развитие получил завоз грузов в пункты, расположенные на побережье Северного Ледовитого океана, судами типа река-море, совершающими бесперевалочные рейсы из грузообразующих пунктов р. Лена до пунктов назначения. Транспортные суда пароходства доставляли народно-хозяйственные грузы в пункты, расположенных на территории Якутской АССР, Иркутской, Магаданской областей и Хабаровского края [9, л. 8].

Пароходство обслуживало более 600 пунктов. Учитывая повышенную значимость в обслуживании Северо-Востока страны, где практически отсутствовали дру-

гие виды транспорта, роль речного транспорта и перевозках грузов была очень высока [9, л. 8].

В 1977 г. оперативное руководство работой флота на малых реках осуществлялось через диспетчерские пункты:

- р. Лена (выше Осетрово) – Осетровский порт;
- р. Киренга, Н.-Тунгуска – Киренский порт;
- р. Анабар, Оленек – Тиксинское райуправление;
- р. Адыча, Чондон – Нижнеянский порт;
- р. Омолон, Малый Анюй – Колымское линейное речное пароходство;
- р. Индигирка (выше Дружины) – Индигирское районное управление;
- р. Тюнг, Вилюй (выше Сунтар) – Нюрбинская пристань [11, л. 118].

Самыми крупными грузообразующими пунктами в пароходстве на 1979 г. являлись: Осетровский порт (перевозка нефтепродуктов наливом и генеральные грузы), Якутский порт с приписными причалами (цемент, уголь, лес, минерально-строительные материалы), Сангар и Джебарики-Хая (уголь), Киренский, Витимский, Ленский и Олекминский леспромхозы (плоты, лес и пилопродукция в судах). Сравнительно небольшие объемы прочих грузов отправлялись из Киренска, Ленска и других пунктов. С уменьшением глубин на Верхней Лене в Киренске, Пеледуде и Ленске организовывались догрузка флота и перевалка грузов из мелкоосидящего флота в крупнотоннажный, причем объем перевалки составил в то время 134,9 при плане 77,0 тыс. т. [7, л. 1].

До открытия арктической навигации грузовые теплоходы проектов 1743, 21-88, 1810, 932 и ГТ-900 использовались на перевозках грузов из Осетрово, а также пиломатериалов в пункты Средней Лены, рр. Алдан и Вилюя, а в обратном направлении перевозились уголь, цемент и песок. В навигацию 1980 г. суда указанных проектов осуществляли завоз генеральных грузов из Осетрово, пиломатериалов, цемента, угля и других грузов с Лены на реки Яну и Индигирку. Кроме того, суда типа СТ-900 и 21-88 использовались на перевозке грузов с бара Яны и Тикси: на Яну леса, угля и других грузов, а в обратном направлении, в основном, ими перевозились генеральные грузы из Тикси, доставлявшиеся по Северному морскому пути, и гравий из Нижне-Янска в Якутск [8, л. 16].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в связи с экономическим кризисом в стране произошло резкое падение уровня грузоперевозок, что привело к реорганизации и распаду ЛОРП на несколько пароходств. В 1990-х гг. из состава выделилось Верхнеленское речное пароходство с дислокацией в г. Иркутске и Усть-Куте. Тем самым ЛОРП фактически разделился на собственно ЛОРП (Якутский ЛОРП) и иркутский, ответственный прежде всего за иркутский участок Ленского бассейна. Из состава единого ЛОРП выделились и стали самостоятельными юридическими лицами такие подразделения, как «Арктическое морское пароходство», «Колымская судоходная компания», «Янское речное пароходство», холдинговая компания «Якутский речной порт» с дочерними предприятиями «Судоходная компания Якутск», «Судоходная компания Вилюй», «Пассажирское районное управление» и др. 23 июня 1994 г. была зарегистрирована акционерная компания «Ленское объединенное речное пароходство (АСК «ЛОРП»). Окончательное новое пароходство сформировалось в 1997 г. 20 июля 1998 г. оно было переименовано в ОАО «ЛОРП» [2].

Таким образом, Ленское объединенное речное пароходство создало новую экономико-логистическую систему региона, существенно улучшив речное сообщение на Северо-Востоке страны. С созданием ЛОРП наступил качественно иной, новый этап в истории водного транспорта Якутии, в ходе которого была создана современная инфраструктура, определены направления развития путей сообщения и грузоперевоз-

зок, позволивших обеспечить интенсивное промышленное освоение минерально-сырьевых ресурсов и решить проблему снабжения жителей республики продовольствием и товарами широкого потребления.

Примечания:

1. Город Якутск: история, культура, фольклор / Окр. Г. 70 администрация г. Якутска, Ин-т гуманитар. исслед. АН РС (Я); [сост. П.П. Петров, С.И. Боякова; ред-кол. С.И. Боякова (отв. ред.) и др.]. – Якутск: Бичик, 2007. – 560 с.
2. История судоходства по реке Лена и создания Ленского объединенного речного пароходства [Электронный ресурс] URL: <http://lorp.ru/o-kompanii/istoriya-sozdaniya> (дата обращения 15.05.2020).
3. Казарян П.Л. Из истории учреждения Ленского пароходства. – Наука и техника в Якутии.– 2004.– №2 (7). [Электронный ресурс] URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения 18.03.2020).
4. Ленское речное пароходство. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1970 – 306 с.
5. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 284. Оп. 3. Д. 89.
6. НА РС (Я). Ф. Р-284. Оп. 3. Д. 425.
7. НА РС (Я). Ф. 284. Оп. 4. Д.105.
8. НА РС (Я). Ф. Р-284. Оп. 3. Д. 416.
9. НА РС (Я). Ф. 284. Оп. 4. Д. 80.
10. НА РС (Я). Ф. 284. Оп. 4. Д. 64.
11. НА РС (Я). Ф. 284. Оп. 4. Д. 87.
12. Саранин Н.И. Транспорт Якутской АССР. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1970. – 178 с.

УДК 725.945(571.56-21)

**МЕСТА ПАМЯТИ ГОРОДА ЯКУТСКА КАК МЕХАНИЗМ
ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ О
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Апросимов Д. А.

Аннотация. Статья посвящена проблемам сохранения и передачи исторической памяти о Великой Отечественной войне. Рассмотрены работы советских и российских исследователей по вопросу формирования у народа исторической памяти. Показано, что в сохранении исторической памяти большое значение имеют места памяти – памятные места, связанные со знаковыми для народа историческими событиями. Установлено, что подвиги народа периода Великой Отечественной войны наглядно отображаются сегодня и в городском ландшафте, в том числе, в памятниках, скверах, в названиях площадей и улиц, посвященных Героям войны и военным событиям. Рассмотрены история и хронология появления на территории г. Якутска мест памяти о событиях Великой Отечественной войны и вкладе якутян в дело Победы. Сделан вывод о том, что задачи привлечения внимания молодежи в условиях г. Якутска могут быть решены путем использования инновационных цифровых технологий в местах памяти, созданных в пространстве городского ландшафта.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историческая память, Якутск, городское пространство, места памяти, памятники, скверы, площади, улицы.

PLACES OF MEMORY OF THE CITY OF YAKUTSK AS A MECHANISM FOR FORMING HISTORICAL MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article is devoted to the problems of preserving and transmitting the historical memory of the great Patriotic war. The works of Soviet and Russian researchers on the formation of historical memory among the people are considered. Along with the process of acquiring knowledge in educational institutions, the preservation of historical memory can also occur in the course of a person's daily life, reflected in symbols and monuments surrounding people in public space. "Places of memory" – memorable places associated with significant historical events for the people-play an important role in this. It is established that the exploits of the people during the great Patriotic war are clearly displayed today in the urban landscape, including in monuments, squares, in the names of squares and streets dedicated to war Heroes and military events. The article presents the history and chronology of the appearance on the territory of Yakutsk of places of memory of the events of the great Patriotic war and the contribution of the Yakut people to the Victory. It is concluded that the problem of attracting young people's attention to the historical past of the people, the formation of historical memory about the events of world war II in terms of Yakutsk can be solved by using innovative digital technologies in places of memory created in the city space.

Keywords: Great Patriotic War, historical memory, urban space, Yakutsk, places of memory, monuments, squares, streets.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что на сегодняшний день одной из проблем современного общества, на которую стоит обратить особое внимание, является сохранение и передача исторической памяти о Победе в Великой Отечественной войне. Особое положение в этом имеют места памяти, которые существуют и в Якутии – далеко от территорий, на которых шли сражения, но, тем не менее, представляющие собой малую родину людей, внесших значимый вклад в дело Победы.

Под понятием «историческая память» исследователи подразумевают «зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов <наряду с социальной памятью> выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях <...> сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторических событий и исторического опыта (реального и/или воображаемого), и одновременно — как продукт манипуляций массовым сознанием в политических целях» [8, с. 10].

Опыт отечественных исследователей в вопросе формирования исторической памяти достаточно полно описан в работах, посвященных вопросам увековечивания событий и фактов Великой Отечественной войны. Первые исследования этих вопросов появились не сразу после окончания войны, а намного позже. Это связано с выходом официального документа «Положение о праздновании Дня Победы», принятого Постановлением Президиума ЦК КПСС в 1965 г.

Начиная с первого десятилетия XXI века проблемы сохранения, передачи исторической памяти активно изучаются российскими историками. Вопросы формирования и исследования исторической памяти о Великой Отечественной войне в своих статьях рассматривают Н.В. Проказина [6], Ю.В. Исаева [4] и др. Про механизмы конструирования исторической памяти имеется очень содержательная статья у Л.Н. Мазур [5].

В 2015 г. вышел в свет последний том фундаментального двенадцатитомного труда «Великая Отечественная война 1941-1945 годов» [2] при непосредственном участии в качестве главных редакторов А.Э. Сердюкова и С.К. Шойгу. Этот труд является одним из самых серьезных анализов периода Великой Отечественной войны за

последние десятилетия, основанный на рассекреченных данных Центрального архива Министерства обороны.

Сотрудниками Института российской истории РАН в 2015 г. была подготовлена коллективная монография «Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне» [3]. Данный труд является первым в отечественной историографии исследованием вклада ученых в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. Материалом для монографии послужили исследования, написанные учеными не в мирное время, а непосредственно в ходе войны – по горячим следам боевых действий. В центре внимания история создания, основные направления и результаты деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР в 1941—1945 гг., руководителем которой был известный историк И.И. Минц. Собранные Комиссией документы, включая уникальный комплекс стенограмм бесед и интервью военных лет, долгое время оставались не востребованными. Одна из главных задач книги – дать представление об информационном богатстве этих источников и продемонстрировать их ценность в деле выяснения спорных моментов и развенчания современных мифов о войне.

С.И. Боякова в своей работе обобщила, с точки зрения формирования коллективной памяти и региональной идентичности, школьный опыт по изучению краеведения, событий XX века и исторических личностей [1]. Автор приходит к выводу о том, что «привлечение материалов исторического краеведения в школьной и внешкольной работе способствует формированию гражданской зрелости и сознательности, воспитанию патриотизма и интернационализма, сохранению исторической памяти как важнейших составляющих общественной безопасности в условиях глобализации XXI в.» [1, с. 37].

Про создание информационной базы для разработки экскурсий и туристских маршрутов по теме Великой Отечественной войны «Памятники и мемориальные комплексы города Якутска», с целью формирования исторической памяти, написала работу С.И. Сивцева [9].

Впервые в научный оборот понятие «место памяти» в 1980-х гг. ввел французский исследователь Пьер Нора. В его понимании под этим термином подразумеваются места, в которых воплощена национальная память, это памятники культуры, праздники, эмблемы, торжества в честь людей или событий, прощальные, погребальные речи, похвальные слова [7].

Однако проблема сохранения мест памяти на настоящий момент остается недостаточно изученной отечественными исследователями. Вместе с тем имеются несколько интересных трудов: у А.В. Стрельниковой – о формировании государством исторической памяти у населения с помощью использования городского общественного пространства, где «город рассматривается как пространство, в котором представлены знаки коллективной памяти о важных событиях прошлого» [10, с. 231].

В целях сохранения и передачи исторической памяти о Великой Отечественной войне в г. Якутске проводится планомерная работа по созданию и улучшению мест памяти. Среди них значимое место занимает площадь Победы, открытая в 1970 г. Её уникальность заключена в том, что тот участок, где сейчас располагается площадь, в годы Великой Отечественной войны являлся причалом, откуда отплывали на фронт пароходы с тысячами призывников. В 1973 г. на площади был установлен танк Т-34-85 в память о воинах-земляках. А к 30-летию Победы был открыт мемориальный комплекс «Победа», где высечены изображения всех якутян, получивших звание Героев Советского Союза. В 2015 г., в рамках юбилейных мероприятий, посвященных 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, на площади был в торжественной обстановке зажжен Вечный огонь.

В память об уроженцах Якутии – Героях Советского Союза, проявивших себя в годы Великой Отечественной войны, названо 15 улиц в городе Якутске: ул. Фёдора Попова, ул. Шавкунова, ул. Лонгинова, ул. Охлопкова, ул. Красноярова, ул. Кондакова, ул. Космачева, ул. Миронова, ул. Степанова, ул. Асямова, ул. Стрекаловского, ул. Чусовского, ул. Колбунова, переулок Сапожникова. Также на территории города Якутска установлено несколько бюстов Героев Советского Союза (Чкалова В.П. и Красноярова К.К.) и бюст Сталина И.В. на территории ОАО «Алмазы Анабара» по ул. Чернышевского (инициаторами постановки бюста были представители местного отделения КПРФ).

Еще одним мемориальным комплексом, созданным в память о событиях Великой Отечественной войны, является сквер на территории Гагаринского округа. В память о погибших во время перевозки из США боевых самолетов, поставляемых через перегонную трассу «Аляска-Сибирь» (АЛСИБ) по программе «Ленд-лиз», в 1992 г. был открыт мемориал в сквере, а в 2002 г. там же установлена копия самолета Бэлл П-39 «Аэрокобра». В историческом здании – место размещения штаба 4-го перегонного полка АлСиб – в настоящий момент располагается одна из экспозиций музея авиации Якутии.

В память о сотнях воинов - якутян, погибших на озере Ильмень в ходе сражения в феврале 1943 г., в 2005 г. был открыт сквер-мемориал «Журавли над Ильменем». В сквере установлены плиты из камня в виде трех треснувших льдин. На них выбиты имена 220-и погибших из 14-и улусов Республики Саха (Якутия) и г. Якутска.

В 2012 г. был построен Сквер Матери на берегу озера Сайсары. Этот памятник – дань уважения матерям, отправившим на фронт своих сыновей. В истории Якутии немало примеров того, как матери провожали на фронт всех своих сыновей от мала до велика и ни одного из них так и не дождались обратно.

В 2015 г. в Студенческом городке Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова был открыт отреставрированный мемориал «Слава победителям». На монументе высечены имена 383-ех участников войны – призванных студентов, преподавателей и сотрудников в 1941-1945 гг. из стен Якутского педагогического института.

2 сентября 2015 г. в честь 70-летия Победы во Второй мировой войне, благодаря усилиям тысяч горожан, рядом с площадью Победы открылся мемориальный комплекс «Солдаты Туймаады». На тот момент были указаны имена более 20563-ех солдат, призванных Якутским объединенным районным военным комиссариатом. В течение нескольких лет, в ходе поисковых работ, комплекс пополняется новыми именами призывников, по той или иной причине пока не включенных в мемориал.

В 2018 г. был открыт Сквер труженикам тыла и детям войны в память о вкладе жителей г. Якутска в Победу в войне 1941-1945 гг.

В настоящий момент ведется работа по строительству нового Парка Победы в местности «Три сэргэ» по Автостраде 50 лет Октября. Разработанная в сентябре 2019 г. концепция будущего парка, на мой взгляд, интересна за счет оригинальных архитектурно-художественных решений проектировщиков, в последующем утвержденных к реализации администрацией г. Якутска. Так, например, в красочных эскизах проекта¹ изображены навесы в виде солдатских писем-треугольников с высеченными фрагментами из солдатских писем, стихов и песен о войне, а по всей территории парка размещены бронзовые фигуры солдат, соответствующие по размерам человеческому росту, которые занимаются тем же, что и живые люди: занимаются спортом,

¹ Подробнее о презентации эскизного проекта Парка Победы по ссылке: <https://yakutia.info/article/190796> (Прим. авт.)

прогуливаются или сидят на скамейках, играют на музыкальных инструментах или танцуют на площадке и др.

Однозначно, историческая память о событиях 1941-1945 гг. будет олицетворена в местах памяти для многих поколений якутян. Как мы обозначили выше, места памяти о Великой Отечественной войне в городе Якутске отражены в улицах в честь Героев Советского Союза, площади Победы и скверах, символизирующих то или иное событие. Данные места, полностью отражают подвиги якутян на фронте и в тылу. Прогуливаясь по данным скверам, улицам невольно каждый человек задумывается о событиях 75-летней давности. Конечно, стоит вопрос о смысловой нагрузке этих скверов. Так, например, Сквер тружеников тыла, на мой взгляд, в недостаточной мере раскрывает молодому поколению, которое только начинает изучать историю, весь вклад наших земляков в Победу, но, используя новейшие цифровые технологии, можно значительно увеличить эффективность смысловой нагрузки для передачи исторической памяти. Это можно осуществить, применяя технологию QR-кодов². Такая связь объектов истории и современных технологий привлечет больше внимания молодого поколения к изучению истории Якутии, что в свою очередь будет направлено на решение проблемы сохранения и передачи исторической памяти. Подобные технологии можно будет применить и в других местах памяти.

Обобщая выше сказанное, отметим, что в современных условиях Правительством Республики Саха (Якутия), администрацией Городского округа «город Якутск» и общественностью уделяется достаточное внимание вопросу сохранения исторической памяти о событиях и героях Великой Отечественной войны. Это подтверждается не только появлением новых мест памяти, но и изданием многочисленных книг, альбомов и монографий. Использование технологии QR-кодов в связке с местами памяти позволит вызвать интерес и значительно повысить уровень знаний о событиях Великой Отечественной войны у подрастающего поколения якутян.

Примечания:

1. Боякова С.И. Историческая память как важнейший институт патриотического воспитания молодежи в условиях глобализации // В сборнике: Гражданское общество в эпоху глобализации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 32-38. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29735168_15604073.pdf (дата обращения: 21.04.2020)

2. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. М.: Кучково поле, 2015.

3. Вклад ученых – историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945 гг. // Институт российской истории РАН. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 381 с.

4. Исаева Ю.В. Историческая память о Великой Отечественной войне как духовно-нравственная основа патриотического воспитания молодежи. // Вестник государственного муниципального управления, 2014. №4. С. 18-24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-kak-duhovno-nravstvennaya-osnova-patrioticheskogo-vozpitanija-molodyozhi> (дата обращения: 19.04.2020).

5. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2013. – №3(117). – С. 243-256.

6. Проказина Н.В., Дорохова Ю.В., Хатнюк Н.Н. Историческая память о Великой Отечественной войне как ресурс патриотического и гражданского воспитания // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12. – №3. С. 260-271. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-o-velikoy-otechestvennoy-voyne-kak-resurs-patrioticheskogo-i-grazhdanskogo-vozpitanija> (дата обращения: 19.04.2020).

7. Пьер Нора. Проблематика мест памяти. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пер. с фр.: Дина Хапаева. – СПб.: Издательство СПбГУ. – 1999. – 328 с.

² Считываемая смартфоном оптическая метка, позволяющая мгновенно просматривать web-информацию об объекте в данном случае городского ландшафта, к которому она привязана (Прим. авт.)

8. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: 2003. 43с. URL: https://www.hse.ru/data/2010/05/05/1216435442/WP6_2003_07.pdf (дата обращения: 19.04.2020).

9. Сивцева С.И. Великая Отечественная война в исторической памяти населения Якутии. // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 12. – С. 103-105.

10. Стрельникова А.В. «Места памяти» в городском пространстве// Вестник РГГУ. Серия: Социологические науки. 2012. № 2(82). URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/fsi/Vestnik-2_12.pdf (дата обращения: 23.04.2020).

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

УДК 323.1

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ОБЩЕСТВА

Васильева О.В., к. полит.н.

Аннотация: В данной статье делается попытка прояснить вопрос о роли социального капитала в формировании картины межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия). В статье использованы материалы социологического исследования. Автор на основе полевых материалов определяет социально-экономический статус респондентов и индекс доверия, характерный для общества, а также, применяя метод бинарного логистического анализа, выявляет его связь с оценкой межнациональных отношений. Проведенный анализ установил наличие связи между двумя переменными: индексом доверия и принадлежностью респондента к определенной социально-экономической группе. Чем выше статус, тем выше индекс доверия. Выявлена связь и с оценкой межнациональных отношений: люди с низким статусом и уровнем доверия склонны чаще оценивать межнациональные отношения как конфликтные.

Ключевые слова: социальный капитал, межэтнические отношения, индекс доверия, органы государственной власти, общественные институты.

INTERETHNIC RELATIONS IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM DEVELOPMENT OF SOCIAL CAPITAL OF SOCIETY.

Abstract. This article tries to clarify the issue of the role of social capital in shaping the picture of interethnic relations in the Republic of Sakha (Yakutia). The article uses materials from sociological research. On the basis of field materials, the author determines the socio-economic status of the respondents and the trust index characteristic of society, and also, using the method of binary logistic analysis, reveals its connection with the assessment of interethnic relations. The analysis established the existence of a relationship between two variables: the index of trust and the respondent's belonging to a particular socio-economic group. The higher the status, the higher the trust index. A connection was also revealed with the assessment of interethnic relations - people with a low status and level of trust tend to more often assess interethnic relations as conflict.

Keywords: social capital, interethnic relations, trust index, government bodies, public institutions.

Сразу стоит отметить, что в настоящее время в Республике Саха (Якутия) базовым основанием для интеграции является как правило этническая идентичность. Данная статья посвящена роли социального капитала в контексте интеграции общества, в том числе гармонизации межэтнических отношений.

К данной проблематике мы пришли в связи с тем, что ученые-исследователи все больше склоняются к идее, что в процессе интеграции общества важную роль играет социальный капитал. Социальный капитал – это термин, характеризующий качество социальных связей, в т.ч. семейных уз и тесных межличностных контактов внутри профессионального, религиозного или иного локального сообщества [2]. Хотя в научном сообществе нет единого мнения по поводу содержания данного термина, в него часто включают следующие характеристики:

- 1) уровень доверия (межличностного и межгруппового);
- 2) количество и качество межличностных связей, а также существующих в социуме;

3) социальных ценностей и норм, способствующих (препятствующих) добрососедским взаимоотношениям между людьми.

По мнению Р.Патнэма, доверие есть социальный капитал и непосредственная основа построения последующих общественных отношений [3]. Соответственно, чем выше уровень доверия, проявляемого людьми друг к другу, тем проще происходит формирование социальных связей. В связи с чем, при расчетах индексов развития учитывают уровень социального капитала. Так, к примеру, категорию социального капитала можно встретить в индексе процветания стран мира Института Legatum (The Legatum Prosperity Index, LPI) - это комбинированный показатель, который измеряет достижения стран мира с точки зрения их благополучия и процветания. Социальный капитал стал предметом исследований Мирового банка. Так или иначе считается, что данная категория позволяет понять процессы конвертации социального взаимодействия в другие формы капитала, обеспечивающие как индивидуальный, так и коллективный полезный результат.

Рост недоверия между представителями различных социальных слоев и групп населения влечет за собой высокий градус напряженности в обществе. Следовательно, можно предположить рост напряжения и в межнациональной сфере общественных отношений.

В свою очередь, как указывают исследователи, межличностное недоверие часто сказывается на прямых межличностных контактах с конкретными представителями меньшинств (этнических, мигрантских, религиозных и т.п.). В этом случае доверие к конкретным лицам переходит в доверие к более абстрактным общественным объектам. Такая форма доверия часто опирается на стереотипы и предубеждения. А так как импульс доверия относится исключительно к людям, «чтобы его погасить, достаточно дегуманизировать, овеществить адресат доверия, лишить его человеческих черт: индивидуальности, самоутверждения, достоинства, автономии». Недоверие, базирующееся на деперсонализации, провоцирует ксенофобию ко всем членам воображаемого сообщества [6, с. 89].

Понятно, что учет социального капитала как группового ресурса стимулировал по всему миру умножение исследований проблемных зон глобальных и локальных этносоциальных процессов, в т.ч. существующих и потенциальных барьеров интеграции.

В указанном контексте представилось интересным изучить и обсудить тему доверия к различным институтам и структурам общества применительно к современным реалиям Республики Саха (Якутия). При этом мы исходим из того, что доверие к таким абстрактным системам представляет тот тип доверия, который обеспечивает ощущение надёжности повседневных отношений [7, с. 256]. Институциональное или системное доверие редуцирует растущую неопределенность и сложность современного общества, аккумулирует социальный капитал, способствует вовлечению граждан в общественно значимые практики [5, с. 170].

Таблица 1

Уровень доверия институтам и структурам общества, в %

Институты	Уровень доверия		
	Доверие в полной мере	Доверие в некоторой мере	Отсутствие доверия
Соседи	58,5	31	10,4
Коллеги по работе	36,4	51,9	11,6
СМИ	19,5	52,1	28,4

Гос. органы власти РС(Я)	13,6	50,5	35,9
Гос. органы власти РФ	14,4	53,9	31,7
Органы местного самоуправления	13,6	57,5	28,8
Церковь	17,3	43	39,8
Общественные организации	18,7	50,1	31,3
Полиция	19,1	54,6	26,3

В нашем исследовании респондентам было предложено оценить свое доверие к соседям, коллегам по работе, средствам массовой информации, общественным организациям, полиции, церкви, органам власти регионального и федерального уровня, органам местного самоуправления в трех вариантах: «доверяю в полной мере», «доверяю в той или иной мере», «не доверяю». Далее на основе переформатирования оценок в дихотомическую шкалу «доверяю» – «не доверяю» была создана переменная «индекс доверия институтам и структурам в Республике Саха (Якутия)» (далее – индекс доверия) по шкале, где 0 – означает полное отсутствие доверия; 9 – абсолютное доверие.

Как можно заметить, самый высокий уровень доверия люди выражают в отношении своего непосредственного окружения (см. табл. 1). Наиболее низким уровнем доверия респондентов характеризуются такие институты, как церковь и государственные органы власти Республики Саха. Наиболее высокий совокупный уровень доверия получили – полиция (73,7), средства массовой информации (71,6) и органы местного самоуправления (71,1); наиболее низкий – церковь (60,3).

Сравнение полученных данных с результатами социологических исследований по России в целом выявило специфическую ситуацию. Так, наибольшее доверие россиян в октябре 2016 г., по данным Института социологии РАН, получила так называемая державная триада – президент России, российская армия и православная церковь, а наименьшее доверие они выразили представительным институтам: Совету Федерации, Государственной думе, органам местного самоуправления, политическим партиям [5, с. 172]. Также интересно, что церковь, занимающая высокие позиции в общероссийском массовом сознании, в Якутии не имеет особой поддержки.

Генерализация всех оценок вывела средний уровень доверия респондентов, равный 6,4 балла, т.е. сравнительно высокий показатель. Также была построена диаграмма рассеяния, раскрывающая связь между категориями «индекс доверия» институтам и структурам общества и «оценка состояния межнациональных отношений».

Для наглядности на ней проведена линия интерполяции, которая демонстрирует их корреляцию (см. рис. 1). Как оказалось, чем выше уровень доверия респондента, тем благоприятнее его оценка межнациональных отношений в месте его проживания. Отметим, что обобщенное доверие отражает готовность к сотрудничеству, формированию общих интересов и способность к конструктивному взаимодействию.

Далее рассмотрим связь оценки межнациональных отношений с рядом предикторов, включающих следующие переменные: индекс доверия, социально-экономическое положение респондентов, образование, возраст. Полученные оценки межнациональных отношений по 5 предложенным вариантам были перекодированы и сведены к двум значениям: оценки «1 – благоприятные» и «2 – стабильные» показывают «благоприятные отношения»; оценки «3 – напряженные» и «4 – критические» озна-

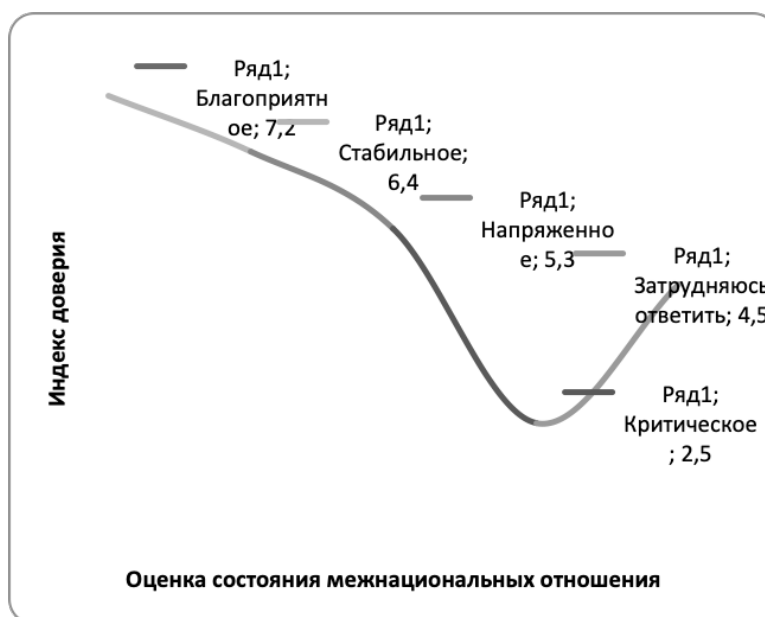

Рис.1. Индекс доверия в зависимости от оценки состояния межнациональных отношений в населенном пункте

чают «напряженные, конфликтные отношения»; оценка «5 – затрудняюсь ответить» была исключена из анализа. Произведенные по данной шкале расчеты выявили следующую картину: 89,2% респондентов оценивают состояние межнациональных отношений в своем населенном пункте как «благоприятные»; 10,2% – как «напряженные и конфликтные».

Для более детального анализа социологических данных был использован метод бинарной логистической регрессии, где зависимой переменной является оценка межнациональных отношений, принимающая лишь одно из двух значений: «1 – благоприятные» или «2 – напряженные, конфликтные».

Таблица 2

Результаты бинарной логистической регрессии с зависимой переменной «оценка межнациональных отношений»

Независимые переменные	B	Стандартная ошибка	Вальд	Значимость
Индекс доверия	-,214	,052	17,092	,000
Принадлежность социально-экономическим группам	-,452	,191	5,625	,018
Возраст	-,351	,103	11,621	,001
Constant	1,017	,532	3,650	,056

Визуализация проведенной логистической регрессии обнаруживает наличие связи между возрастом респондентов и их оценкой состояния межнациональных отношений в своем населенном пункте (см. табл. 2). Обратный знак значений сообщает о том, что по мере их взросления снижается вероятность оценок межнациональных отношений как «напряженных, конфликтных». Значимость также имеет такой предиктор, как экономический статус респондентов. Чем выше оценка своего материального достатка, тем ниже вероятность негативных оценок состояния межнациональных отношений. Таким образом, можно предположить, что наиболее критиче-

ские оценки дают молодые люди с низким уровнем доходов.

Немаловажным оказался фактор уровня доверия и оценки состояния межнациональных отношений. Так, с ростом доверия социальным институтам происходит снижение числа респондентов, оценивающих состояние межнациональных отношений как «напряженных, конфликтных». Напротив, среди тех, кто мало доверяет социальным институтам, чаще встречаются негативные оценки.

Во многих работах приводятся данные массовых социологических опросов, посвященных отношению принимающего населения к миграции рабочей силы в регионах России. Применительно к Якутии наше внимание привлекли результаты общенационального исследования, проведенного в рамках проекта «Общественное мнение о проблемах миграции и межкультурной интеграции в регионе» (руководитель – акад. В.А. Тишков). По вопросу о необходимости ограничения въезда в Россию трудовых мигрантов из других государств здесь выявилось наличие заметной социальной напряженности, связанной с выходцами из Таджикистана (84,5% респондентов за ограничение), Кыргызстана (83%), Узбекистана (82%), Китая (82%), Армении (74,5%), Азербайджана (73,5%), Абхазии (69%), Южной Осетии (63,5%), Грузии (57,5%) и Украины (48%). Наиболее желательными были признаны приезд в Якутию трудовых мигрантов из Белоруссии (75%), Казахстана (66,5%), Прибалтийских государств (60%), Молдовы (59,5%) [1, с. 86].

Нетрудно заметить, что подавляющее большинство опрошенного населения Якутии включает в потенциальное «поле конфликта» выходцев из Средней Азии и Кавказа. В связи с этим интересным представилось выявить отношение к данным группам мигрантов наших респондентов.

Отметим, что полученные от респондентов ответы были перекодированы и сведены к двум значениям: ответы «1 – позитивно» и «2 – спокойно» выказывают «позитивно-нейтральное отношение»; ответы «3 – с раздражением, неприязнью» и «4 – с недоверием, страхом» означают «негативное отношение»; ответ «5 – затрудняюсь ответить» исключен из анализа.

Проведенный анализ установил наличие связи с двумя переменными: индексом доверия и принадлежностью респондента к определенной социально-экономической группе. Возраст и образование опрошенных лиц в данном случае не являются значимым фактором (см. табл. 3). Фиксируется снижение численности людей, имеющих негативное отношение к приезжим, по мере роста индекса доверия. Также, чем выше оценка респондентом своего материального положения, тем меньше он склонен относиться к приезжим с Кавказа и Средней Азии негативно.

Таблица 3

**Результаты бинарной логистической регрессии
с зависимой переменной «отношение к приезжим с Кавказа и Средней Азии»**

Независимые переменные	В		Стандартная ошибка		Вальд		Значимость	
	Кавказ	Средняя Азия	Кавказ	Средняя Азия	Кавказ	Средняя Азия	Кавказ	Средняя Азия
Индекс доверия	-,180	-,132	,037	,039	23,265	11,475	,000	,001
Принадлежность социально-экономическим группам	-,506	-,624	,134	,141	14,316	19,571	,000	,000
Возраст	-,015	,068	,063	,066	,058	1,069	,810	,301
Образование	-,010	,067	,081	,084	,016	,632	,899	,427
Constant	1,278	,547	,460	,481	7,731	1,297	0,005	,255

Прямая корреляционная связь между доверием и отношением к «чужим» имеет несколько объяснений. Считается, что люди, обладающие большими ресурсами, будут проявлять больше доверия в повседневных взаимоотношениях; особое значение играет индивидуальный капитал. Действительно, по данным российских исследований, успешные россияне демонстрируют более высокий уровень доверия практически всем институтам.

Кроме того, доверие рассматривается как значимая степень уверенности человека в завтрашнем дне. Уверенность и высокий уровень имеющихся ресурсов делают его склонным к принятию риска, связанного с отношением к «чужим».

Таблица 4

Результаты бинарной логистической регрессии с зависимой переменной «отношение якутам (саха) и русским»

Независимые переменные	B	Стандартная ошибка	Вальд	Значимость
Отношение к якутам (саха)				
Индекс доверия	-,350	,077	20,551	,000
Constant	-1,257	,392	10,312	,001
Отношение к русским				
Индекс доверия	-,273	,139	3,856	,050
Constant	-2,966	,746	15,805	,000

Для сравнения приведем данные об отношении респондентов к русским и якутам (саха), которым главным образом и составляют основную часть принимающего населения Якутии. Из табл. 4 видно, что значимым в обоих случаях оказывается лишь такой предиктор, как индекс доверия. Таким образом, как и в иных исследованиях, проведенных в России [4], показатели позитивно-нейтрального отношения к представителям численно доминирующих этнических групп республики оказались выше среди тех лиц, кто в целом доверяет людям, чем среди тех, кто в целом не доверяет.

В свою очередь, в оценке отношения к этническим группам инонационального населения Якутии влияет социально-экономический статус респондентов. Свое негативное отношение к ним чаще высказывают люди оценивающие свой социально-экономический статус неблагоприятно, иными словами это те люди, которые не удовлетворены своим материальным положением.

Можно также утверждать, что индекс доверия и социально-экономический статус респондентов связаны с уровнем возможности влиять на механизмы принятия решений в рамках сложившейся системы институтов общества. Для подтверждения этого тезиса проанализируем ответы вопрос «Можете ли Вы повлиять на принятие управленческих решений, имеющих общественный характер, в Вашем населенном пункте?» с предложенными на выбор респондентов 3 вариантами оценок: «1 – да, в полной мере»; «2 – могу оказать некоторое влияние»; «3 – нет».

Выяснилось, что в группе «малообеспеченных» возможность повлиять на события положительно оценивают 32,5% респондентов (выбор ответов «1» и «2»); в группе «среднеобеспеченных» – 42,4%, «высокообеспеченных» – 64% респондентов. Таким образом, с одной стороны получается так, что чем большим влиянием обладает человек и чем выше его социально-экономический статус, тем в большей мере от него можно ожидать более доверительного отношения к людям в силу уверенности в своем положении, что сказывается даже на межэтнических контактах.

Если исходить из того, что доверие формируется на основе определенных норм и правил, относительно которых сложился социальный консенсус, то можно сказать,

что подобный социальный консенсус в обществе нарушен. Часть населения, находящаяся в нестабильном социально-экономическом положении, исключена из социальных взаимодействий способных быть конвертированными в финансовый или властный капитал. Эффективность общественных институтов по всей видимости в значительной степени зависима от неформальных (близкородственных) и теневых практик социальной коммуникации, что не может не сказаться на оценке населением межэтнических отношений в регионе.

Примечания:

1. Игнатьева В.Б. Трудовые мигранты в Якутии: интеграция versus эксклюзия? Итоги социологического исследования и ожидания принимающего общества // Северо-восточный гуманитарный вестник. – 2017. – №4 (21). – С.86-95.
2. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. – №3. – С. 121-139.
3. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. – М., 1996. – С. 214-215.
4. Ресурс межэтнического согласия в Москве [Электронный ресурс]. – М., 2014. URL: [http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_2014_2\(1\).pdf](http://www.isras.ru/files/File/publ/inab_2014_2(1).pdf) (дата обращения: 12.11. 2015).
5. Трофимова И.Н. Доверие институтам: основные факторы и социально-политический контекст // Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М.К. Горшков и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. - М.: Весь Мир, 2017. С. 168-187.
6. Ярулин И.Ф. Концепт «доверие» в анализе этнических миграций // Регионалистика. 2015. – Т. 2. №5–6. – С. 85-94
7. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford, 1991. – P. 256.

УДК 316.472(=1.571.56-81)

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ЭВЕНКИЙСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ ЯКУТИИ (НА ПРИМЕРЕ САДЫНСКОГО ЭВЕНКИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕГА)

Астахова И. С.

Аннотация. В статье представлены результаты социологических исследований, проведенных в рамках подготовки этнологической экспертизы в Садынском эвенкийском национальном наслеге Мирнинского района Республики Саха (Якутия). В частности, выявлены религиозные предпочтения жителей наслега с использованием качественных и количественных методов. Показано как исторические события влияли на религиозные процессы, происходящие в сообществе садынских эвенков. Автор заключает, что среди эвенкийского населения наблюдается религиозная маргинальность, так как данное сообщество находится на границе трех культур: традиционной эвенкийской, языческой якутской и православной русской.

Ключевые слова: эвенки, Якутия, религия, религиозная ситуация, социологическое исследование, этническая идентичность, традиционные верования.

RELIGIOUS SITUATION IN THE EVENK SETTLEMENTS OF YAKUTIA (ON THE EXAMPLE OF THE SADYN EVENKI NATIONAL NASLEG)

Abstract. The article presents the results of sociological research conducted as part of the preparation of ethnological expertise in the Sadyn Evenki national nasleg of Mirninsky district

of the Republic of Sakha (Yakutia). In particular, on the basis of qualitative and quantitative methods, the religious preferences of the inhabitants of Nasleg are presented. It is shown how the historical events influenced the religious processes taking place in the community of Sadynsk Evenks. The author concludes that there is religious marginality among the Evenk population, since this community is located on the border of three cultures: traditional Evenk, pagan Yakut and Orthodox Russian.

Keywords: Evenks, Yakutia, religion, religious situation, sociological research, ethnic identity, traditional beliefs.

Религия является частью культурного компонента и играет существенную роль в системе духовной культуры народа, в сохранении его этнической идентичности. Знакомясь с религиозными представлениями, ощущаешь стержень этноса. Исследование современной религиозной ситуации показывает не только сохранившиеся традиции и наследие предков, но и присутствие точки опоры для будущего народа.

История садынских эвенков, безусловно, связана с государственной политикой, проводимой на Севере. Особое влияние оказали открытие и промышленное освоение виллюйских алмазных приисков, а, начиная со второй половины XX в., глобальные изменения в жизнедеятельности коренного этноса, повлиявшие и на его духовную жизнь.

На территории МО «Садынский национальный эвенкийский наслег» издревле проживали тунгусы рода Брангат. В 1920-х гг. Брангатско-Садынском наслеге Хочинского улуса Виллюйского округа было 33 поселения, в которых оседло проживало 67 эвенкийских хозяйств с населением 325 чел. [6, с. 188]. В 1930 году был создан Садынский район Якутской АССР, включавший в себя часть территории современного Мирнинского района РС (Я). В состав Садынского района входили Ботубобинский, Садынский и Чонский наслежные советы с центром в селе Туой-Хая. В 1948 г. Садынский район был ликвидирован, а Садынский наслег был передан в состав Сунтарского района. Таким образом, тунгусы были окружены якутскими поселениями и подвержены новой волне обякучивания. С 1957 г. село Сюльдюкар становится центром Садынского наслега. С середины 1950 гг. на территории Мирнинского района появляются первые рабочие поселки преимущественно с приезжим населением. В 1960 г. Чуонинский и Садынский сельские Советы Сунтарского района и Ботубобинский сельский Совет Ленского района были переданы в административное подчинение городу Мирный (в 1965 г. создан Мирнинский район ЯАССР). При этом часть территории наслега осталась в Сунтарском районе. С проведением политики оседлости и укрупнения населенных пунктов, в Садынском наслеге осталось только одно поселение – с. Сюльдюкар. В этом же году создан совхоз «Новый», как подсобное хозяйство алмазодобывающего предприятия – треста «Якуталмаз». Колхоз «Красный Север», располагающийся в Сюльдюкаре вошел в состав совхоза. С этим периодом связано начало русификации эвенкийского населения и утрата основы традиционного хозяйства – оленеводства, что безусловно, повлияло на духовную культуру коренного населения. В 1990-х гг. наблюдалось этнокультурное возрождение эвенков Сюльдюкара. Наслег приобрел статус национального эвенкийского наслега. Происходили попытки возрождения оленеводства, этнокультурной и языковой среды. Отмечалось такое явление, как восстановление национальности. Эти процессы нашли свое продолжение и в XXI веке.

В сентябре 2019 г. в Садынском эвенкийском национальном наслеге Мирнинского района РС (Я) было проведено социологическое исследование с использованием качественных и количественных методов. Количественный метод предполагал проведение анкетного опроса. Анкета состояла из 98 вопросов и была разделена на тема-

тические блоки, в том числе вопросы, посвященные религиозной ситуации. Особая роль отводилась качественным методам исследования, позволяющим глубоко изучить особенности этнических и культурных процессов, в частности были проведены полужформализованные интервьюирования по вопросам традиционного хозяйствования и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера «лицом к лицу». Информанты выбирались из числа представителей определенных социальных групп: занятые в традиционных отраслях хозяйства, сотрудники местного самоуправления, общественные деятели, краеведы, старожилы. При выборе информантов проводилась предварительная консультация с руководством наслега. В некоторых случаях использовался метод «снежного кома». В данной части исследования, посвященного религиозной ситуации, анализировались интервью 12 информантов.

В анкетном опросе приняло участие взрослое население наслега от 18 лет и старше. Для формирования выборочной совокупности применялась квотная выборка, составленная на основе актуальных списков жителей села. Квотная совокупность совпадает со структурой генеральной совокупности по полу и возрасту. Выборочная совокупность составила 100 чел. При составлении выборки также учитывался национальный фактор. Планировалось опросить не менее 60% представителей КМНС, учитывая данные национального состава полученные в последней Всероссийской переписи населения (далее ВПН). В 2010 г., в с. Слюдюкар проживали представители 5 народов: эвенки (55,4%), якуты (40,5%), эвены (3,2%), казахи, чувашаи (другие 0,9%). Коренные малочисленные народы Севера – эвенки и эвены (в переписях эвенки часто ошибочно записывались эвенками) – составили 58,6% [3] (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика респондентов с. Слюдюкар

Демографические показатели	Показатель (в %)
Пол	
Мужчины	49
Женщины	51
Возраст	
18-34	32
35-49	29
50-64	26
65 и ст.	13
Национальность	
эвенки	62
якуты	33
не указали	1
другой национальности	4
Образование	
высшее и незаконченное высшее	36
среднее специальное	33
начальное профессиональное	3
среднее общее	27
неполное среднее	1

<p>Основной вид деятельности служащий (специалист администрации, врач, учитель, работник культуры и др.) рабочий (ЖКХ и др.) работающий пенсионер (занят в бюджетной сфере) работающий пенсионер (занят в внебюджетной сфере) неработающий пенсионер домохозяйин, домохозяйка (не занят в отраслях хозяйства) безработный, состоящий на учете по безработице руководитель общины, крестьянского хозяйства другое</p>	<p>42 24 3 4 19 1 4 1 2</p>
<p>Семейное положение женат \ замужем холост \ не замужем разведен(а) вдовец \ вдова гражданский брак</p>	<p>58 27 6 5 4</p>
<p>Количество проживающих детей в семье ни указали один два три четыре пять и более</p>	<p>50 21 13 12 1 1</p>
<p>Уровень благосостояния денег не хватает даже на питание денег хватает только на питание и товары первой необходимости денег хватает на покупку промтоваров (одежды и обуви), но не хватает на покупку товаров длительного пользования денег хватает на покупку крупной бытовой техники, но не хватает на приобретение машины, квартиры материальных затруднений не испытываю</p>	<p>12 32 33 20 3</p>
<p>Уровень ежемесячного дохода семьи не указали до 15 тыс. руб. от 16 до 25 тыс. руб. от 26 до 35 тыс. руб. от 36 до 45 тыс. руб. от 46 до 55 тыс. руб. от 56 тыс. руб. и более</p>	<p>18 2 12 20 14 17 17</p>
<p>Время проживания в данном населенном пункте менее 1 года 1-2 года 3-5 лет 6-10 лет 11 и более с рождения</p>	<p>- 4 6 1 16 73</p>

По данным Министерства юстиции на территории Мирнинского района на 1 января 2018 г. действовало 19 религиозных организаций, из них 17 – официально зарегистрированных Минюстом: Русская православная церковь (8), Местная религиозная организация мусульман (3), Местная религиозная организация Буддийская община (1), Евангельские христиане (3), Адвентисты седьмого дня (1), Новоапостольская церковь (1) [4]. Информанты указывали, что представители трех последних из перечисленных организаций пытались найти адептов в селе, но их попытки не увенчались успехом. В Мирнинском районе создан и действует Совет по делам религии, который работает с религиозными организациями, расположенными на территории МО «Мирнинский район». Организуются встречи с руководителями и активистами религиозных объединений. Заседания комиссии проводятся один раз в полгода. Разработана Муниципальная программа «Развитие и гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений на территории МО «Мирнинский район» на 2019-2023 гг.».

Полевые исследования показали, что основой религиозных представлений жителей Садынского наслега являются традиционные верования: анимизм, тотемизм, шаманизм, промысловые и родовые культы, культ предков. Определенное влияние на религиозное сознание оказали процессы объякучивания, христианизации и атеистическое наследие советской эпохи.

Бытует традиционное эвенкийское представление о делении на три мира: верхний, средний и нижний. Три мира населены духами-хозяевами. С появлением христианства, духи-хозяева верхнего и нижнего миров, были перенесены на представления о Боге и черте [2, с. 255]. Верхний мир, кроме духа-хозяина, населяли предки людей, духи явлений и стихий природы: солнце, луна, ветер, гром и т.п. Нижний мир населяли души умерших, духи болезней, злые духи. В Среднем мире живут люди, а также он населен духами (иччи): духом-хозяином родовых территорий, духами отдельных мест, тайги, воды (реки, озера), огня, домашними духами-охранителями.

Среди населения распространены промысловые культы: культ медведя, культ духа тайги (Байанай), культ реки и т.п. Поклонение и связанная с этим обрядность часть культуры сьюльдюкарских эвенков [5]. О том, как правильно приносить жертву Байаная с просьбой об удачной охоте, как правильно вести в себя в тайге (не шуметь, бережно относиться и потреблять дары природы) знает каждый мужчина села «от мала до велика».

Для религиозной культуры сьюльдюкарских эвенков характерна эклектика. Некоторые элементы религиозных представлений, названия духов, предметов проникли из якутской культуры. Информанты знают якутские духовные традиции и соблюдают якутскую религиозную обрядность. Особо это проявляется в праздничной традиции встрече нового года – Ысыаха. Православное христианство также оказало влияние на религиозное представление эвенков. Нательные кресты и иконы, унаследованные от предков, хранятся в семьях в качестве оберегов. Особенно православие повлияло на похоронный обряд, воздушные захоронения заменили захоронения в земле. Вошел в культуру обряд омовения усопшего, одевания его в новое одеяние, окуривание помещения (очищения). На поверхности могилы делают холм и ставят сруб увенчанный крестом.

Анкетный опрос подтвердил данные полученные при анализе полуформализованных интервью. К категории «верующий» себя отнесли 53% опрошенных, традиционно верующих больше среди респондентов старшего поколения. Среди мужчин и женщин количество верующих практически одинаково (рис 1).

К последователям традиционных верований себя отнесли 67% респондентов, православия – 13%, христианства вообще – 2%, буддизма – 1%, к атеистам 2%, за-

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Считаете ли вы себя верующим?» (в%)

труднились ответить 11% респондентов. Необходимо отметить, что небольшая часть респондентов якутской национальности выбирали одновременно православие и традиционные верования, для них, как и для якутов центральной Якутии характерен феномен двоеверия [1], для вилюйских эвенков это не свойственно.

«Верующий» человек, у большинства опрошенных ассоциируется с одной из мировых религий, язычество и традиционные верования в эту категорию не входят. Следовательно, этим можно объяснить такой большой процент затруднившихся ответить и большим процентом выбравших вероисповедание, но не считающих себя верующими.

Традиционные верования доминируют среди молодежи и возрастных респондентов старше 50 лет, а вот христианство среди среднего поколения, возрастной категории «35-49». Корреляционная связь переменных по гендерной принадлежности респондентов не обнаружена.

Соблюдают религиозные обряды 32,7% респондентов, делают это по праздникам также 32,7%, не считают это необходимым 31,6% опрошенных, остальные затруднились ответить. В возрастной категории «35-49», как среди женщин, так и среди мужчин преобладает ответ «по праздникам». Гражданам этой категории, в основном

Рис. 2. Православный приход в честь Владимирской иконы Божьей матери п. Светлый Якутской епархии РПЦ (МП) (фото И.С. Астаховой)

трудоустроенным, семейным не остается свободного времени уделить внимание традиционным религиозным обрядам и обычаям, тем самым передать свои ценности и знания следующему поколению. Традиционные религиозные обряды эвенков обязательно проводятся на праздниках, на природе, на свадьбах, при рождении ребенка.

Культовые сооружения в селе отсутствуют. Православные верующие свои духовные потребности осуществляют в храме поселка Светлый (рис. 2).

Таким образом, основой религиозных представлений жителей Садынского наслега являются традиционные верования. На религиозную культуру садынских эвенков, в большей степени, повлияли процессы объякучивания и христианизации. Среди эвенкийского населения наблюдается религиозная маргинальность, так как данное сообщество находится на границе трех культур: традиционной эвенкийской, языческой якутской и православной русской. Результаты количественного исследования показывают, что для большинства респондентов, назвавших себя верующими (53% опрошенных), религиозность прежде всего связана с приверженностью к культурной и национальной традиции. Население наслега склонно поддерживать языческие традиции как одного из путей возрождения эвенкийского начала.

Примечания:

1. Астахова И.С. Религиозная идентичность населения Якутии: история и современность // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2016. № 4 (10). С. 89-97.

2. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографический очерк (XVIII – начало XX вв.). Л.: Наука, 1969. 304 с.

3. Данные предоставлены МО «Садынский национальный эвенкийский наслег»

4. По данным Министерства юстиции РФ // <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения 15.10.2019 г.)

5. Полевой материал автора. Из интервью жителя с. Сюльдюкар Мирнинского района РС(Я), мужчина, 1966 г.р. (с. Сюльдюкар, 02.10.2019 г.)

6. Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. Москва: Наука, 1985. 286 с.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ТРИБУНА

УДК 904 (574)

ИСТОРИЯ ПАЛЕОЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В АРХЕОЛОГИИ КАЗАХСТАНА

Акен Айнур Ерболкызы

Научный руководитель: Ибадуллаева З.О.,
к.и.н., доцент, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению роли этнологического анализа археологического источника. Использование междисциплинарного подхода расширяет возможности получения исторической информации. Комплексные исследования привели к формированию палеоэтнографии – нового научного направления, которое использует анализ археологических и этнографических источников для реконструкции культуры и быта древних народов. В 1960 – 1970-е гг. этноархеология в зарубежной археологии развивается как направление, связанное с методикой современной археологии. Дисциплинарная организация этноархеологии как науки в Казахстане только намечается. Целью данной статьи является краткое рассмотрение вопроса об истории палеоэтнографических (этноархеологических) исследований в археологии Казахстана.

Ключевые слова: палеоэтнография, этноархеология, зимовки, социокультурные системы, комплексный подход, экспедиция.

HISTORY OF PALEOETHNOGRAPHIC RESEARCH IN THE ARCHEOLOGY OF KAZAKHSTAN

Abstract. The article is devoted to the role of ethnological analysis of an archaeological source. Using an interdisciplinary approach expands the possibilities of obtaining historical information. Comprehensive research has led to the formation of paleoethnography – a new scientific direction that uses the analysis of archaeological and ethnographic sources to reconstruct the culture and life of ancient peoples. In the 1960s and 1970s, ethnoarchaeology in foreign archaeology developed as a direction related to the methodology of modern archaeology. The disciplinary organization of ethnoarchaeology as a science in Kazakhstan is only being planned. The purpose of this article is a brief review of the history of paleoethnographic (ethnoarchaeological) research in the archeology of Kazakhstan.

Keywords: paleoethnography, ethnoarchaeology, wintering, socio-cultural systems, integrated approach, expedition.

Казахстан – важный в археологическом отношении регион и исследование его древних памятников играют особую роль в археологии степной Евразии. Изучение археологических памятников Казахской степи имеет большое значение для истории не только нашей республики. Начиная с эпохи палеолита жившие здесь древние племена постоянно соприкасались с племенами Средней Азии, Сибири, Урала.

В настоящее время актуальным междисциплинарным направлением, вызывающим научный интерес со стороны археологии и этнологии, является палеоэтнография.

Потребность в этнографических знаниях возникла тогда, когда использование прямых и косвенных аналогий для археологов в поиске следов традиционных культур предков современных народов в археологических материалах не дали результатов. В науке стали активно обсуждаться проблемы изучения социокультурных систем путем интеграции археологических и этнографических материалов. Комплексные исследования привели к формированию палеоэтнографии – нового

научного направления, которое использует анализ археологических и этнографических источников для реконструкции культуры и быта древних народов.

В поисках необходимых механизмов археологи уже в течение многих лет обращаются к этнографии. Однако на различных этапах развития науки это обращение осуществлялось по-разному. В конце XIX в., благодаря развитию эволюционной теории, археологические материалы интерпретировались путем прямых этнографических аналогий, без какого-либо критического анализа. В 30–50 годы XX в. советские археологи обратились к поиску более корректных механизмов для применения этнографических параллелей и вышли на уровень этногенетического использования этнографии [6, с. 4].

Что касается второй половины XX в. как в зарубежной, так и в российской науке стали активно обсуждаться проблемы изучения социокультурных систем путем интеграции археологических и этнографических материалов. Это привело к формированию нового направления исследования на стыке археологии и этнографии. Оно получило название «этноархеология» и стало широко распространяться с 1960-х гг.

В 1960 – 1970-е гг. этноархеология в англо-американской археологии развивается как направление, связанное с методикой современной археологии. Этноархеологию определили как «археологию действия», «живую археологию». Целью этноархеологии в западной науке было проведение полных реконструкций социокультурных явлений.

Существует большое количество вариаций по поводу определения данного термина. Первое определение этноархеологии, было дано В.А. Шнирельманом в 1980 г., оно звучит следующим образом – «направление исследования, появившееся на стыке двух дисциплин (археологии и этнографии) и широко распространившееся в 60–70-е годы». Направление, изучающее взаимосвязи между материальными остатками человеческой деятельности и другими аспектами культуры. Отправной точкой для исследователя становится этнографический материал, отражающий устойчивые связи между явлениями, а не устойчивое сходство фактов и явлений [5, с. 100–113].

Этноархеология – научное направление, складывающееся со второй половины XX в. в результате интеграции археологических и этнографических исследований и призванное решить круг проблем по истории культуры и общества особым способом – на основе сопряжения археологического и этнографического видения этих проблем [3, с. 5].

По мнению Томилова Н.А. объектом этноархеологии выступают социокультурные системы с их сложной структурой и связями. Предмет этноархеологии в общем виде составляет свойство социокультурных явлений, отражает историческую действительность, их внутренние связи и отношения с другими системами [1, с. 10].

При изучении этнокультурных процессов, для ранних периодов этнической истории, несомненно, большое значение приобретают археологические материалы. Что касается конкретно Казахстана, роль археологических материалов при изучении культуры коренного населения и, в целом, дописьменной истории продолжает оставаться весьма важной.

В казахстанскую науку направление вошло и стало известно благодаря работам Ч.Ч. Валиханова, А.Х. Маргулана, М.К. Кадырбаева, М.К. Козыбаева, Х.А. Аргынбаева, М.С. Муканова, С.М. Ахинжанова, Ж.О. Артыкбаева. Можно отметить такие труды, как «Кочевники» (в четырех томах), «Казахи. Историко – этнографическое исследование», «Историко – культурный атлас казахского народа».

Необходимо заострить внимание на изучении стационарных долговременных поселений казахов, традиционно обозначаемых в археологической и этнологической

литературе как *кыстау*-зимовки. Их исследование, несомненно, относится к данному направлению. Между тем значимость исследования подобных объектов для восстановления материальной культуры казахов региона неоспорима высока. Подобный тип памятников слабо изучен, недостаточно проведены работы по картографированию подобных объектов, выявлению особенностей топографического и планиграфического расположения зимовок на местности. Неопределены основные архитектурные приемы строительства усадеб, системы водоснабжения и пространственного расположения хозяйственных пристроек. Проведенный нами анализ первых опытов позволяет обобщить и выделить общие данные по оседлым комплексам казахов нового времени.

Изучение казахских зимовок связано с организацией в 1969 г. Отрарской археологической экспедиции, переименованной в 1971 г. в Южно-Казахстанскую комплексную археологическую экспедицию. Основными объектами многолетних стационарных раскопок были выбраны городища в Отрарском оазисе; Туркестан, Ран и Культобе на северных склонах Каратау. Изучались могильники разных эпох, в том числе известный и ранее исследованный Борижарский могильник, Шага, Кок-Мардан. Широкие раскопки были организованы на городище Отрар-тобе, по уровню слоев XVI-XVIII вв. Одновременно велись и палеоэтнографические исследования, в частности, раскопки казахских зимовок с целью выяснения процессов оседания казахов. Результаты работ вылились позднее в монографию. Первая классификация оседлых поселений казахов была опубликована в сборнике 1976 г. [7, с. 46-58].

В настоящее время этноархеологическими исследованиями занимаются Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова. Важной частью исследований являются смежные направления: этносоциология, этнографическое памятниковедение (этноархеология) и др.

Крупные комплексные исследования осуществляются Отделом этнологии Института истории и этнологии НАН РК в обширном Арало-Каспийском регионе с богатейшим историко-культурным наследием. С конца 1990-х гг. здесь работает Западно-Казахстанская комплексная этноархеологическая экспедиция (ЗККЭАЭ). Экспедицией, в составе которой участвуют этноархеологи, этнографы, архитекторы, арабисты, представители естественно-научных специальностей, проведены всесторонние изыскания по памятникам архитектуры, истории и культуры, сопутствующим этнокультурным направлениям на территории Актюбинской, Атырауской, Мангыстауской и Западно-Казахстанской областей. Исследованы труднодоступные ареалы памятников (Донызтау, Нарынкум, Северное Приаралье и многие др.), изучены крупнейшие комплексы (Карашунгыл, Кайнар, Султан-акын, Сисем-ата и т.д.), разработана методика этноархеологических (этноархитектурных) исследований мемориально-культовых памятников степного региона. Выдающийся результат достигнут в ходе комплексных изысканий на огромном некрополе Хан моласы, где было обнаружено место захоронения Абулхаир-хана, и восстановлен его облик [4]. К исследованиям привлекались специалисты различного профиля, в том числе почвоведы, геофизики, антропологи, генетики.

С 1999 г. до начала 2019 г. отделом этнологии и антропологии руководил этнолог и этноархеолог, д.и.н. С.Е. Ажигали. Можно сказать, что он возродил практику полевых этнографических (и этноархеологических) исследований, что следует считать важным достижением последнего периода.

Таким образом, на базе академического Отдела этнологии получило развитие особое научное направление – этноархеология, задачи которого тесно связаны с палеоэтнографией. Этнологи внесли основополагающий вклад в становление в Казахстане этой важной научной дисциплины на стыке этнографии, археологии и этноар-

хитектуры. Исследование мемориально-культурных, поселенческих (зимовки и пр.), эпиграфических и др. памятников, как неотъемлемой части культуры, специалистами отдела правомерно определяется как важная задача комплексных этнографо-этноархеологических изысканий. По инициативе казахских этноархеологов и коллег из СНГ был проведен XII Международный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований» (Алматы, 2004).

Л.С. Клейн отмечает: «Что бы реконструировать прошлое, каждая из источниковедческих наук нуждается в других. Этнография и археология поставляют свои выводы истории, социологии, культурной антропологии и для понимания своих материалов постоянно обращаются к этим синтезирующим наукам, заимствуя, информацию. В этом нуждаются обе науки – и археология, и этнография» [2].

Этноархеология как особое (даже отдельное) направление в науке и методика этноархеологических исследований сделали большой шаг вперед. Но еще предстоит решение основных проблем связанных с разработкой вопроса об этноархеологическом источнике и методах интеграции археологических и этнографических материалов и интерпретаций.

Примечания:

1. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы. 2002. - 652 с.
2. Жолдасбаев С. Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV-XIX вв.)// Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1976. – С. 46-58
3. Жук А.В., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Введение в этноархеологию: Учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений/Отв.ред. В.И. Молодин – Омск: Издательский дом «Наука», 2003. –72 с.
4. Кениг А.В. Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов). – Екатеринбург– Ханты-Мансийск: издательство «АМБ», 2010. – 128 с.
5. Клейн Л.С. Археология и этнография: проблема сопоставления.// Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы международного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Омск – Санкт-Петербург. 1998. – С. 97-120.
6. Томилов Н.А. Этноархеология и этнографический комплекс. // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 1: Культура тарских татар. – Новосибирск: «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 1996. – 220 с.
7. Шнирельман В.А. Этноархеология – 70-е годы// Советская этнография. – 1984. – №4.

УДК: 903.27(571.56)

К ПРОБЛЕМЕ ДАТИРОВКИ ПЕТРОГЛИФОВ НА ОСНОВЕ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА ПИСАНИЦЫ КЮНКЮ И МАТЕРИАЛОВ ПАМЯТНИКА КЮНКЮ II В ЮЖНОЙ ЯКУТИИ

Михайлова А.И., Бурцев С.А.

Научный руководитель: Пестерева К.А.,
старший преподаватель ИФ СВФУ им. М.К. Аммосова

Аннотация. Петроглифы являются важным историческим источником дописменного периода, отображением материальной и духовной жизни их созда-

телей, быта и культуры. Датировка петроглифов является предметом дискуссионным, ввиду того, что до сих пор не выработана методика определения точного возраста наскальных рисунков, их привязки к той или иной археологической культуре. В данной статье затронута проблема датировки писаницы Кюнкю по результатам спасательных археологических работ Приленской археологической экспедиции ГБУ АНИЦ АН РС (Я) в пос. Верхняя Амга Алданского района РС (Я) в 2019 г.

Ключевые слова: петроглифы, проблема датировки, Южная Якутия, Кюнкю, Кюнкю II, археологическая экспедиция.

TO THE PROBLEM OF DATING PETROGLYPHS ON A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE KYUNKYU SCRIPT AND MATERIALS FROM THE KYUNKYU II MONUMENT SITE IN SOUTH YAKUTIA

Abstract. Petroglyphs are an important historical source of the preliterate period - a reflection of the material and spiritual life of their creators, their way of life and culture. The Dating of petroglyphs is a subject of discussion, due to the fact that a method for determining the exact age of rock carvings has not yet been developed. And therefore, there is also a problem of linking them to a particular archaeological culture. This article deals with the problem of Dating the Kyunkyu script based on the results of rescue archaeological works of the Prilensky archaeological expedition of the Arctic Scientific Research Centre, Academy of Sciences of the Sakha Republic in the village Upper Amga of the Aldan district of the of the Sakha Republic in 2019.

Keywords: petroglyphs, the problem of Dating, South Yakutia, Kyunkyu, Kyunkyu II, archaeological expedition.

Датировку петроглифов можно установить корреляционным анализом на основе сравнительного анализа жертвенного материала писаницы с материалами культурного слоя опорных археологических памятников [4, с. 138]. Отсутствие жертвенного материала представляет проблему для датирования писаниц и позволяет лишь условно привязать их к материалам близлежащих стоянок и поселений.

Целью данной статьи является установление примерного возраста писаницы Кюнкю путем сопоставления изображений с археологическими материалами многослойной стоянки Кюнкю II.

Объект археологического наследия – памятник наскального искусства «Писаница Кюнкю» открыта в 1982 г. отрядом археологической экспедиции Музея археологии и этнографии ЯГУ, руководителем которого являлся Н.Н. Кочмар. Расположен на левом берегу реки Амга (934 км), рядом с пос. Верхняя Амга Алданского района Республики Саха (Якутия). В ходе работ, на 12-25 метровой скальной гряде, на высоте 4-7 метра, отрядом было выделено 3 плоскости и 60 рисунков.

В 2019 г. в ходе проведения спасательных археологических работ Приленской археологической экспедицией государственного бюджетного учреждения Арктического научно-исследовательского центра Академии наук Республики Саха (Якутии) (АНИЦ АН РС (Я)) на памятниках Кюнкю I-II и Буяга I-III, расположенных в менее чем в километре выше по течению р. Амга, была обследована и писаница Кюнкю. В ходе повторного изучения данного памятника было установлено, что плоскость I была разрушена, предположительно из-за обрушения скалы.

В результате сравнительного анализа копий рисунков в монографии Н.Н. Кочмара и ныне повторно изученных рисунков показывает, что в силу природных и антропогенных факторов памятник в течение нескольких десятилетий сильно видоизменился.

Сам памятник относят ко времени позднего неолита – к ымыяхтахской культуре. В позднем неолите, как мы знаем, продолжается практика изображения животных и людей с трёхпалыми конечностями. Такая же практика изображения антропоморфных и зооморфных фигур с трёхпалыми конечностями, находит отражение на писаницах Забайкалья, Томи, Ангары, Средней Лены и в Приамурье. Также, характерной особенностью рисунков позднего неолита, является наличие у животных человеческих ступней – валенкообразные ноги. Датировку таким рисункам дал А.И. Мазин. Он относит эти рисунки ко II тыс. до н.э. основываясь на материалы жертвенника и их связи с рогообразными антропоморфными фигурами на писанице в устье р. Крестях. Именно поэтому, определяющим фактором позднего неолита стали одновременно нарисованные рисунки людей и животных с трёхпалыми конечностями и животных с валенкообразными ногами [4, с. 139].

Вместе с тем, для позднего неолита характерны также маски-личины и антропоморфные фигуры с рожками.

На писанице Кюнкю, некоторые вышеупомянутые датирующие элементы позднего неолита присутствуют. Например, та же самая трёхпалая антропоморфная фигура, животные с валенкообразными ножками и антропоморфные фигуры с рожками.

Семантика антропоморфных фигур с трёхпалыми конечностями определяется исследователями по-разному. Так, Е.А. Окладникова предполагает, что трёхпалость фигур указывает на орнитоморфность этих образов [4, с. 138]. Также, есть предположение, что трёхпалость конечностей антропоморфных фигур указывает на три начала мироздания – на огонь, воду и на воздух. Сама же трёхпалая фигура есть земля [4, с. 138].

Эту же эпоху представляют антропоморфные фигуры с рожками, как изображение 8 на плоскости II и изображение 22 на III плоскости, имеющие также трёхпалые конечности. Вероятно, эти изображения были созданы в период перехода от неолита к эпохе бронзы. По мнению исследователей, эти фигуры – изображения шаманов, чьи заклинания должны были принести удачу на охоте [1, с. 72].

Расположенная в километре от писаницы Кюнкю многослойная стоянка Кюнкю II была открыта в 1964 г. Ю.А. Мочановым на левом берегу р. Амга, на правом приустьевом мысу р. Кюнкю, левого притока р. Амга (932 км от устья). Во время раскопок 1977-1978 гг. З.И. Филипповой и В.И. Козловым во вскрытых аллювиально-делювиальных отложениях были найдены различные каменные орудия и керамика. В пахоте было найдено 27 фрагментов керамики: 1 сетчатый, 3 шнуровых, 7 вафельных и 16 рубчатых. В следующем за пахотой слое было обнаружено 144 фрагмента керамики: 44 сетчатых, 24 шнуровых, 14 вафельных, 2 рубчатых, 60 с испорченной поверхностью. Во втором уровне находок среди фрагментов керамики 5 сетчатых, 4 шнуровых, 3 вафельных. В третьем уровне найдено 11 фрагментов сетчатой керамики. В 2005-2006 гг. стоянка Кюнкю II исследовалась Приленской археологической экспедицией под руководством С.А. Федосеевой.

Ввиду смешения слоев, находки оказались перемешаны [3, с. 77], в данной статье, мы акцентируем внимание на керамическом комплексе, как на одном из наиболее информативных источников археологии.

В 2019 г. в ходе проведения спасательных археологических работ Приленской археологической экспедиции АНИЦ АН РС (Я) на территории памятника было обнаружено 294 фрагмента керамики, относящихся к ымыяхтахской культуре позднего неолита, усть-мильской культуре бронзового века и фрагменты, предположительно относящиеся к белькачинской культуре среднего неолита, раннему железному веку и средневековью. Основная часть находок была обнаружена в темно-коричневом гу-

мусированном слое. Наиболее преобладающим типом (178 фрагментов) является вафельная керамика, наполнителем двуслойного теста которой для 19 фрагментов служил мелкозернистый кварцит и шерсть. Все эти особенности позволяют нам отнести данную керамику к ымыяхтахской культуре [5, с. 188]. Следующим в количественном значении (59 фрагментов) типом идет гладкостенная керамика усть-мильского облика: 14 фрагментов сосуда однослойные, примесью для теста которых служит мелкозернистый песок, дресва, шерсть; 45 фрагментов – двуслойные с примесью дресвы, разнозернистого песка и шамота. Однослойную рубчатую керамику (38 фрагментов), с примесью мелкозернистого песка, вероятно, можно отнести к керамике раннего железного века, т. к. отсутствуют два признака ымыяхтахской культуры – многослойность и примесь шерсти в тесте. Толстостенная керамика, представленная 8 фрагментами, напоминает керамику кулун-атахской культуры средневековья. Три фрагмента однослойной шнуровой керамики, вероятно, относятся к керамике белькачинской культуры среднего неолита.

Наиболее важным открытием стала находка окрашенной охрой гальки – «терочника» в культурном слое, предположительно отнесенном к эпохе неолита.

Судя по характеру найденных находок, человек начал осваивать данный участок в неолите, когда накопилась аллювиальная пачка благоприятная для произрастания лесов и прихода промысловых животных. Вероятно, к этому же периоду можно отнести создание наиболее ранних изображений с писаницы Кюнкю. В нижней пачке аллювиальных отложений наблюдаются наиболее выделяемые прослойки светло-коричневой супеси, что является признаком усыхания и обмеления р. Кюнкю в различные фации. Согласно классификации А.А. Андреева, первая половина голоцена являлась наиболее теплым периодом (в среднем 10000-5000 лет назад) в сравнении со второй половиной [2, с. 15-26].

Как видим, датировка, предложенная писанице Кюнкю Н.Н. Кочмаром, в целом не противоречит археологическому материалу многослойной стоянки Кюнкю II, но наиболее точную датировку возможно будет определить только после физико-химических исследований состава охры «терочника» и с изображений писаницы Кюнкю, которые позволят выявить их сходство или отличие.

Примечания:

1. Алексеев А.Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. – Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 1996. С – 143.

2. Андреев А.А. История растительности и климата Центральной Якутии в голоцене и позднеледниковье // Вопросы палеоклиматологии, палеолимнологии и палеоэкологии, Часть 4. – Якутск: ЯГУ, 2000. – С. 15-29.

3. Кирьянов Н.С. Научный отчет о выполненных спасательных археологических работах по сохранению выявленных объектов археологического наследия «Стоянка Буюга I (неолит, железо)», «Стоянка Буюга II (неолит)», «Стоянка Буюга III (неолит)», «Стоянка Кюнкю I (палеолит)», «Многослойная стоянка Кюнкю II» в Алданском районе республики Саха (Якутия). – Якутск, 2019 // Архив ГБУ АНИЦ АН РС (Я). Том I (текст). – 98 с.

4. Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. – Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 1994. – 263 с.

5. Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. — Новосибирск: Наука, 1980. – С. – 234.

УДК 392:6(=512.157)

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЯКУТОВ О ПРОИСХОЖДЕНИИ БОЛЕЗНЕЙ: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

Михайлова С. М.Научный руководитель: Яковлева К. М., к.и.н.,
доцент ИФ СВФУ им. М.К. Аммосова

Аннотация. В статье на основе опубликованных трудов А.Е. Кулаковского, В.Л. Серошевского, Р.К. Маака, Г.М. Попова, А.А. Макарова, А.М. Григорьевой, А.И. Гоголева, К.М. Яковлевой предпринята попытка проанализировать проблему происхождения болезней в традиционных представлениях якутов. Также автор опирался на собственные наблюдения во время этнографических экспедиций по Центральной и Западной Якутии с 2016 по 2020 гг. и полевые материалы студенческого научного кружка «Культурная антропология». Традиционные представления якутов о происхождении болезней связаны с их мифологическим мировоззрением, практическим опытом, познаниями в народной медицине.

Ключевые слова: якуты, болезни, традиционные знания, *абааһы*, *үөр*, божества, *кут*, *сүр*.

TRADITIONAL REPRESENTATIONS OF THE YAKUTS ABOUT THE ORIGIN OF THE DISEASES: TO THE HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE

Abstract. In the article an attempt was made to analyze the problems of the origin of diseases in the traditional traditions of the Yakuts based on the published works of A.E. Kulakovsky, V.L. Seroshevsky, R.K. Maak, G.M. Popova, A.A. Makarov, A. Grigorieva, A. Gogoleva, K. Yakovleva. The author also relied on his own observations during ethnographic expeditions in Central and Western Yakutia from 2016 to 2020 and field materials of the student scientific circle "Cultural Anthropology".

The traditional representations of the Yakuts about the origin of diseases is associated with a mythological worldview, practical experience, knowledge in folk medicine.

Key words: Yakuts, diseases, traditional knowledge, *abaahy*, *үөр*, gods, *kut*, *syр*.

Болезни - это неотъемлемая часть мироздания, являющиеся такой же его составляющей, как жизнь и смерть. Представления якутов о происхождении болезней во многом связано с их религиозным мировоззрением и традиционной культурой.

Специальных работ, посвященных представлениям якутов о происхождении болезней нет. Но, данную тему затрагивали в своих трудах такие исследователи, как А.Е. Кулаковский, В.Л. Серошевский, Р.К. Маак, А.А. Макаров, А.М. Григорьева, А.И. Гоголев, К.М. Яковлева [4, 9, 5, 6, 2, 1].

Одними из первых исследователей этномедицины были В.Л. Серошевский и Р.К. Маак [9, 5]. В своих работах они приводят сведения о болезнях, которыми болели якуты и методы их лечения.

В книге «Виллюйский округ Якутской области» Р.К. Маак пишет про болезни, которые встречались в Виллюйском округе Якутской области, а также приводит статистику. В данном труде подробно рассмотрено течение тех или иных болезней и способы их лечения [5].

В.Л. Серошевский выделил свыше пятидесяти видов растений, которые были знакомы якутам на тот момент. В этом труде большой интерес представляет описание

заболони, служившей основой пищи для многих якутов. Здесь же исследователь описал врачевания шаманов [9].

В советское время об этномедицине якутов писал А.А. Макаров, он издал брошюру «Растительные лечебные средства якутской народной медицины» в 1974 г., последнее переиздание было в 2002 г. Здесь описаны лекарственные растения, которые знали якуты. Им же опубликовано более десятка статей и монографий, в которых описана традиционная медицина якутов, примеры применения различных трав. Исследователь выделил ареал распространения некоторых трав по территории Якутии и описал их рецептуру [6].

В 1991 г. вышла работа А.М. Григорьевой «О народной медицине якутов». Эта монография является одним из первых опытов изучения народной медицины якутов. Автор сделала попытку анализа представления дореволюционных якутов о природе происхождения болезней, средств и методов лечения, обобщила сведения из различных рукописей и книг, как дореволюционных, так современных ученых и врачей. Второе издание вышло в 1996 г., в котором А.М. Григорьева выделила основные методы лечения в народной медицине: фитотерапия, продукты животного происхождения, хирургия, костоправие, прижигание, кровопускание, массаж, компрессы, психотерапевтические средства воздействия [2].

Следует отметить раздел «Народная медицина Якутии» А.И. Гоголева в монографии «Народные знания якутов в XVII – начале XX в» (2015), где автор на основании собственного полевого материала и архивных данных описывает умения якутских целителей. А.И. Гоголев пишет об основных аспектах якутской народной медицины в целом, при этом обращая должное внимание на средства лечения, взятые из животного мира и на примитивные хирургические методы лечения. Также автор приводит причины болезней и отмечает, что по представлениям якутов они заключались в плохом питании, холоде, ушибах, а также враждебных человеку незримых злых сил – *абааһы* [1, с. 77-101].

Интересны работы К.М. Яковлевой по этномедицине якутов, в ее статьях описаны научные составляющие лекарственных растений и способы их применения. Также были приведены представления якутов о причинах болезней, которые были основаны, прежде всего, на их мифологических и мировоззренческих знаниях [10, 11].

Религия в жизни якутов имеет огромное значение. По мифологическим воззрениям якутов, мир разделен на три уровня: верхний, средний и нижний. В зависимости от своих религиозных представлений, якуты считали, что первопричиной всех болезней являются злые божества и духи – *абааһы*. Каждый из этих миров окружен божествами и духами, как добрыми, так и злыми. Автор А.И. Гоголев отметил, что по якутским поверьям человек состоит из трех душ-кут: *ийэ-кут* (мать-душа), *буор-кут* (земля-душа) и *исалгын-кут* (воздух-душа). А также человек наделен *сүр*, который олицетворяет жизненную энергию и психический строй. И от этого триединства души и *сүр* зависели жизнь и здоровье человека. Якуты верили в то, что человек заболел или умер от болезни в зависимости от того какой *абааһы* (злые божества и духи) украл или навредил одной из душ -кут или *сүр*, либо вошел в человека и своим присутствием в организме вызывал болезни [1, с. 79-80]. Также, существует еще отдельный вид *абааһы*, которые приносят все эпидемиологические болезни – *дьаң*, в особенности оспу, корь и сибирскую язву, перед которыми шаман оказывался бессильным [4, с. 26-27].

По данным А.М. Григорьевой выделяется 3 причины происхождения болезней, основанных на представлениях и традиционных знаниях [2].

Во-первых, по представлениям якутов болезнь насылали существовавшие в Нижнем мире божества различных болезней и недугов. Якутское божество *Улусханнаах*

Улуу Тойон считалось главным среди них, также он управлял другими *абааһы*, наносящими вред здоровью человека. Примечательно то, что каждое божество или дух распоряжался определенной только ему болезнью. Божество *Чаадай-Боллох* отвечал за глазные заболевания, после нападения на людей дух *Мэнэрик* сводил их с ума, превращал в истеричных кликуш и бесноватых. Сестра *Кыйдаан Кыыс* производила девичьи болезни: наводила истерику, сводила с ума, разжигала похоть. Духи *Хаахтаан-Буурайа* превращали человека в горбатого, *Найыы Олуо* насылала проказу, богиня *Киэң Тайахтаах Хотун* - сифилис, проказу, золотуху, *Сор Хаара Дьаң* – головную боль, *Көрүө Балах Хотун* – боли костей и внутренностей [2, с. 3-4].

В одном из якутских сказаний о знаменитом шамане *Аан Үһэй* говорится о происхождении болезней. У него родились 9 мальчиков и 9 девочек, и они все были уродами. Когда прошло 18 лет от роду первого ребенка, *Аан Үһэй* нашел, что исполнилось все то, что было предназначено свыше, и потому приступил к церемонии отправления этих уродов с земли в небесное царство. Назвал он каждого из своих детей по имени той болезни, которые они будут производить: первая пара – *Иирэртөрдө* (сводящие сума); вторая пара – *Харахыалдьарынтөрдө* (причиняющие глазные болезни); третья пара – *Босхонтөрдө* (вызывающие обессиливание и паралич); четвертая пара – *Илии бааһынтөрдө* (вызывающие раны рук); пятая пара – *Сылгыныиридээччитөрдө* (причиняющие бешенство лошадей); шестая пара – *Сылдьарсырыыкэнтигэ, олороро-лохкэнтигэ, булткэнтигэ* (причиняющие полную неудачу); седьмая пара – *Тыла суохтөрдө* (насылающие немоту); восьмая пара – *Ойох эр иккиниараараччы* (разъединяющие супругов); девятая пара – *Сэбэсуохонорооччу, аттактытөрдө* (производящие мужскую импотенцию).

Также, якуты сильно боялись оспы и из-за страха перед ней называли *кырдыаҕас* (старая, госпожа). Данную болезнь они представляли злым духом и олицетворяли ее в виде женщины [8, с. 128].

Во-вторых, это различные и многочисленные болезни, вызванные *үөр*-неупоконенные души людей, которые умерли преждевременно или не своей смертью, обитающие в Среднем мире. *Үөр* насылали свои болезни на людей в основном из-за своей мстительности, обидчивости и озлобленности. Также, если человек умер от какой-либо болезни, мог превратиться в *үөр* и насылать ту же болезнь, но уже в более легкой форме [7]. Болезни от *үөр* производятся тогда, когда он, рассердившись на человека, ударяет его своей плетью – *үөркымныылыыра*, а на месте удара плети человек заболевает. Так как удары плети в основном поперечные, то и его болезни как бы поперечны. И поэтому якуты старались не привлекать к себе внимания *үөр* [2, с. 5, 13]. Например, *үөр* мог схватить человека за живот так сильно, что он весь становился синим, от этого и умирал (осложнения аппендицита) [7].

В-третьих, болезнь могла быть вызвана «худой пищей», холодным питьем, застоем крови и ее порчей, отодвинувшейся от спины желчью, ушибами и т. д. Согласно представлениям если человек ел печенку тайменя, то у него кожа становилась рябой. Если беременная женщина ела грибы, то у нее мог произойти выкидыш, если уставший от продолжительной ходьбы или езды пил холодное, то болезнь касалась аорты и портилась кровь – *уруттуур* [2, с. 13]. То есть в этом случае указывалась реальная «земная» причина болезни. Так как якуты *абааһы*, *үөр* и всякие невидимые существа всегда называли *көстүбэттэр*, т.е. невидимыми, то первые две причины происхождения болезней можно соотнести с современными знаниями о болезнетворных бактериях и микробах [3, с. 10].

Итак, проведенный историографический обзор свидетельствует, что данная проблема, прежде всего, изучалась в контексте этномедицины якутов, отдельной специальной работы посвященной представлениям якутов о происхождении болезней

нет, данная проблематика остается актуальной и по сей день.

Что касается непосредственно традиционных представления якутов о болезнях, необходимо отметить, что прежде, чем лечить ту или иную болезнь, якуты пытались найти ее первопричину для того, чтобы выбрать из проверенных опытом средств и методов лечения наиболее эффективный способ. При этом, использовались накопленные знания о целебных свойствах растений, лекарств животного происхождения, особых диетах и мерах карантина, а также сверхъестественные силы шаманов и лекарей.

Таким образом, представления якутов о происхождении болезней было тесно связано с их мифологическими представлениями и традиционными знаниями. По их религиозным представлениям, *абааһы*, которыми населен мир, играли огромную роль в развитии тех или иных болезней. Наряду с этим учитывались и реальные причины происхождения болезней, такие, как неправильное питание и различные травмы.

Примечания:

1. Гоголев А.И. Народные знания якутов в XVII – начале XX вв. (календарь, метеорология, медицина). – Якутск: Издательский дом СВФУ, 2015. – 104 с.
2. Григорьева А.М. О народной медицине якутов. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1991. – 72 с.
3. Дьячковская Е.А. Народная медицина якутов как культурное явление // Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения: материалы II международной научно-практической конференции 20–21 апреля 2012 года. – Пенза – Москва – Витебск: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – №18. – С. 8-11.
4. Кулаковский А.Е. Научные труды. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1979. – 482 с.
5. Маак Р.К. Вилюйский округ 2-е изд. – М.: Яна, 1994. – 592 с.
6. Макаров А.А. Лекарственные растения Якутии. – Новосибирск: Изд. СО РАН, 2002. – 264 с.
7. ПМА, 2018 – Полевые материалы автора, собранные в Вилюйской группе улусов в 2018 г.
8. Попов Г.М. В Якутской глуши: сборник статей из приходской жизни Якутской Епархии. – Иркутск: Паровая типо-литография им. П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1910. – 134 с.
9. Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Московская типография №2. – 1993. – 736 с.
10. Яковлева К.М. Бытовая народная медицина якутов // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 11. – С. 77-80
11. Яковлева К.М. К вопросу изучения лекарственных трав Якутии // Международный научно-исследовательский журнал, 2019. – №12 (90). – С. 67-70.

УДК 398.54(=512.157)

ЖЕНСКИЕ БОЖЕСТВА В ПАНТЕОНЕ КУЛЬТА АЙЫЫ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Михайлова С. А.

Научный руководитель: Яковлева К.М., к.и.н.,
доцент ИФ СВФУ им. М.К. Аммосова

Аннотация. В статье, опираясь на научные труды историков-этнографов, автор предпринял попытку проанализировать трансформацию исконных образов женских божеств в представлении современного якутского общества в частности деяте-

лей культуры. Современная массовая культура и глобализация стирают самобытные традиции, обычаи и верования многих народов. В рамках данной работы рассмотрен пантеон женских божеств, а именно – *Айыыһыт* и *Иэйэхсит*, дано их описание, роль в жизни и развитии традиционной культуры якутов. *Айыыһыт* и *Иэйэхсит* являются неотъемлемой частью якутского культа божеств, именно они являются символом души, семейного очага и продолжения рода. От их покровительства зависело многое – здоровые дети, благополучие в семейной жизни и процветание в хозяйстве.

Ключевые слова: якуты, культ Айыы, женские божества, Айыыһыт, Иэйэхсит, массовая культура, трансформация.

FEMALE GODS IN THE PANTHEON OF THE CULT OF AIYY: TRADITIONS AND MODERNITY

Abstract. In the article, relying on the scientific works of ethnographers historians, the author made an attempt to analyze the transformation of the primordial images of female deities in the representation of modern Yakut society, in particular cultural figures. Modern mass culture and globalization are erasing the distinctive traditions, customs and beliefs of many peoples. This article discusses the Pantheon of female deities, namely - Aiyyhyt and Ieyekhsit, their description and main role in the life and development of traditional Yakut culture. Aiyyhyt and Ieyekhsit are an integral part of the Yakut cult of gods, they are the symbol of the soul, family hearth and procreation. Much depended on their patronage - healthy children, well-being in family life and prosperity in the economy.

The article analyzes the transformation of the primordial images of female gods in the representation of modern Yakut society, based on the scientific works of historian-ethnographers.

Key words: Yakuts, cult of Aiyy, female gods, Aiyyhyt, Ieyekhsit, mass culture, transformation.

Все мифологическое, религиозное и культурное понятие о системе зарождения жизни связано с культом Айыы, поэтому мифотворчество становится частью религии. Зарождение веры Айыы в недрах патриархального строя связано с именем богини Айыыһыт [2]. Культ божеств *Айыы* в прошлом занимал значительное место в религиозных верованиях якутов. В якутском пантеоне божеств женское начало занимает далеко не последнюю роль [11, с. 4]. Центральными женскими образами в культе *Айыы* выступают богини *Айыыһыт* и *Иэйэхсит*. В современном якутском обществе трансформируются и теряются исконные образы женских божеств традиционного культа *Айыы*.

Женские образы и сам религиозный культ, так или иначе, были изучены многими исследователями. Так, первые сведения появились еще в XIX в. Р. Маак изучил и собрал работы о празднике ысыах, краткие сведения о шаманах у вилюйских якутов, описал якутские обряды (жертвоприношения, похоронные и свадебные обряды) [7, с. 90-118]. У В.Л. Серошевского *Айыыһыт* описывается как «существо женского пола, символ плодородия. Она живет ближе к земле, богиня могучая, «госпожа сама по себе» [10, с. 649].

В изучение религии якутского народа свой вклад внес А.Е. Кулаковский, оставивший после себя множество работ по этнографии и фольклору народа. Он сделал наиболее полную характеристику о богинях и их роли в традиционной религии [5, 6]. Данную тему также активно освещали И.А. Худяков [12], П.А. Ойунский [9], Н.А. Алексеев [1], К.Д. Уткин [11] и др. Значение их работ в изучении женских образов в культе Айыы определено тем, что именно в них представлены традиционные, исконные образы божеств. Сегодня изучению женских божеств в традиционном религиозном культе якутов уделяется достаточное внимание, однако не освещены их современ-

ные образы в представлениях якутского общества.

В статье проводится анализ традиционного представления женского образа культа Айыы и показана его трансформация в современном обществе, через призму творчества деятелей культуры.

В традиционном представлении якуты верили, что *Айыыһыт* и *Иэйэхсит* живут на нижнем восточном небе и представляются в виде богато одетых пожилых женщин. Эти образы присутствовали и в родильных обрядах, так, например, в обряде «Айыыһыт тардар» присутствовали две пожилые женщины, которые представляли собой богинь Айыысыт и Иэйиэхсит [5, с. 105]. Так, в работе П.А. Ойунского в обрядах, сопряженных с верованиями «госпожа Айыыһыт появляется в виде женщины, в возрасте не более 50 лет и произносит «алгыс» о рождении ребенка мальчика или близнецов – мальчика и девочки. Затем начинает помогать роженице, как повивальная бабка путем натирания и массажа» [9, с. 41].

В обрядности и повседневности якутов главными функциями Айыыһыт выступали: забота о размножении людей, появление при родах и помощь благополучному разрешению от бремени [6, с. 24]. Она играла роль заступницы не только людей, но и конного и рогатого скота.

Эдьэн (эрдэн) Иэйэхсит или Нэлбэй Иэйэхсит в представлении народа отождествлялась и была близка к христианскому ангелу-хранителю, так, она заботилась о безопасности человека в течение всей его жизни [6, с. 23]. Помимо этого, она является богиней-посредницей между божествами и людьми, принимая от якутов их просьбы и передавая повеления божеств. К сожалению, никаких обрядов, связанных с верой в существование Иэйэхсит, у якутов не сохранилось, в связи с чем, в последующем ее функции духа-посредника в обществе были заменены под влиянием черного шаманства. И уже потом в народном сознании ее функции трансформировались и стали такими же, как у Айыыһыт, а вместе они стали представляться как единое целое, являясь покровителями деторождения и скотоводства.

Нельзя не отметить, что культ богинь Айыыһыт и Иэйэхсит относится к наиболее древним пластам пантеона. Они восходят к древнейшим представлениям, основанным на почитании женского начала и прародительниц, женских божеств в традиционном религиозном культе якутов. В ходе историко-этнографического описания якутских религиозных верований Н.А. Алексеев отмечал, что культ Айыыһыт в их культуре был связан с жизнью рода [1, с. 77]. Иэйэхсит и Айыыһыт раньше исполняли роль предков-матерей, функции которых позже изменились [4]. Так, Иэйэхсит при матриархате была «мать – предок» рода, с наступлением же патриархата стала божеством, покровителем рода, семьи и материнства. Айыыһыт являлась, очевидно, покровительницей материнства и рогатого скота при матриархате, с переходом к патриархату она стала божеством только рогатого скота, а мать-предок Иэйэхсит заняла место Айыыһыт. Древность Айыыһыт доказывается и ее именем означаемым – «творительница», а Иэйэхсит происходит от «ийэ» - мать-предок, мать-божество рода, а может быть и олицетворение строя, возглавляемого женщинами под руководством матери, самой старейшей женщины в роде, семье [9, с. 40].

Образы культа Айыы воспеваются и в культово-обрядовой поэзии якутов, так, в алгысах воспеваются образы женских божеств, например, в «Заклинании Айыыһыт при освящении детской колыбели» она предстает в образе женщины пожилых лет:

*Кылбайар кырынаас тыһа бэргэһэлээх,
Өлбүргэлээхүүс сагыньахтаах,
Бөртөлөөх бөрө сугуруолаах.
Үс суол тимэхтээх,
Айыыһыт хатын ийэм эмээхсин!*

*В шапке из блестящих горностаевых лапок,
В дохе из рысьего меха с проседью,
В наколенниках из отборного волчьего меха,
С тремя видами завязок,*

Госпожа-мать старуха Айыыһыт! [8, с. 290-291].

Сегодня в условиях современной массовой культуры и урбанизации происходит изменение образов женских божеств культа Айыы. И теперь они предстают в образе молодых женщин в богатой одежде национального стиля. Это социальное явление можно объяснить усилением процесса урбанизации в Якутии. Более 60 % населения республики проживает в городах, увеличение числа горожан происходит за счет внутренней миграции (село – город). Известно, что носителями традиционной культуры являются сельские жители, у которых повседневная жизнь меняется не так быстро, как в городской среде. Столкнувшись с вызовами времени, продуктами культурной глобализации в городах, часть граждан начинает поддерживать и самостоятельно создавать формы традиционной культуры, опираясь на опыт предков и исследования ученых-этнографов [13].

Данное явление формулируется Д.И. Брагиной как «ренессанс» исконных традиций и культуры якутов в современном обществе. Она устанавливает причины и указывает, что данное направление появилось в постсоветский период, в XX – XXI вв. как результат роста этнического самосознания. Так, она пишет, что массовая культура сегодня популяризирует и трансформирует национальную культуру общества. В эпоху глобализации и информатизации знание мифологии приходит к современному якутскому населению в основном через печатные издания, СМИ, Интернет и другие информационные технологии. В связи с ростом этнического самосознания в традиционной культуре и религиозных верованиях якутов олонхо (народный эпос, отображающий древние традиции, мифологические и религиозные верования) по-прежнему занимает важное место в современной культуре. Образы мифологических божеств эпоса находят отражение в творчестве якутской интеллигенции: в живописи, театральных постановках, представлениях и т.д. [3, с. 30].

Нельзя не отметить то, что значительную роль в современном общественном представлении женского образа, а в последующем и образов богинь, сыграли известные творческие деятели, в их числе Т.А. Степанов, создавший картины на тему якутского эпоса, фольклора, верований и религии. На его картинах «Айыыһыт» (2009 г.) и «Иэйэхсит» (2009 г.) богини представлены в образах молодых женщин, вокруг каждой изображены ее основные функции: Айыыһыт – покровительство деторождения, благополучных родов, Иэйэхсит – хранительница домашнего скота и семейного рода. Помимо этого, он является автором тридцати крупномасштабных композиций серии «Якутский героический эпос Олонхо» (1979-1997 гг.). Августина Филиппова – известный художник-модельер, восстановила образы традиционных якутских костюмов и прославила их не только в России, но и за ее границами. Ее работы рождены на основе мифологии народа саха, природных мотивов, дополнены фантазией автора. В прошлом году состоялась персональная выставка Августины Филипповой, в которой она показала собственный взгляд на религию Айыы үөрэбэ. Главной картиной стала «Иэйэхсит», такое же название получила и сама выставка. На полотне изображена молодая женщина в национальном костюме, держащая в руках живую каплю, символизирующую зарождение человека на земле, как части вселенной.

Таким образом, в работе показаны исконные образы женских божеств народа саха, а именно Айыыһыт и Иэйэхсит. В традиционном представлении народа они являлись в виде пожилых женщин, функции которых заключались в даровании детей,

помощи в родах, охранительных функциях самого института семьи и всего, что с ним связано. Сегодня эти божества играют немаловажную роль в культуре и представлениях якутского общества. В данной статье мы выявили, что образы женских божеств трансформировались под влиянием современной культуры. Работы известных творческих деятелей культуры представляют исконные женские божества, как традиционный собирательный образ женщины, только уже молодого возраста в традиционном якутском костюме. «Ренессанс традиционализма» в постсоветский период позволил популяризировать традиционную культуру с учетом современных изменений в обществе и влияния глобализации.

Примечания:

1. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. – 199 с.
2. Борисова А.А. Архетипы как системообразующие понятия // Вестник СВФУ. – 2009. – №2. – С. 127-131.
3. Брагина Д.Г. Трансформация традиционной культуры якутов (конец XX – начало XXI в.). – Новосибирск, 2016. – 117 с.
4. Васильев В.Е. П.А. Ойунский об эволюции религии саха в свете эпоса олонхо // Эпосоведение. – 2019. – №1 (13). – С. 83-89.
5. Кулаковский А.Е. Материалы для изучения верования якутов. Записки Якутского краевого географического общества. 1923. – 108 с.
6. Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Якут книж. изд-во, 1979. – 483 с.
7. Маак Р. Вилюйский округ Якутской области. – СПб., 1887.
8. Обрядовая поэзия саха (якутов). Составители Н.А. Алексеев, П.Е. Ефремов, В.В. Илларионов. – Новосибирск: Наука, 2003. – 505 с.
9. Ойунский П.А. Якутская сказка (Олонхо) ее сюжеты и содержание. – Якутск: Сайдам: 2013. – 96 с.
10. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. – 2-е изд., – М., 1993. – 736 с.
11. Уткин К.Д. Культ женщины в якутских традициях. Якутск, 1994. – 31 с.
12. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа / И. А. Худяков ; под ред. чл.-кор. АН СССР В. Г. Базанова; [подгот. текста О. Б. Алексеевой; ред. якут. текстов и примеч.: Г. У. Эргиса, Н. В. Емельянова, П. Е. Ефремова; вступ. ст. В. Г. Базанова и Н. В. Емельянова]; Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом), Ин-т истории, яз. и лит. Якут. фил. Сиб. отд-ния. - Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1969. - 437 с.
13. Яковлев А.И. к.и.н., Яковлева К.М. к.и.н. Традиционный якутский праздник Ысыах в современном культурном ландшафте// Общество, философия, история, культура. – №1. – 2019. – С. 122-126.

УДК 314.6

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ ЯКУТСКИХ И ЭВЕНСКИХ СЕМЕЙ ВЕРХОЯНСКОГО РАЙОНА РС (Я)

Баишева А.Ю.

Научный руководитель: Матвеева Н.В.,
старший преподаватель Института психологии
СВФУ им. М.К. Аммосова.

Аннотация. Молодая семья – особый объект исследования. Семья является спутником человека с первых дней появления на свет и до последних мгновений земного существования. Именно семья дает возможность ощутить комфорт, человеческое теп-

ло и заботу, удовлетворенность жизнью. Однако, в последние годы семья испытывает серьезные потрясения. Под бременем экономических, политических и социальных проблем рушится не только быт, но и отношения супругов, родителей и детей, семья перестает быть для человека защитой. И поэтому, проблемы молодых семей на сегодняшний день являются особой актуальной задачей для ее изучения и понимания причин возникновения этих проблем. В данной статье выделены актуальные проблемы молодых семей якутов и эвенов, проживающих на территории Верхоянского района Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: молодая семья, социальные проблемы, защита, поддержка, якуты, эвены, Верхоянский район, Якутия.

SOCIAL PROBLEMS OF YOUTH ON THE EXAMPLE OF THE YAKUT AND EVEN FAMILIES OF THE VERKHOYANSK REGION OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Abstract. The young family is a special object of study. The family is a human companion from the first days of birth to the last moments of earthly existence. It is the family that makes it possible to feel comfort, human warmth and care, and life satisfaction. However, in recent years, the family has been experiencing serious upheavals. Under the burden of economic, political and social problems, not only everyday life collapses, but also the relations of spouses, parents and children, and the family ceases to be a protection for a person. And so, the problems of young families today are a special urgent task for its study and understanding of the causes of these problems. The situation of many young families is currently in a difficult situation, which hinders the implementation of their main functions and creates new social problems that the family cannot cope with. This article highlights and compares the current problems of young families of Yakuts and evens living on the territory of the Verkhoyansky district of the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: young family, social problems, protection, yakuts, evens, support, Verkhoyansk region, Yakutia.

Целью статьи является анализ актуальных проблем молодых семей якутов и эвенов Верхоянского района Республики Саха (Якутия) посредством социологического исследования.

В Постановлении Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 979 г «О внесении изменений в акты Правительства Российской Федерации по вопросам реализации мероприятий по обеспечению жильем молодых семей» молодая семья определена как семья, в которой возраст супругов не достиг 35-летнего возраста.

География исследования - Верхоянский район РС (Я), включающий 17 муниципальных образований, в том числе 3 городских поселения: город Верхоянск, п.г.т. Батагай (административный центр района), Эге-Хая и 14 сельских наслегов. Общее количество семей в Верхоянском районе составляет – 2770. Из них количество молодых семей – 769.

Этнический состав района: 74 % - саха, 16 % - русские, 10% - эвены и др. Сельскому поселению Табалахского наслега с. Улахан – Кюель в 2006 г. присвоен статус компактного проживания малочисленных народов Севера. В поселке проживает 970 человек, из них 170 – эвены [3]. Прежде чем, обратиться к теме исследования, нами была проанализирована соответствующая научная литература, в отношении изучения социальных проблем коренных народов Якутии. В частности мы обратились к работам сотрудником ИГИиПМНС СО РАН, например, по проблемам адаптации коренных малочисленных народов Севера [6, 7], изучению идентичности, ролям миграции, занатости молодежи Арктики [1, 4, 5] и в целом изучению этнической струк-

туры наследия Якутии [2]. Авторы работ весьма глубоко рассматривают социальные проблемы и этносоциальные процессы в Якутии, но, считаю, что собственный полевой материал вполне может дополнить знания о социальных проблемах молодых семей коренных народов Севера, проживающих в Арктике.

Изучение актуальных проблем молодых семей Верхоянского района Республики Саха (Якутия). С целью выявления актуальных проблем молодых семей в Верхоянском районе нами был проведен опрос – анкетирование. В ходе исследования приняли участие 76 респондентов – молодых семей. Социальный состав участвующих в опросе был представлен следующим образом: 9 % мужчин и 91% женщин, в возрасте от 21 до 35 лет, национальностью: 47% – якуты и 47% – эвены, другие национальности – 6%. Опрос включал всего 19 вопросов. Анкета включает открытые, закрытые и полукоткрытые вопросы. Затрагивались вопросы с воспитательной, социальной, экономической, психологической, информационной точки.

Исходя из результатов опросов, мы пришли к следующему выводу, что психологическая обстановка и взаимоотношение с детьми молодых семей в Верхоянском районе оценена на благоприятной основе и не беспокоит.

Наиболее остро стоят проблемы:

в экономическом и материальном плане: высокие цены на продукты питания и авиабилеты.

информационная: не осведомленность о национальных проектах, программах, поддерживающих их семей;

проблема благоустройства на территории Верхоянского района, недовольство жилищными условиями;

дефицит рабочих мест;

низкая заработная плата.

Сравнение проблем молодых семей якутов и эвенов Верхоянского района Республики Саха (Якутия). В анкетировании приняли участие 72 молодые семьи, из них молодые семьи из числа якутов – 36, эвенов – 36. Кочевых эвенов – 11 молодых семей, оседлых эвенов – 25 семей. Для более точного сравнения проблем молодых семей якутов и эвенов нами была составлена таблица ответов на вопросы.

Чтобы узнать проблемы и образ жизни наших эвенов были заданы следующие дополнительные вопросы:

1. Какой образ жизни Вы ведете, кочевую или оседлую?

2. Если Вы живете оседлым образом жизни, то почему выбрали жизнь в поселке?

3. Знаете ли вы свой родной язык?

4. Если Вы ведете кочевой образ жизни, то могли ли переехать жить в населенный пункт?

На вопрос «Если Вы живете оседлым образом жизни, то почему выбрали жизнь в поселке?» основное количество опрошенных привели одни и те же проблемы: - с детства не знают, что такое кочевой образ жизни; - с малых лет живут в поселке; - детей-школьников, оставляя в учебное время в селах, создают свои трудности в семьях; - неоказание профессиональных медицинских услуг и сложные жизненные условия в оленстадах вынужденно приводят к оседлому образу жизни.

В настоящее время особое внимание вызывает сохранность традиционных культур малочисленных народов Севера, многие из которых продолжают утрачивать свои культурные особенности. По мнению большинства молодых семей, которые ведут кочевой уклад жизни, кочевой образ жизни обусловил создание своеобразной системы воспитания детей, опирающейся на традиционные основы жизнедеятельности этноса – на специфические отрасли северного хозяйства: оленеводство, охотничий и рыболовный промыслы, собирательство и обеспечил гарантированную

преемственность поколений – передачу многовекового опыта жизни в суровых условиях Севера, нравственно-этических норм, гармонизировавших с окружающей средой. Исходя из жизненных потребностей, воспитание детей у эвенов занимало особую роль, так как от этого зависело их жизнь в гармонии с суровой северной природой [1].

Также наблюдается утрата своего родного эвенского языка. Характеристика языковой ситуации коренных малочисленных народов Севера показывает явное сокращение численности эвенов, владеющих родным языком. Опрошенные молодые семьи все - 93% не знают свой родной язык, 7% частично владеют из числа кочевых эвенов. Так как многолетнее совместное проживание с якутами и изучения в детсадах, школах якутского языка привели к исчезновению родного эвенского языка. И большинство эвенов родным языком считают якутский. Меньше владеют или вообще не владеют родным языком молодое поколение.

«Если Вы ведете кочевой образ жизни, то могли ли переехать жить в населенный пункт?». Все без исключения ответили, что не могут переехать жить в населенный пункт. Так как эвены выработали особую форму поведения, нравственно – этические нормы, гармонизировавшую с окружающей средой, которые проявляются в особо бережном отношении ко всему живому и окружающей природе, как основе жизни человека на Земле. Соответственно, кочевые эвены не могут долго жить отдельно от природы, они преданы родной земле, и поэтому, уезжая на учебу или приезжая в села, их обратно тянет своему родному краю.

Исходя из сравнений проблем молодых семей якутов и эвенов, выявили следующие основные отличительные проблемы:

Исходя из данной таблицы видно (табл.1), что официально зарегистрированных браков среди якутов оценивается на - 88 %, эвенов – 79 %. Наименьшее количество официально зарегистрированных браков наблюдается у кочевых эвенов, оценивается лишь на 37%. Предпочитают жить в фактическом браке, наблюдается неоднократное заключение брака, предпочитают жить свободно, как сожители.

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Ваш брак официально зарегистрирован?»

Социальная группа	Якуты	Кочевые эвены	Оседлые эвены
Да	86%	37%	85%

Основное количество респондентов (якуты – 89 %, оседлые эвены- 91%, кочевые эвены- 93%) ответили, что не встречают проблем во взаимоотношении с детьми, но также были представлены следующие ответы (табл.2): бывают недопонимания, разногласия и споры. Среди кочевых эвенов наблюдается следующий ответ: «очень редко видимся, живут и воспитываются в основном у родственников». Из-за кочевого образа жизни эвенам приходится жить и работать в основное время вдали от своих детей в оленстадах, так как дети школьного возраста остаются учиться в селах, и лишь на летние каникулы, начиная с середины мая (дают индивидуальный график обучения детям школьного возраста), детей берут с собой в оленстадо.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Если у вас есть дети, укажите, какие возникают трудности во взаимоотношениях с ними?»

Якуты	Кочевые эвены	Оседлые эвены
Основное количество респондентов ответили, что: 94%- не встречают проблем; 6%- бывают недопонимания, разногласия, споры;	В основном: 88%- не встречают проблем; также были представлены следующие ответы: -«очень редко видимся, живут и воспитываются в основном у родственников».	89%-не встречают проблемы во взаимоотношении с детьми. Наблюдались также следующие ответы: бывают недопонимания, разногласия, споры.

Основное количество молодых семей якутов и оседлых эвенов воспитывают, опираясь на традиционные основы жизнедеятельности, таких как: собирательство ягод и грибов, шитье и вышивание (96% и 88%), коневодство и разведение КРС оценивается ниже 15%. И лишь 100 % ответ наблюдается среди кочевых эвенов (табл.3). Кочевые эвены продолжают заниматься традиционным видом хозяйственной деятельности – оленеводством, с которым связано формирование особого кочевого образа жизни, самобытной культуры и воспитании подрастающего поколения.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Воспитываете ли своих детей, опираясь на традиционные основы жизнедеятельности?»

Якуты	Кочевые эвены	Оседлые эвены
37% - охота и рыбалка; 9% - разведение КРС 13% - коневодство, 96%- собирательство ягод и грибов, 73% - шитье и вышивание	100%- охота и рыбалка, 100%- оленеводство, 95%- собирательство ягод и грибов, 100% - шитье и вышивание	67% - охота и рыбалка, 4% - разведение КРС, 18%- коневодство, 88% - собирательство ягод и грибов, 86%- шитье и вышивание

Среди якутов и оседлых эвенов преобладают молодые семьи с высшим и средними профессиональными образованиями. И почти 70% населения, из числа опрошенных коренных малочисленных народов Севера – кочевых эвенов, не имеют специального образования (табл.4). Наблюдаются, что многие после окончания школы, поступив в средние и высшие учебные заведения, не окончив вернулись в свой район, не сумев пройти адаптационный период городского образа жизни.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Какое у Вас образование?»

Якуты	Кочевые эвены	Оседлые эвены
Основное количество респондентов имеют: 57%- высшее, 32%-среднее специальное образование, 11%- не имеют специального образования	Основное количество респондентов 72%- не имеют специального образования, 28%- имеют среднее специальное образование	Основное количество респондентов имеют: 30%- высшее, 64%- среднее специальное образование, 6% - не имеют специального образования

Якутам и эвенам (оседлым), проживающим в сельской местности, источником дохода является получение зарплаты по месту основной работы: в администрациях, школьных, дошкольных учреждениях, больницах и др. По образу жизни и интересам они существенно отличаются от тех, кто занят в традиционной сфере. Сами эвены тоже делят себя на «поселковых» и оленеводов. Соответственно, кочевые эвены работают, и их источником дохода является работа в оленстаде «Муола». Кочевые эвены на 100% полностью не довольны доходом их семьи, их заработная плата составляет ниже прожиточного минимума (табл.5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопросы: «Укажите источник Вашего дохода» и «Вас устраивает доход Вашей семьи?»

Якуты	Кочевые эвены	Оседлые эвены
Получение зарплаты по месту основной работы: в администрациях, школьных, дошкольных учреждениях, больницах и др., пособия и социальные выплаты на детей, введение собственного хозяйства	Работа в оленстадах, оленеводство, пособия и социальные выплаты на детей	Получение зарплаты по месту основной работы: в администрациях, школьных, дошкольных учреждениях, больницах и др., пособия и социальные выплаты на детей, введение собственного хозяйства
91%- не устраивает; 9%- устраивает.	100% - не устраивает	89% - не устраивает

На вопрос «По вашему мнению, какие трудности в проживании в Верхоянском районе наблюдаются?» кочевые эвены перечислили следующие характерные ответы (табл.6): - невозможность получения дополнительного дохода: высокие цены на автоперевозки и отдаленность от центра района и села способствует неосуществлению вывоза продуктов из оленей.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «Какие трудности в проживании в Верхоянском районе, по вашему мнению наблюдаются»

Якуты	Кочевые эвены	Оседлые эвены
высокие цены на продукты питания и авиабилеты, низкая заработная плата, проблема благоустройства	высокие цены на продукты питания, низкая заработная плата, Из-за высоких цен на автоперевозки и из-за отдаленности от центра района и села не осуществляется вывоз продуктов из оленей: панты, шкуры, мяса, лапти итд. Для получения дополнительного дохода.	высокие цены на продукты питания и авиабилеты, низкая заработная плата, проблема благоустройства

Жилищные условия. Основное количество молодых семей из числа якутов и оседлых эвенов имеют собственное жилье (88% и 91%). Кочевые эвены: в поселке не у всех имеются дома (67% проживают с другими родственниками) (табл.7). А также из-за долгого отсутствия не наблюдается благоустройство: дома не соединены к центральному отоплению поселка, чтобы не выплачивать коммунальные услуги за тепло и воду.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Укажите Ваши жилищные условия»

Якуты	Кочевые эвены	Оседлые эвены
90% - имеют собственное жилье, 4%- проживают с другими родственниками, 6% - снимают жилье.	67%- проживают с другими родственниками, 33%-имеют собственное жилье.	91% -имеют собственное жилье, 9%- снимают жилье.

В ходе сравнения проблем молодых семей по национальностям, пришли к выводу, что среди якутов и оседлых эвенов наблюдаются в основном одни и те же проблемы, так как они проживают в одних условиях, в частности, в селах. Таким образом, отличительными проблемами кочевых эвенов являются:

утрата своего родного эвенского языка. Опрошенные молодые семьи все -93% не знают свой родной язык, 7% частично знают из числа кочевых эвенов. Так как многолетнее совместное проживание с якутами и изучения в детсадах, школах якутского языка привели к исчезновению родного эвенского языка. И большинство эвенов родным языком считают якутский. Меньше владеют или вообще не владеют родным языком молодое поколение;

наименьшее количество официально зарегистрированных браков: оценивается лишь на 37 %. Предпочитают жить в фактическом браке, наблюдается неоднократное заключение брака, выбирают жить свободно, как сожители;

невозможность получения дополнительного дохода: высокие цены на автоперевозки и отдаленность от центра района и села способствует неосуществлению вывоза продуктов из оленей.

почти 72% населения из числа опрошенных коренных малочисленных народов Севера – кочевых эвенов, не имеют специального образования. Наблюдаются, что многие после окончания школы, поступив в средние и высшие учебные заведения, не окончив, вернулись в свой район, не сумев пройти адаптационный период городского образа жизни. Эвенам присуще трепетное отношение к природе, преданность родному краю, поэтому уезжая на учебу или приезжая в села, их обратно тянет к своей земле. Отсутствие подготовленных кадров приводит к замедлению темпов развития северных хозяйств, в том числе традиционных видов хозяйствования, а также росту безработицы;

жилищные условия. В поселке не у всех имеются дома. А также из-за долгого отсутствия не наблюдается благоустройство: дома не соединены к центральному отоплению поселка, чтобы не выплачивать коммунальные услуги за тепло и воду.

финансовые проблемы. Недовольство доходом семьи – заработная плата ниже прожиточного минимума;

незнание своих прав. Слабая информированность о правах КМН, в результате чего недостаточно используются государственные гарантии, стипендии и др. виды помощи;

из-за кочевого образа жизни эвенам приходится жить и работать в основное время вдали от своих детей.

Таким образом, важно отметить, что на муниципальном, республиканском, федеральном уровне необходима комплексная социальная поддержка молодых семей, ведущих кочевой образ жизни, для их более результативного становления и функционирования, для преодоления их основных проблем и возможности повышения уровня жизни молодых семей, ведущих кочевой образ жизни.

Примечания:

1. Баишева С.М. Занятость молодежи Севера Якутии в контексте устойчивого развития арктических территорий // Аргуновские чтения-2015. Аргуновские чтения: Материалы международной научно-практической конференции (workshop). Сер. «Культура АРКТИКИ» – 2015. – С. 170-175.
2. Игнатьева В.Б. Население Республики Саха (Якутия): динамика современных демографических процессов // Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): потенциал, тенденции, перспективы. Игнатьева В.Б., Павлов А.А., Винокурова Д.М., Винокурова Л.И., Аргунова Т.В., Васильева Р.И., Васильев В.Е., Подойницына И.И. ответственный редактор: В.Н. Иванов; Академия наук Республики Саха (Якутия), Институт гуманитарных исследований. Новосибирск, 2000. – С. 9-34.
3. Инвестиционный паспорт муниципального образования «Верхоянский район» Республики Саха (Якутия). URL: <https://investyakutia.com/media/W1siZiIsIjIwMTg5MDIvMjAvNXV4OHсхаGFucF9fLl8ucGRml1d/Инвест.паспорт%20Верхоянский.pdf?sha=6a41ed707584fdc4> (дата обращения 10.09.2020)
4. Маклашова Е.Г. Специфика российской идентичности у молодёжи периферийных территорий // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (35). – С. 183-190.
5. Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Идентичности молодёжи Арктики // Социологические исследования. – 2015. – № 5 (373). – С. 139-144.
6. Попова А.Г. Молодежь народов Севера: этническая идентичность и особенности социальной адаптации // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2010. – № 1 (1). – С. 26-31.
7. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) / С.М. Баишева, Р.И. Донской, Т. Н. Константинова [и др.]; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т гуманитар. исслед. и пробл. малочисл. народов Севера. – Новосибирск: Наука, 2012. – 360 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акен Айнур Ерболкызы, магистрант исторического факультета Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Нур-Султан), ainur.aken@mail.ru

Акимова Александра Спартаковна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, sikkier84@mail.ru

Алексеева Сардана Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии и археологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, alexeeva_sar@mail.ru

Апросимов Дмитрий Андреевич, аспирант отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, dmitrii.aprosimov@gmail.com

Архипова Алена Ивановна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, ali-titova@rambler.ru

Астахова Ирина Сергеевна, младший научный сотрудник отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, irasta@list.ru

Баишева Анисья Юрьевна, студентка 4 курса Института психологии, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», anitabaisheva@mail.ru

Бандерова (Слепцова) Варвара Яновна, аспирант Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского СО РАН, varvarayanovna@mail.ru

Борисова Юлия Михайловна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского СО РАН, julaai@mail.ru

Бурцев Семен Александрович, студент 2 курса исторического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова»

Варавина Галина Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, varavina1982@mail.ru

Васильев Айсен Данилович, младший научный сотрудник отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, aysen_vasilev@mail.ru

Васильева Ольга Валерьевна, кандидат политических наук, заведующая Центром этносоциологических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, ovasileva.igi@mail.ru

Гаврильев Дмитрий Захарович, заведующий отделом Музея археологии, этнографии и истории высшей школы, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова», dima.gavriliev@mail.ru

Ефремова Надежда Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова», Enadin1979@mail.ru

Кирьянов Николай Сергеевич, кандидат исторических наук, руководитель Музея арктической археологии им. С.А. Федосеевой Арктического научно-исследовательского центра АН РС (Я), ns_kiryanov@bk.ru

Михайлова Саина Андреевна, студентка 1 курса исторического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова», smkhlv@mail.ru

Михайлова Саргылана Михайловна, студентка 3 курса, исторического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им М.К. Аммосова», s.mhlva@gmail.com

Михайлова Александра Ильинична, студентка 3 курса исторического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова», champion99.ru@gmail.com

Николаев Дмитрий Алексеевич, младший научный сотрудник лаборатории «Человек в Арктике» Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, nicolaev.dmitry2013@yandex.ru

Прокопьева Александра Николаевна, научный сотрудник лаборатории «Человек в Арктике» Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, sendiele@gmail.com

Саввинов Павел Олегович, аспирант Института истории СО РАН, pavel_savvinov@mail.ru

Скрябина Алевтина Афанасьевна, младший научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, alevtinaskr@gmail.com

Слепцова Айталипа Алексеевна, младший научный сотрудник лаборатории «Человек в Арктике» Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, aytalina92s@gmail.com

Татаева Анна Николаевна, студентка 2 курса северного отделения Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», tataeva-1983@mail.ru

Тейкин Михаил Спартакович, аспирант кафедры русской филологии и журналистики ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет» (Магадан), teikin-ms@mail.ru

Ягловский Алексей Сергеевич, младший научный сотрудник Музея арктической археологии им. С.А. Федосеевой Арктического научно-исследовательского центра АН РС (Якутия), yaglovskiy2020@mail.ru

Яковлев Айтал Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии, исторического факультета, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», aytalyakovlev@mail.ru

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ЯКУТИИ: ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Сборник научных статей

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
670007, г. Якутск, ул. Петровского, 1

Официальный портал: www.igi.ysn.ru

Объем издания: 3,71 Мб.